

Евреи

Хилэр Беллок

THE JEWS

By HILAIRE BELLOC

שלום לישראל

CONSTABLE & COMPANY, LIMITED
LONDON BOMBAY SYDNEY

Проект " Электронная книга евреев" Гутенберга

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Евреи

Автор: Хилэр Беллок

Дата выхода: 26 ноября 2015 г. [Электронная книга № 50556]

Последнее обновление: 22 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Clarity, Мартином Петтитом и командой онлайн-корректоров (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive / Американскими библиотеками (<https://archive.org/details/americana>)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЕВРЕИ" ***

Электронная книга проекта "Евреи" Гутенберга, автор Илер Беллок

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через интернет-архив / Американские библиотеки. Видеть <https://archive.org/details/jewsbelloc00bellrich>

ЕВРЕИ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

ЕВРОПА И ВЕРА

"Мистер Беллок развил ту сторону истории, которая является полезным противоядием от самодовольного англиканства; и он написал блестящее и жгуче искреннее историческое эссе, увлекающее читателя за собой. Это, безусловно, лучшая книга, которую он написал".—*The Church Times*.

СТАРАЯ ДОРОГА

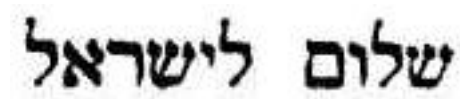
С иллюстрациями Уильяма Хайда, картой и путеводителями по маршрутам. Новое издание.

СТЕЙН - СТРИТ

Монография. С иллюстрациями Уильяма Хайда и картами.

ЕВРЕИ

ХИЛЕР БЕЛЛОК

CONSTABLE & COMPANY, LIMITED
ЛОНДОН, БОМБЕЙ, СИДНЕЙ

*Впервые опубликовано в 1922 г.
Второе впечатление 1922 г.*

МИСС РУБИ ГОЛДСМИТ,

МОЕМУ СЕКРЕТАРЮ НА ПРОТЯЖЕНИИ МНОГИХ ЛЕТ В КИНГЗ-ЛЭНД И ЛУЧШЕМУ И САМОМУ БЛИЗКОМУ ИЗ НАШИХ ЕВРЕЙСКИХ ДРУЗЕЙ, Перед КОТОРОЙ МОЯ СЕМЬЯ И я ВСЕГДА БУДЕМ В ГЛУБОКОМ ДОЛГУ БЛАГОДАРНОСТИ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Боюсь, цель этой книги более скромна, чем цель многого из того, что появилось по этому жизненно важному политическому вопросу - отношениям между евреями и окружающими их народами.

Он не предлагает какого-либо подробного, а тем более какого-либо позитивного юридического решения того, что стало насущной проблемой, и не претендует на какое-либо ее полное решение. Это не более чем предположение, что любая попытка решить эту проблему должна следовать определенным общим направлениям, которые существенно отличаются от тех, которые предпринимались в Западной Европе в период, непосредственно предшествующий нашему. Я полагаю, что, если нынешнее поколение обеих сторон дискуссии, евреев и нас самих, отбросит условности и возьмет за принцип обсуждать проблему с точки зрения реальности, мы автоматически придем к правильному решению.

Нам остается только сказать правду вместо лжи последнего поколения. Следовательно, из трех принципов, на которых основывается это эссе, принцип, согласно которому *сокрытию* должен быть положен конец, кажется мне более важным, чем принцип взаимного признания или даже принцип взаимного уважения. Ибо вполне может быть, что мое суждение ошибочно в вопросе еврейского национального самосознания; вполне может быть, что я преувеличиваю это, и несомненно, что одна сторона в споре не может обладать всеми знаниями, необходимыми для его разрешения; другая сторона должна быть услышана. Но ни мое суждение, ни суждение любого другого человека не могут быть ошибочными в отношении ценности истины и окончательных пагубных последствий попыток строить на лжи.

Английский читатель (в меньшей степени, я думаю, американский) часто найдет в моих предложениях нотку, которая покажется ему фантастической. Спор уже разгорелся здесь, в Лондоне, но здесь он не достиг тех пределов, которых давным-давно достиг в других местах; и человек, привыкший к более спокойной атмосфере, в которой до недавнего времени обсуждались все общественные дела в этой стране, может улыбнуться тому, что покажется ему странным и преувеличенным. На это я бы ответил, что книга была написана не только в свете английского языка, но и с учетом общего опыта. Я готов поспорить, что, если бы дело было передано в руки присяжных, выбранных из представителей различных национальностей Европы и Соединенных Штатов, оно было бы признано слишком умеренным в оценке постулируемой им опасности. Далее я хотел бы попросить читателя, который, возможно, не осознал, насколько быстро приближается опасность, подумать о расстоянии, пройденном за последние несколько лет. Прошло не так много времени с тех пор, как простое обсуждение еврейского вопроса в Англии было невозможно. Прошло всего несколько лет с тех пор, как простое признание этого казалось ненормальным. Правда в том, что этот вопрос не из тех, которые мы открываем или закрываем по своему желанию ни в одной европейской стране. Он последовательно навязывается одной нации за другой силой вещей. Именно эта сила вещей, эта необходимость для национального благополучия и предотвращения беспорядков сегодня поставили еврейский вопрос перед обществом, которое все еще неохотно рассматривает его и все еще надеется, что он может вернуться к своему прежнему забвению. Это не может так вернуться.

В заключение я попрошу моих читателей-евреев, а также неевреев - обратить внимание на то, что я опустил все личные намеки и каждый элемент простого обвинения. Я тщательно избегал упоминания конкретных примеров из общественной жизни, свидетельствующих о трениях между евреями и нами самими, и даже примеров, взятых из прошлой истории. С их помощью я часто мог бы усилить свои аргументы и, несомненно, сделал бы свою книгу намного более читаемой. Я опустил все подобные вещи, потому что, хотя таким образом всегда можно вызвать интерес, это разжигает вражду между противоборствующими сторонами. Поскольку моя цель - уменьшить эту вражду, которая уже стала опасной, я был бы действительно неискренним, если бы просто из желания оживить это эссе опустил до раздражения.

Я мог бы сделать книгу намного сильнее как полемический материал и бесконечно более забавной как документальный отчет, но я написал ее не как полемический материал и не как документальный отчет. Я написал это как попытку восстановить справедливость.

Содержание

СТРАНИЦА

ГЛАВА I

Тезис этой книги

3

Евреи являются чужеродным телом в обществе, в котором они живут — отсюда раздражение и трения — проблема возникает из—за возникших таким образом напряжений - решение этой проблемы срочно необходимо.

От чужеродного тела в любом организме избавляются одним из двух способов: элиминацией и сегрегацией.

Устранение может быть путем уничтожения, экскреции или поглощения — в случае евреев первое отвратительно и, более того, потерпело неудачу — второе означает изгнание: оно также потерпело неудачу — третье, поглощение, наиболее вероятное и наиболее моральное, терпело неудачу на протяжении всего прошлого, хотя все говорило в его пользу.

Остается сегрегация, которая может принимать две формы: враждебную по отношению к чужеродному телу или небрежную по отношению к нему, или дружественную к нему и заботящуюся о его благе — в этой последней форме это лучше всего можно назвать *Признанием*. Первый вид сегрегации часто предпринимался в истории — он был частично успешным в течение длительных периодов, — но всегда оставлял после себя чувство несправедливости и на самом деле не решал проблему — также в конце концов он всегда терпел неудачу.

Истинное решение заключается во втором виде сегрегации, то есть признании с обеих сторон отдельной еврейской национальности.

ГЛАВА II

Отрицание проблемы

17

В недалеком прошлом проблему обходили в Западной Европе простым отрицанием ее существования — некоторые были искренне неосведомлены о существовании еврейской нации — некоторые думали, что разница заключается только в религии — большинство признавало существование отдельной нации, но считало удобную фикцию о том, что ее не существует, необходимой для современного государства.

Это невежество или вымысел были разрушены в наше время — частично из—за необходимой реакции истины на любую ложь, частично из—за увеличения числа евреев в западных странах, но в большей степени из-за значительного увеличения их власти.

И все же, хотя эта старая "либеральная" выдумка о евреях умерла, оказавшись неработоспособной перед лицом фактов, в ней было что сказать в свое оправдание — она на некоторое время обеспечила мир — она выбрала модели из прошлого — и она была основана на определенной истине, а именно на том, что еврей очень быстро перенимает поверхностные черты нации, в которой ему довелось какое—то время жить — более того, этого желали сами евреи — пример старого еврейского пэра и его требование "оставить его в покое" - практическое доказательство неудачи в его случае.

Во всяком случае, старая "либеральная" выдумка теперь совершенно бесполезна — проблема признана и должна быть решена.

ГЛАВА III

Нынешняя фаза проблемы

43

Еврейская проблема, присутствующая на протяжении всей истории, приобрела сегодня особый характер - это характер острой реакции против старого утверждения, что евреи идентичны нациям, в которых им довелось жить — сначала это принимало форму только раздражения — еврейская революция в России внезапно привела в очень сильную ярость — но задолго до этого растущее влияние евреев в общественной жизни, антисемитские публикации на Континенте, агитация Дрейфуса, война в Южной Африке и еврейское руководство история социализма подготовила путь—Ситуация перед началом Великой войны-Большевизм—краткое описание будет расширено в следующей главе—Большевизм — это еврейское движение, *но не движение еврейской расы в целом*—его особым эффектом было высвобождение критики еврейской власти, которая до сих пор хранила молчание из страха перед капитализмом или симпатии к нему.

Люди не решались нападать на евреев как на финансистов, потому что стабильность общества и их собственного состояния были связаны с финансами, но когда группа евреев также выступила в качестве активных врагов существующего общества и частного состояния, сдержанность была снята — с тех пор как большевистское движение открыто (и враждебно) обсуждало еврейскую проблему, она стала всеобщей.

ГЛАВА IV

Общие причины трений

69

Напряжение между еврейством и его хозяевами в исламе и христианском мире гораздо древнее, чем может объяснить любая современная причина — истинные причины как

общие, так и частные — я называю те *общие*, которые неискоренимы и проистекают из противоположной природы двух рас, *частные*, которые зависят от воли любой стороны и могут быть изменены в пользу обеих.

Поскольку общей причиной трений является контраст в фундаментальном характере, мы отмечаем, что распространенные обвинения, выдвигаемые против евреев, ложны, как и распространенные похвалы, которые ему воздают те, кто не принадлежит к этой расе.—В каждом случае следует отметить не ряд добродетелей или пороков, присущих еврею, а расовый характер или оттенок каждого качества.

Они рассмотрели — еврейское мужество—примеры—еврейское великодушие—силу еврейского патриотизма—вытекающее из этого безразличие к нашим национальным чувствам—обвинения, возникающие отсюда, особенно во время войны— еврейскую способность к концентрации—красноречию — еврейскую тенденцию "раздувать" еврейский успех и скрывать еврейскую неудачу или опасность — пагубные последствия этой тенденции в наших взаимоотношениях.

Бедность еврейского народа — ложный эффект, произведенный несколькими крупными еврейскими состояниями—нестабильность этих состояний—раболепие богатых европейцев перед еврейскими ростовщиками—зависимость наших политиков от богатых евреев - пагубный эффект этого в попытке урегулировать внутренние дела Восточной Европы.

Пагубные последствия частично еврейской финансовой монополии — особенно при такой ярко выраженной парламентской коррупции, как сегодня.

ГЛАВА V

Особые причины трений

99

Я назвал "Особыми" причинами трений те, которые могут быть устранены по желанию любой из сторон — по—видимому, с еврейской стороны это привычка к секретности и привычка выражать чувство превосходства - с нашей стороны неискренность и неразумность в нашем обращении с евреями и отсутствие милосердия.

Прискорбная еврейская привычка к секретности— использование вымышленных имен— примеры—неадекватные оправдания тому же самому - обычный код таких имен, которые вводят нас в заблуждение, но могут быть расшифрованы другими евреями.

Выражение превосходства евреем —наша государственная мудрость никогда в достаточной степени не допускала этого—примеры этого выражения—Еврейское вмешательство в нашу религию-или национальные распри—и другие сферы, которые чужды еврейским интересам-с другой стороны, это качество было сохранением расы — еврей должен отметить соответствующее чувство превосходства с нашей стороны —даже бедный халтурщик, если он европейской крови, чувствует себя выше еврейского миллионера.

ГЛАВА VI

Причина трений с нашей стороны

123

Этой частью нашего исследования часто пренебрегают из—за ошибки — предполагается, что, поскольку мы являемся хозяевами, а еврей нам чужой, на нас не ложится никакая ответственность - эта ошибка забывает, что еврей постоянно с нами и что каждое постоянное человеческое отношение предполагает ответственность.

Первой причиной трений с нашей стороны является *неискренность* в наших отношениях с евреями —примеры этого —мы скрываем от еврея наши истинные чувства—мы обманываем его—в особенности виноваты богатые классы, которые вступают в браки с евреями и вступают с ними в деловые партнерские отношения —население более прямолинейно —этот обман еврея вызывает у него беспокойство, когда ссора доходит до критической точки —он не слышал, что говорят у него за спиной.

Лицемерие в нашем замалчивании еврейской проблемы в истории — грубые примеры этого в современной жизни и особенно в популярной прессе — евреи называли "русских", "немцев" кем угодно, только не тем, кто они есть.

Неинтеллигентность — вторая причина трений —пример: наше отношение к еврейской иммиграции — мы ненавидим это, но допускаем, потому что не осмеливаемся дать этому правильное название —неинтеллигентное отношение к еврею в художественной литературе —неинтеллигентность в нашем изумлении его международным положением - пример двоюродного брата министра, попавшего в беду.

Последняя причина — отсутствие милосердия—люди не хотят поставить себя на место еврея и посмотреть, как все выглядит с *его* стороны—мы не общаемся (как следовало бы) с евреями всех классов и обращаемся к их обществам—Краткое содержание—Предупреждение против идеи, что трения между евреями и нами неважны - это привело к катастрофе в прошлом и может привести в будущем.

ГЛАВА VII

Антисемит

145

Ошибка пренебрежения изучением антисемитизма из-за его экстравагантности - это наиболее важная вещь, какой бы несбалансированной она ни была —характер антисемита- он не признает еврейскую проблему, подлежащей решению, а только еврейскую расу, которую следует ненавидеть—эта ненависть является его основным мотивом - его внутренние противоречия—его заблуждение—его сила —пресса по-прежнему в целом бойкотирует антисемитское движение—но оно необычайно растет—его огромная сила *документации*—его огромное накопление доказательств -эффект, который это произведет, когда выйдет наружу.

Евреи встретили антисемитизм только насмешками - этого оружия недостаточно и оно обречено на провал — их враги противостояли ему, накапливая *факты*— последнее гораздо более сильное оружие, пока сохраняется ошибочная еврейская политика секретности.

Опасность антисемитского движения для евреев - (1) из—за его интенсивности — (2) из—за огромного накопления свидетельств, которые нельзя постоянно скрывать - (3) и, что наиболее важно, потому что оно связано с широко распространенным сейчас и более умеренным, но очень враждебным чувством, для которого оно действует как острие копья.

ГЛАВА VIII

Большевизм

167

Революция в России станет исторической отправной точкой, с которой будет отсчитываться возобновившаяся враждебность к евреям в Западной Европе.

Рассмотрение этой революции — это было (как сказано в главе III) "*а еврейское движение, но не движение еврейской расы*": важность этого различия — к сожалению, два разных термина "еврейская раса" и "еврейское движение" перепутаны в массовом сознании.

Революция не результат случайности или вселенского заговора—элемент расовой мести—еврей не революционер—особый характер ситуации в России—Промышленный капитализм, великое зло нашего времени, появился недавно и слаб — следовательно, открыт для особых атак— международное зло—единственными применимыми международными силами были евреи и католическая церковь—почему католическая церковь не может *напрямую* атаковать промышленный капитализм—почему еврей, который ему противостоит, может атаковать и атакует его *напрямую* —ни наш инстинкт собственности, ни наш национализм не являются препятствием в его случае.

Серьезные опасности для еврея возникают из—за его отождествления с большевизмом - тем больше причин противостоять этим опасностям здравым подходом к еврейской проблеме.

ГЛАВА IX

Положение в мире в целом

189

Еврейская проблема варьируется (1) в зависимости от степени, в которой евреи приобрели контроль и господство в различных местах; (2) в соответствии с традициями каждого сообщества в подходе к проблеме; (3) в зависимости от силы в каждом сообществе четырех международных сил, которыми являются католическая церковь, ислам, промышленный капитализм и социалистическое восстание против последнего.

Отдельный еврей не чувствует, что он находится в состоянии контроля или даже что он вмешивается в дела своих хозяев - и все же это всеобщая жалоба на него — это корпоративная или коллективная власть, вызывающая все большее негодование.

Позиция в России —повторяется —на Маршах России, Румынии и Польши—в Центральной Европе—в Западной Европе - исключение составляет Ирландия.

Положение в Соединенных Штатах — мистер Форд и большой эффект от его действий.

Западная традиция более благоприятна для евреев, чем Восточная—проблема евреев и ислама—позиция католической церкви—влияние промышленного капитализма и его противоположности, социализма, на проблему.

ГЛАВА X

Положение евреев в Англии

215

Англия впала в обе крайности по отношению к евреям. Еврей во времена Римской Империи

и в средние века — его монополия на ростовщичество в *начале* средневековья—Изгнание всех английских евреев при Эдуарде I—их возвращение при Кромвеле—за этим последовал растущий союз между английским государством и евреями—во многом из—за космополитических коммерческих интересов Британии—также из—за общей враждебности по отношению к католической церкви—чему способствовали огромное богатство и безопасность этой страны—в конце девятнадцатого века евреи, несмотря на их малочисленность, составляют цвет каждого английского учреждения, особенно университетов и Палаты общин —интересы двух рас начали сближаться. расходятся перед Великой войной - тем не менее формальный союз, поддерживаемый еврейскими финансами благодаря контролю политиков, - его кульминацией стала попытка сформировать англо-иудейское государство в Палестине.

ГЛАВА XI

Сионизм

231

Главный интерес сионистского эксперимента заключается в его реакции на *международное* положение евреев — однако этот момент еще не обсуждался — каков будет эффект эксперимента на положение евреев *за* пределами, обязательно подавляющего большинства этой расы?— неизбежная альтернатива — либо евреи теряют свое международное положение из—за утраты фикции о том, что они не являются нацией, либо сионистский эксперимент терпит крах, особенно в Восточной Европе.

Особый эффект эксперимента для Великобритании — трудность сохранения жертвенности ради чисто еврейских интересов, которые теперь вступают в противоречие с британскими —непопулярность такой жертвы неизбежна—серьезная ошибка при первом назначении на пост главы Нового государства—недостойность политика, выбранного на этот пост.

ГЛАВА XII

Наш долг

249

Это всего лишь следствие условий, установленных в Главах IV, V и VI —наш двойной долг смешиваться с евреями и признавать их отдельную национальность—необходимость *открыто* признавать эту отдельную национальность в разговорах и социальных привычках—несмотря на трудности, которым противостоят условности—в этом более богатые классы должны следовать примеру населения—глупость и опасность *страха* в этом вопросе —страх перед еврейской властью унизителен и раздражает европейцев—задержка усугубляет ситуацию—наше простое долг состоит в том, чтобы признать эту чуждую нацию, уважать ее и относиться к ней откровенно, как мы относимся к любой национальности, кроме нашей собственной.

ГЛАВА XIII

Их долг

271

Только краткое упоминание — вмешательство или совет во внутренние дела еврейства было бы дерзостью — но ясно, что все специально еврейские учреждения поддерживают

правильную политику, за которую я ратую — те, которые уже существуют — школы, газеты, еврейские общества — любое расширение этих учреждений следует приветствовать, потому что они подчеркивают и разъясняют особую национальность еврея.

ГЛАВА XIV

Различные теории

277

Эта глава представляет собой отступление от различных теорий о еврейской расе и ее судьбах, которые возникали в истории и некоторые из которых существуют до сих пор.

Теория о невозможности примирения - ее привязанность к идее особого проклятия или благословения.

Теория таинственного необходимого союза между Израилем и Великобританией — его самые экстравагантные формы.

Теория о том, что евреи являются необходимым *потоком* Европы, без которого наша энергия пришла бы в упадок — обратите внимание на интеллектуальную независимость еврея и на его первоначальное влияние на наше мышление — требует совместной еврейской истории Европы и ислама.

Теория о том, что еврейская проблема является исключительно внутренней и нас не касается, — ее ошибочность, поскольку отношения взаимны.

Две теории о евреях как о злейшем враге наших невинных "я" и о нашей злейшей вражде к невинному еврею—мученику - обе ошибочны.

Теория о том, что еврейская проблема *сейчас* решается сама собой путем поглощения — эта теория ложна и вызвана неправильным пониманием истории и пренебрежением острой современной и недавней дифференциацией — эпиграмма мистера Форда о "плавильном котле".

Фантастическая теория о том, что еврейского национального типа не существует!

ГЛАВА XV

Заключение. Привычка или закон?

301

При условии, что решение, которое я предлагаю (полное признание отдельного гражданства), является справедливым решением, должно ли оно быть выражено в законе?— Нет, я думаю, до тех пор, пока это впервые не появится в нашей морали и социальных условностях — для начала в законах и постановлениях о *нашем* сторона неизбежно породила бы угнетение — но предложение об отдельных институтах, исходящее от еврейской стороны, следует приветствовать — срочность урегулирования— современные ссоры становятся все ожесточеннее, а не меньше — но со своей стороны я говорю: "Мир Израилю".

ГЛАВА I

ТЕЗИС ЭТОЙ КНИГИ

Тезис этой книги заключается в том, что продолжающееся присутствие еврейской нации, смешанной с другими чуждыми ей нациями, представляет собой постоянную проблему серьезнейшего характера: что совершенно иная культура, традиции, раса и религия Европы делают Европу постоянным антагонистом Израиля, и что недавнее и быстрое усиление этого антагонизма придает поиску решения немедленное и в высшей степени практическое значение.

Ибо, если позволить ссоре разрастись бесконтрольно и не утихать, мы неожиданно и скоро столкнемся с одной из тех трагедий, которыми на протяжении веков были отмечены отношения между этой своеобразной нацией и нами.

Еврейская проблема - это та, которой нельзя найти истинной параллели, поскольку исторический и социальный феномен, породивший ее, уникален. Это проблема, от которой нельзя уклониться, поскольку последнее поколение как евреев, так и их хозяев пыталось уклониться от нее. Это проблема, которой нельзя избежать или даже уменьшить (как это можно сделать с некоторыми социальными проблемами) целебным действием времени, поскольку оно увеличивается на наших глазах. С этим нужно встретиться и разобраться открыто и сейчас.

Эта проблема заключается в уменьшении или приспособлении к напряжению, вызванному присутствием чужеродного тела в любом организме. Чужеродное тело создает напряжение, или, если сменить метафору, создает трение, которое является злом как для него самого, так и для организма, в котором оно обитает. Проблема в том, как ослабить это напряжение навсегда и снова сделать все как обычно.

Есть два пути к столь желанной цели.

Первый - это устранение того, что является чужеродным. Второй - это его разделение. Другого пути нет.

Элиминация чужеродного тела может принимать три формы. Она может принимать откровенно враждебную форму — элиминацию путем разрушения. Она может принимать форму, также враждебную, но менее враждебную — элиминацию путем изгнания. Это может принимать третью форму, дружественную (и которая на сегодняшний день наиболее часто встречается в естественном процессе физической природы и общества) — элиминацию путем поглощения; чужеродное тело становится неотличимой частью организма, в котором оно изначально было источником беспокойства, и теряется в нем. Эти три способа подводят итог первому методу, методу исключения.

Второй метод, если исключение окажется невозможным или нежелательным, заключается в сегрегации; и она опять—таки может быть двух видов - враждебной и дружественной. Мы можем отделять чужеродный элемент независимо от его собственных целей или желаний: его выделение осуществляется по плану, разработанному исключительно с точки зрения вторгшегося организма, а уменьшение напряжения или трения, которое он создает, достигается простым отсечением его от всех путей, по которым он может воздействовать на своего хозяина.

Но мы также можем отделить чужеродный раздражитель с помощью действия, которое полностью учитывает изолируемую вещь, а также организм, выделяющий ее, и учитывает благо обеих сторон. В рамках этой второй и дружественной политики слово "сегрегация" (имеющее дурной оттенок) может быть заменено словом "*признание*".

Эта книга была написана исходя из концепции, что все решения еврейской проблемы, кроме этого последнего, либо невыполнимы, либо плохи с моральной точки зрения, либо и то, и другое вместе.

Это написано для защиты политики, при которой евреи со своей стороны должны открыто признавать свою совершенно отдельную национальность, а мы со своей стороны должны в равной степени признавать эту отдельную национальность, безоговорочно относиться к ней как к чему-то чуждому и уважать ее как область общества, отличную от нашей собственной.

Это написано с убеждением, что любое отношение, которое не соответствует этой политике или сильно отличается от нее, теперь вскоре приведет к катастрофе.

Решение проблемы путем разрушения не только отвратительно с моральной точки зрения, но и оказалось бесполезным на практике. Это было постоянным искушением разгневанных народных масс в прошлом, когда еврейская проблема обострялась не один раз, а тысячу раз в различных частях нашей цивилизации за последние двадцать столетий. Начиная с безжалостных массовых убийств в Киренаике во втором веке и заканчивая последними убийствами на Украине, это решение пытались найти, но безуспешно. Она неизменно оставляла после себя ужасное наследие ненависти с одной стороны и стыда с другой. Это было осуждено каждым человеком, с чьими суждениями стоит считаться, и особенно великими учителями морали христианского мира. На самом деле, это вряд ли можно назвать политикой вообще, поскольку это слепо. Это жест простого раздражения, и притом не окончательный.

Вторая форма элиминации — изгнание - хотя и является теоретически устойчивой (поскольку сообщество имеет право организовывать свою собственную жизнь, и никакие иностранцы в нем не имеют права изменять эту жизнь или нарушать ее), тем не менее, на практике, и что касается этой конкретной проблемы, она лишь на одну ступень менее одиозна, чем первая. Это неизбежно означает массу индивидуальной несправедливости, а также общее разграбление и любые другие трудности. Это почти невозможно отделить от насилия и дурных поступков всех видов. Это оставляет после себя почти такое же сильное наследие, если не стыда с одной стороны, то, во всяком случае, злобы с другой, как и первое. И что окончательно осуждает ее, так это то, что она не является и не может быть полной.

Ибо в природе еврейской проблемы заложено, что такое решение пытаются найти только в те моменты и в тех местах, где сила евреев уменьшилась; и это неизменно означает, что их соответствующая сила находится где-то в другом месте.

Конкретное общество, пытающееся решить проблему изгнания, может на какое-то время добиться успеха в том, что касается его самого, но это неизбежно означает принятие изгнанного тела другим округом и, рано или поздно, возвращение силы, от которой оно надеялось избавиться. Величайшим историческим примером этого являются, конечно, действия англичан. Только англичане из всех христианских наций приняли это решение во всей его полноте. Сильная национальная королевская власть, высокоорганизованное для своего времени правительство, островное положение и исключительное единодушие национальных целей способствовали изгнанию евреев из Англии в конце XIII века; более трех с половиной столетий это изгнание продолжалось, и только Англия из различных подразделений христианского мира теоретически была свободна от чужеродного элемента и почти так же свободна на практике, как и в теории.

Но, как мы все знаем, в конечном итоге эксперимент провалился. Евреи были реадмиссированы в середине семнадцатого века, и нигде они не обрели большей силы, чем в той самой нации, которая с такой решительной тщательностью пыталась решить проблему пятьсот лет назад. Ни одна из других параллельных попыток по всей Европе не отличалась такой тщательностью, как попытка англичан. Следовательно, их неудача наступила быстрее. Но такая неудача в любом случае представляется неизбежной. Таким образом, совершенно независимо от связанных с этим моральных возражений, существует практический опыт, свидетельствующий о том, что решение таким образом найти невозможно.

Наконец, существует элиминация путем всасывания. Очевидно, что это самый щадящий, поскольку наиболее очевидный из всех методов. Кроме того, это нормальный и наиболее распространенный метод самой природы, когда живому организму приходится иметь дело с возмущением, вызванным присутствием чужеродного тела. Это настолько естественно и очевидно, что многие здравомыслящие люди с обеих сторон восприняли это как нечто само собой разумеющееся. Считалось само собой разумеющимся, что если поглощение не имело места в прошлом, то это было только из-за недоброжелательности, искусственно подпитываемой и поддерживаемой против евреев с нашей стороны, или из-за необоснованной исключительности евреев с их стороны.

Даже сегодня, несмотря на значительный рост в течение жизни нашего поколения как общественного признания проблемы, так и ее непосредственной серьезности, есть очень много мужчин, которые все еще считают поглощение естественным завершением дела. Они, хотя и сокращаются, все еще многочисленны на нееврейской стороне; с другой, еврейской стороны, они, я думаю, очень малочисленны. Ибо я отмечаю, что даже те евреи, которые думают, что поглощение произойдет, признают это с сожалением, и, конечно, подавляющее большинство с гордостью настаивало бы на несомненном выживании Израиля.

Но и здесь я утверждаю, что история против нас. На самом деле поглощения не произошло. У него было больше шансов, чем может показать любой соответствующий случай: достаточно времени для работы, широкое рассеяние, постоянные смешанные браки, длительные периоды терпимой дружбы к евреям и даже временами его господство. Если когда-либо и существовали условия, при которых можно было представить, что большее тело поглотит меньшее, то это были условия христианского мира, веками действовавшего в тесной связи с еврейством. Нация за нацией поглощали все более крупные, крайне враждебные меньшинства: ирландцев, их последовательных захватчиков; британцев, пиратов пятого и восьмого веков и французов еще

три столетиями позже; северных галлов, их вспомогательных войск; итальянцев, лангобардов; греков, славян; дакийцы поглотили даже монголов; но еврей остался нетронутым.

Как бы мы это ни объясняли — мистически или каким-либо другим способом, — мы не можем отрицать его истинность. Это верно для евреев, и только для евреев, что они одни сохранили, то ли благодаря особому действию Провидения, то ли благодаря какому-то общему биологическому или социальному закону, о котором мы ничего не знаем, неизменную целостность и столь же неизменную дифференциацию между ними самими и обществом, в котором они непрерывно вращаются.

Неправда, что условия в прошлом настолько отличались от нынешних, чтобы объяснить столь странную историю. Были поколения и даже столетия (на самом деле не совпадающие по всему миру, но применимые то к одной стране, то к другой), где существовали все возможности для поглощения; однако такого поглощения никогда не происходило. В один момент были все шансы в Испании, в другой — в Польше, но наилучшие шансы были в короткий, но блестящий период Либеральной политики, которая доминировала в Западной Европе на протяжении последних трех поколений. Эта политика сыграла наибольшую роль: она оставила евреев не только не поглощенными, но и более дифференцированными, чем когда-либо, а политическую проблему, которую они представляют, гораздо более острой, чем это было столетие назад.

Это могло произойти там, где царил хаос среди народов, как в языческой Александрии в течение четырех столетий с 200 г. до н.э. по 200 г. н.э., или в современном Нью-Йорке. Это могло произойти там, где было особенно дружелюбное отношение, как, например, в средневековой Польше или современной Англии. Парадоксальным образом это могло даже произойти в результате самих преследований и напряжения времен и мест, где евреи страдали от наиболее враждебного обращения: ибо их поглощение могло быть достигнуто под давлением, хотя и не было достигнуто под воздействием притяжения. На самом деле этого так и не произошло. Это так и не оказалось возможным. Непрерывное поглощение отдаленных фракций, процесс, постоянно происходящий везде, где присутствует еврейская нация, вообще не повлиял на масштабность проблемы. Тело в целом оставалось отдельным, дифференцированным, со своей собственной сильной идентичностью при любых условиях и во всех местах, и *априорные* рассуждения, с помощью которых люди приходят к выводу, что это решение разумно, сводятся на нет опытом, очевидным на протяжении всей истории. Этот опыт полностью противоречит любому подобному решению. Этого не может быть.

Таким образом, остается только решение проблемы разделения; слово, которое (я повторяю) Я использую его в совершенно нейтральной манере, хотя, к сожалению, в этом и других выпусках оно приобрело дурной оттенок.

Сегрегация, как я уже сказал, может быть двух видов. Это может быть враждебное, своего рода статическое вытеснение: отстранение чужеродного тела без учета потребностей, желаний или претензий этого тела; возведение вокруг него, так сказать, забора исключительно с целью защиты организма, который реагирует на вторжение и страдает от присутствия в нем чего-то отличного от него самого.

Или же это может принять дружественную форму и представлять собой взаимное соглашение: признание с взаимной выгодой реальности, которой не избежать ни одной из сторон.

Первое из этих очевидных решений предпринималось снова и снова на протяжении всей истории. У нее были длительные периоды частичного успеха, но никогда не было периода полного успеха; ибо она неизменно оставляла после себя чувство несправедливости с еврейской стороны и морального неблагополучия с другой.

Как я понимаю, не остается никакого практического или постоянного решения, кроме последнего. Именно к этому выводу и призвано привести мое эссе. Если еврейская нация начнет открыто выражать свою гордость и патриотизм и *столь же открыто признает необходимые ограничения, налагаемые этим выражением*, если мы со своей стороны откровенно примем присутствие этой нации как нечто совершенно отличное от нас, но имеющее такое же хорошее право на существование, как и мы; если мы откажемся от наших претензий в этом вопросе; если мы будем говорить и признавать еврейский народ свободно и без страха как отдельное тело; если с обеих сторон будут приняты реалии ситуации с вытекающими из них необходимыми определениями, у нас будет мир.

Преимущество, которое обе стороны — небольшое, но интенсивное еврейское меньшинство и огромное нееврейское большинство, среди которых это меньшинство действует, — обнаружили бы в таком соглашении, очевидно. Если бы это можно было сохранить — а я думаю, что это можно было бы сохранить, — проблема была бы решена навсегда. Во всяком случае, если это не может быть решено таким образом, то уж точно не может быть решено никаким другим, и если мы не добьемся мира этим путем, то мы обречены на постоянное повторение тех преследований, которые омрачали историю Европы со времен первой консолидации Римской империи.

Это была серия циклов, неизменно следующих одним и тем же шагам. Еврей приходит в чуждое общество, сначала в небольшом количестве. Он процветает. Его присутствие не вызывает возмущения. К нему скорее относятся как к другу. То ли из-за простого контраста типов — того, что я назвал "трением", — то ли из-за какого-то очевидного расхождения между его объектами и объектами его хозяев, то ли из-за своей растущей численности, он создает (или обнаруживает) растущую враждебность. Его это возмущает. Он выступает против своих хозяев. Они называют себя хозяевами в своем собственном доме. Еврей сопротивляется их притязаниям. Дело доходит до насилия.

Это всегда одна и та же жалкая последовательность. Сначала радушный прием; затем растущее, наполовину осознанное недомогание; затем кульминация острого недомогания; наконец, катастрофа и разруха; оскорбления, преследования, даже массовые убийства, изгнанники, бегущие с места преследований в новый район, где евреев почти не знают, где проблемы никогда не существовало или о ней забыли. Он снова встречает нас с величайшим гостеприимством. Здесь также, после периода дружеского общения, следует растущая, полусознательная непринужденность, которая затем обостряется и приводит к новым взрывам и так далее, в роковом раунде.

Если мы хотим остановить это колесо от его постоянного и трагического вращения, похоже, нет другого метода, кроме того, о котором я умоляю.

Противодействие этому разнообразно и грозно, но при анализе везде может быть сведено к той или иной форме лжи. Эта ложь принимает форму отрицания существования проблемы, умалчивания о ней или притворного проявления дружеских чувств в общественных целях,

которым противоречит каждая фраза и жест, допускаемые в частной жизни. Или это принимает форму определения проблемы в ложных терминах, провозглашения ее по сути религиозной, в то время как по сути она национальная. Хуже всего то, что это может быть тот самый современный вид лжи, утверждение истины, сопровождаемое утверждением ее противоречия, подобно драгоценной современной лжи о том, что можно быть патриотом и в то же время интернационалистом. В случае с евреями эта конкретная современная ложь принимает форму признания того, что они нам совершенно чужды и отличаются от нас, что мы говорим о них как о таковых и даже пишем о них как о таковых, и все же, в другой связи, говорим и пишем о них так, как будто такого резкого контраста нет. Это притворство о примирении противоречий - ложь в душе. Наказание за нее немедленное, ибо те, кто потворствует ей, ослеплены.

Все возражения, которые я когда-либо встречал против предлагаемого здесь решения, - это возражения, порожденные духом неправды; и если бы не было других аргументов в пользу честного и морального урегулирования спора, одного аргумента, основанного на Правде, было бы, я думаю, достаточно. Социальная истина заключается в том, что существует еврейская нация, чуждая нам и, следовательно, раздражающая. Моральная истина заключается в том, что изгнание и худшее - это средства, которых следует избегать. Историческая истина заключается в том, что эти решения всегда в конечном итоге терпели неудачу; только признание этих трех истин исправит нас.

Таков основной тезис этой книги, но он нуждается в дополнении, если мы хотим понять весь ее дух, и это дополнение я попытался выразить в предыдущей главе.

Если решение, которое я предлагаю, является правильным решением, все же остается определить, должно ли оно сначала принять форму новых законов, из которых, как можно ожидать, вырастет новый дух, или сначала принять форму нового духа и практики, из которых должны вырасти новые законы. Порядок имеет существенное значение, ибо ошибка в нем, обращение вспять истинной причинно-следственной связи является главной причиной неудачи всех социальных реформ.

Как увидят те, у кого хватит терпения дочитать мою книгу до конца, на последних страницах я решительно выступал за *вторую* политику. Было бы невозможно разработать в нашем обществе, перед лицом быстро растущей волны антагонизма против евреев, новые законы, которые не вели бы к несправедливости. Но если удастся создать атмосферу, в которой о евреях будут говорить открыто, а они, в свою очередь, признают, определяют и принимают последствия существования отдельной национальности среди нас, *тогда*, как только такой дух установится, естественно последуют соответствующие ему законы и предписания.

Но я убежден, что обращение вспять этого процесса привело бы сначала к замешательству, а затем и к катастрофе, как для Израиля, так и для нас самих.

ОТРИЦАНИЕ ПРОБЛЕМЫ

ГЛАВА II

ОТРИЦАНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Я изложил Проблему. Существуют трения между двумя расами — евреями в их рассеянии и теми, среди кого они живут. Эти трения становятся все острее. Это неизменно приводило в прошлом (и, следовательно, может привести сейчас) к самым ужасным последствиям, ужасным для евреев, но пагубным также и для нас. Следовательно, проблема является неотложной, практической и серьезной. Поэтому необходимо найти решение.

Но я могу быть — и действительно буду — встречен с самого начала отрицанием существования какой-либо подобной проблемы. Таково было отношение всего нашего ближайшего прошлого; таково отношение многих лучших людей сегодня по обе стороны пропасти, отделяющей Израиль от нашего мира.

Я должен ответить на это возражение, прежде чем идти дальше, ибо если оно обосновано, если действительно нет проблемы (за исключением того, что может быть создано невежеством или злым умыслом), то никакого решения не требуется. Все, что нам нужно сделать, это просветить невежественных и подавить злонамеренных: невежественных, которые воображают, что среди них есть чужая еврейская нация, злонамеренных, которые относятся к себе как к чужакам, к людям, которые на самом деле точно такие же, как мы, и нормальные сограждане.

Я здесь не имею в виду огромную массу условностей, лицемерия и страха, которые притворяются неосведомленными об истине, которая им хорошо известна. Я говорю об искреннем убеждении, все еще присутствующем у многих — особенно у представителей старшего поколения, — что еврейской проблемы не существует.

Определенный тип мышления искренне отрицает существование такой вещи, как еврейская нация; следовательно, между ней и ее хозяевами не может быть никаких трений: это заблуждение. Давайте исследуем этот ум и посмотрим, на нашей ли стороне иллюзия или нет.

Это была позиция, знакомая девятнадцатому веку и соответствующая тому из его политических настроений, в котором он находил себя наиболее удовлетворенным: негативное отношение к оставлению еврейской нации непризнанной; к созданию фикции единого гражданства вместо реальности двойной лояльности; к тому, чтобы называть еврея полноправным членом любого общества, в котором ему довелось жить, в течение какого бы периода времени ему ни довелось пробыть там в своих скитаниях по земле. Таково было политическое отношение ко всему, что называло себя "современной мыслью". Такова была доктрина, предложенная великими людьми Французской революции. Такова была позиция, почти с энтузиазмом принятая Либеральной Англией, то есть всей доминирующей общественной жизнью Англии викторианского периода. Такова была политика, которая когда-то снискала всеобщее одобрение во всей нашей западной цивилизации. Это была позиция, которую Запад фактически пытался навязать восточным государствам, и последнее следствие его быстро падающего кредита можно найти в определенных пунктах Версальского мирного договора, поскольку такая позиция по-прежнему является официальной позицией всех наших правительств.

По Версальскому мирному договору и другим договорам, заключенным после Первой мировой войны, евреи Восточной Европы были поставлены под своего рода особую защиту, но не прямым и позитивным образом. Слово "еврей" так и не было произнесено — его заменили словом "меньшинство", — но намерение было очевидным. Основной подтекст был таков: "Мы, западные правительства, заявляем, что еврейской проблемы не существует. Идея еврейской нации - это заблуждение, а представление о еврее как о чем-то отличном от поляка или румына - это мания. Если вы на Востоке все еще невежественны в этом вопросе, во всяком случае, мы не дадим вашему невежеству или одержимости привести вас к преследованиям". Те же самые люди, которые сделали эти заявления, приступили к созданию совершенно нового, в высшей степени самобытного еврейского государства в Палестине, за которым стояла угроза безжалостного подавления *большинства* с помощью западного оружия.

Оба действия были следствием той запутанной позиции, которую я только что обозначил (история назовет это *последним* примером), которая, хотя и была сильно ослаблена в общественном мнении, все же искренне воспринималась как должное *некоторыми* парламентариями, которые разрабатывали Договор, и, безусловно, считалась выгодной для всех: позиция, согласно которой еврейской нации нет, когда ее признание может причинить неудобства еврею, но очень много еврейской нации, когда это может принести ему пользу.

Те, кто защищал эту позицию, делали это с разных точек зрения; но все это можно рассматривать как разные степени определенного взгляда на еврейский народ. Таково было до недавнего времени отношение большинства образованных французов, англичан и итальянцев. Это была, так сказать, *официальная* политическая позиция Западной Европы с ее парламентскими правительствами и другими соответствующими институтами.

Самую крайнюю форму этого мнения можно было встретить у людей, которые говорили о евреях не иначе как о гражданине определенной религии. Государство было бы преимущественно католическим или протестантским, но в нем были бы более мелкие религиозные организации, нетерпеливые меньшинства, для которых нужно было найти место бок о бок с более или менее безразличным большинством. В католической Франции было пять процентов богатого меньшинства гугенотов. В протестантской Англии было семь процентов бедного меньшинства католиков. В протестантской Голландии было значительное меньшинство — более трети — католиков и так далее. В девятнадцатом веке считалось ненавистным, что религиозные различия (которые оно рассматривало не более чем как оттенки сомнительного частного мнения) должны быть заботой государства. Большое количество людей думали о евреях не как о расе, а только как о религии; и рассматривая таким образом любую религию, они пришли к выводу, что это не может повлечь за собой умаления гражданства.

На другом конце шкалы находились общественные деятели, которые полностью осознавали конечные трудности, которые, несомненно, возникнут в результате такого неубедительного урегулирования вопроса. Они рассматривали евреев как совершенно особую национальность и даже как национальность, которая может противоречить национальным потребностям ее хозяев; они даже (в частном порядке) выражали свою враждебность по отношению к этой национальности. Тем не менее, они считали, что к нему следует относиться в общественной жизни так, как будто его не существует. Эти люди были самым категоричным в своих частных писем и разговоров — что еврейская проблема была *не* в религиозной, а национальной. Тем не менее (они сказали), что *сегодня* необходимо замаскировать эту проблему фикцией и

притворяться, что еврей такой же, как все остальные, за исключением своей религии. Все другие решения (по их словам) требовали знания истории и Европы, которого нельзя ожидать от широкой общественности; опять же, евреи были настолько могущественны, что, если *они* хотели, чтобы вымысел получил поддержку, им следовало потакать. Во всяком случае, к этой выдумке приходится прибегать, по крайней мере в наше время.

На фоне нового и уже антагонистического отношения к евреям, которое сейчас так сильно усиливается повсюду в Западной Европе (что отчасти является реакцией с позиции девятнадцатого века), этот старомодный способ отрицания еврейской расы или игнорирования ее существования посредством вымысла кажется морально одиозным, и сегодня мы удивляемся, почему он получил всеобщую поддержку. Конечно, в этом была ложь, часто сознательная ложь; и к тому же это было недостойно; ибо нашему поколению отрицание существования еврейской нации кажется чем-то столь же гротескным, как и отрицание нашей собственной. Но в том, что вымысел поддерживался искренне, а гротескная и недостойная сторона его осталась незамеченной, мы можем убедиться, поговорив несколько минут с любым представителем старшего поколения, которое поддерживало его и до сих пор представляет среди нас.

Это могло бы продолжаться в течение еще одного поколения, во всяком случае, среди ведущих классов этого коммерческого сообщества, если бы не два новых события, которые разрушили его, каждое из которых было результатом столь широкой терпимости. Первым был рост численности, вторым - влияния. Что сделало эту старую ложь вопиющей и этот старый гротеск очевидным, так это огромный рост еврейской бедноты по всему Западу, сопровождаемый огромным увеличением власти, осуществляемой еврейскими богачами в государственных делах. Люди разозлились, обнаружив, что вынуждены притворяться, будто евреев нет, в то время как их присутствие было повсюду неизбежно, на улицах и в правительственных учреждениях. Эта выдумка была возможна, когда очень немногие финансисты, смешавшиеся с приличным миром и затерявшиеся в нем, были озабочены только им одним. Это стало невозможным перед лицом обширных новых гетто Лондона, Манчестера, Брэдфорда, Глазго и внушительного и растущего списка еврейских и полуеврейских министров, вице-королей, послов, политических диктаторов.

Это презрение и раздражение тем, что я назвал позицией девятнадцатого века, либеральной позицией, было очевидно еще до конца того столетия. Об этом говорили во время южноафриканской войны в Англии и дела Дрейфуса во Франции; это стало громким в первые годы нашего столетия, особенно в связи с парламентскими скандалами; с большевистским восстанием в 1917 году это стало громким. Оно, несомненно, будет расти. У нас уже есть внушительное меньшинство, готовое действовать против интересов евреев. Оно, по всей вероятности, вскоре станет большинством. Это может проявиться в любой момент, по какому-нибудь критическому поводу, по какой-нибудь новой провокации, как непреодолимый поток раздраженных мнений.

Тем более нам надлежит справедливо относиться к старомодному нейтралитету и художественной литературе; исследовать ее даже с пристрастием в ее пользу; изложить все, что можно сказать в ее защиту, прежде чем отвергать ее, поскольку я думаю, что теперь мы все должны неохотно отвергнуть ее. Я говорю "неохотно", потому что, в конце концов, это было неизменное настроение наших отцов, которые совершали великие дела: мы чувствуем их упрек,

когда отказываемся от этого, и с нами все еще присутствуют очень многие из наших старших, которым наша новая тревога отвратительна.

Прежде всего, мы должны помнить, что отношение к еврею на Западе вообще не как к еврею, а как к простому гражданину, такому же, как все остальные, какое-то время работало достаточно хорошо. Можно почти сказать, что между, скажем, 1830 и 1890 годами еврейская проблема сознательно не приходила в голову среднему образованному англичанину или французу, итальянцу или даже западногерманцу. Очень небольшая группа евреев в Англии и Франции, в Италии и на остальном Западе в массовом сознании смутно ассоциировалась с богатством; значительная часть из них отличалась различного рода общественной деятельностью; многие из них были благотворителями. Присутствие таких людей никак не могло привести к политическим трудностям — по крайней мере, так тогда казалось. Истории о преследованиях, приходившие из Восточной Европы, даже примеры трений между большими группами евреев там и уроженцами государств, где они случайно оказались, были восприняты на Западе с отвращением как отклонения несовершенно цивилизованных людей.

Даже в долине Рейна, где евреев было больше и они были более известны "в массовом порядке", были приняты условности более цивилизованного Запада. Доктрины, абстракция Французской революции в этом вопросе возобладали.

Здесь любой читатель с историческим чутьем сразу же укажет, что промежуток времени, который я только что процитировал, — с 1830 по 1890 год — смехотворно короток. Любое решение очень серьезной политической проблемы многовековой давности, которая работает всего шестьдесят лет, а затем начинает разрушаться, вообще не является решением. Но я бы ответил, что этот период был особенно тем временем, когда была утрачена историческая перспектива. Люди, даже высокообразованные, в девятнадцатом веке сильно преувеличивали передний план исторической картины.

Вы можете отметить это в любом школьном пособии того периода, где все четыре столетия основания нашей римской империи сжаты в нескольких предложениях, темные века - на нескольких страницах, вся обширная история самих Средних веков - в нескольких главах; где основная масса работы неизменно отводится последним трем столетиям, в то время как девятнадцатое из них считается равным по важности всем остальным, вместе взятым.

Эта ложная историческая перспектива очевидна во всех других областях их политической мысли. Например, хотя капитализм, огромные государственные долги, анонимность финансовых действий и все остальное не начали процветать в полной мере до конца первой трети девятнадцатого века, и хотя любой мог (казалось бы) был способен обнаружить чрезвычайно нестабильный характер того общества, все же наши отцы считали это само собой разумеющимся как вечное положение вещей. Человек викторианской эпохи, владеющий железнодорожными акциями на сумму 100 000 фунтов стерлингов, думал, что его семья обеспечена стабильным доходом, и то, что он думал о капитализме, он думал также о своей недавно созданной анонимной прессе, о своих национальных границах, о своей терпимости к тому, о своей нетерпимости к тому, о своих парламентах и обо всем остальном. Неудивительно, что из-за такого ложного чувства постоянства и безопасности он потерял историческую перспективу в этом другом и более серьезном вопросе, который мы здесь обсуждаем.

Но помимо аргумента о том, что то, что я назвал девятнадцатым веком или либеральным отношением к евреям, хорошо работало в свое короткое время (по крайней мере, в Западной Европе), существует также факт, что при особых обстоятельствах нечто очень похожее на это хорошо работало в течение гораздо более длительных периодов в прошлом. Возьмем, к примеру, положение евреев в таком городе, как Амстердам. Прием еврея как гражданина точно так же, как и других, хотя он присутствовал в очень большом количестве, фикция, отрицающая его отдельное гражданство, сохранялась на протяжении поколений в этом сообществе, и это обеспечило мир и кажущееся удовлетворение с обеих сторон. И то, что верно по сей день для Амстердама, было верно в прошлом на протяжении долгих периодов в жизни многих других коммерческих и космополитических обществ: в частности, Венеции и, в значительной степени, Рима; во Франкфурте, Лионе и в сотне других городов в особые периоды. Это было верно для всей Польши на протяжении многих поколений.

Список можно продолжать бесконечно, но всегда с неприятным осознанием того, как кто-то писал, что эксперимент в конечном итоге неизменно срывался.

Опять же, в пользу этой Либеральной позиции девятнадцатого века следовало выдвинуть очень веский аргумент, что, хотя одной стороне в этом вопросе, англичанину, французу, итальянцу и т.д., Это казалось достаточно хорошим и, безусловно, не приносило вреда, это было в высшей степени приемлемо для другой. Еврей, как правило, не только принимал, но и приветствовал этот особый способ решения того, что, во всяком случае, *он* всегда считал действительно очень серьезной проблемой. Ибо еврей обладает расовой памятью, превосходящей все остальные мужчины. Это соглашение, казалось, давало ему всю ту безопасность, которой он страстно желал из-за своей расовой истории (вещь, которую остро осознает каждый еврей). Я думаю, нам следует добавить (хотя многие современные люди не согласились бы с этой фразой), что эта выдумка удовлетворяла еврейское чувство *справедливости*. Ведь немалая часть проблемы, которую мы исследуем, заключается в том, что еврей действительно считает, что ему причитается такое особое отношение. Без этого он чувствует себя ущемленным. По его собственному мнению, он спасен от невыгодной скрытой враждебности только тогда, когда он защищен таким образом, и поэтому он убежден, что мир обязан ему этой исключительной привилегией полноправного гражданства в любом сообществе, где ему случается в данный момент находиться, в то же время сохраняя полноправное гражданство своей собственной страны.

Итак, если в каком-либо конфликте договоренность кажется одной стороне достаточно действенной и фактически одобряется другой стороной, ею нелегко пренебречь.

Если, например, мужчина и его арендатор ссорятся из-за права владения полем на очень длительный срок аренды, арендатора мало заботит номинальное владение, но очень заботит его неприкосновенность, арендодатель вполне согласен на очень длительный срок аренды, но заинтересован в сохранении титульного владения, эту ссору можно легко уладить. Можно было бы назвать должность арендатора как угодно, кроме имени "владельца", но при этом удовлетворить все его практические требования. Существует грубая параллель между такой позицией и попыткой урегулирования, которой был отмечен девятнадцатый век.

Чего хотел еврей, так это не гордой привилегии называться англичанином, французом, итальянцем или голландцем. К этому он был совершенно равнодушен (ибо его гордость заключалась в том, что он еврей, он был верен себе и, более того, он мог в любой момент

свернуть свою палатку и навсегда уехать в другую страну). Чего хотел еврей, так это не ощущения, что он такой же, как другие — это было бы ему отвратительно, — чего он хотел, так это *безопасности*; это то, чего жаждет каждый человек и чего ему из всех людей больше всего не хватало: способности чувствовать себя в безопасности в том месте, где тебе довелось оказаться. С другой стороны, его хозяева пока не обнаружили никаких практических неудобств в удовлетворении этого требования. Они не знали исторических аргументов против этого, или они считали это бесполезным, потому что считали прошлое варварским и не являвшимся образцом для их собственных действий. Итак, был достигнут компромисс, вымысел прочно утвердился, и еврей, хотя и оставался евреем, стал немцем в Гамбурге, французом в Париже, американцем в Нью-Йорке, кочуя с места на место, и в течение долгой жизни никто не чувствовал себя намного хуже из-за ложных условностей.

Следующим аргументом в пользу этой политики был тот факт, что она опиралась на ряд идей, каждая из которых в то или иное время принималась нашими предками как должное в каждой из их многочисленных (но безуспешных) попыток решить проблему по-своему.

Например, современный возражатель говорит: "Что за вздор обращаться с евреями так, как будто они просто представляют религию! Мы все знаем, что они представляют *нацию*!" Но все виды законодательства в прошлом, даже во времена и места, где разница между евреями и европейцами была наиболее заметной, постоянно упирались в тот самый вопрос только религии. Снова и снова вы сталкиваетесь с этим испытанием политики: в начале и снова в Испании пятнадцатого века, при правлении Карла Великого в Галлии, в Англии раннего средневековья, в Византии и по сей день в восточных частях, где еврей подвергается постоянному вмешательству. Исключение было сделано для еврея, который отказался от своей религии. Его нация не была упомянута.

Уместно привести такой простой и недавний пример, как трупы прусских офицеров, ныне благополучно исчезнувших. В более умных прусских полках (я полагаю, почти во всех) было постоянным правилом, что ни один еврей не мог получить офицерский чин. Прусская система на практике предоставляла полномочия действующим членам полкового штаба; они относились к своей столовой как к клубу и заносили евреев в черный список. Но они признавали *крещеных* евреев, и делали это в значительном количестве. Стал ли еврей менее расовым из-за своего крещения? На протяжении всех веков этот религиозный критерий, против которого современные реформаторы кричат, что это обман и маска для решения реальной политической проблемы, был принятым критерием. Это правда, что современное решение не предполагало религиозной сегрегации. Напротив, либеральная мысль девятнадцатого века питала отвращение ко всей подобной сегрегации; но у нее было то общее со старой модой, что она делала религию предметом интереса и до такой степени маскировала более реальный вопрос национальности и преданности.

Лорд Пальмерстон, произнося свою знаменитую речь о святости кровати греческого еврея и настаивая на том, что упомянутый греческий еврей был гражданином Англии; лорд Пальмерстон тщательно избегал слова "еврей" и на протяжении всей своей речи делал вид, что греческий еврей, о котором идет речь, был таким же англичанином, как и он сам, был в совершенно ином настроении, чем испанский епископ пятого века, допускающий еврея к Должности при условии его обращения. Однако у этих двоих было то общее, что ни один из них не рассматривал еврея

как представителя другой нации, но каждый (по совершенно разным причинам) считал его не более чем приверженцем определенной религии.

Для Пальмерстона этот греческий еврей, о кровати которого он произнес свою знаменитую речь и на спинке кровати которого по сей день висит фраза "Civus Romanus Sum", был прежде всего согражданином. Возможно, Пальмерстону он казался сомнительным англичанином, потому что его родиной была Греция, но он определенно не казался сомнительным из-за того, что был евреем. Пальмерстон подумал бы, что это всего лишь вопрос частного мнения, и рассматривал бы еврея как иностранца из-за этого частного мнения не больше, чем он рассматривал бы как иностранца члена Палаты общин, который предпочитает жареную баранину вареной.

Возьмем, опять же, другой аспект либеральной идеи девятнадцатого века: признание гражданства. Вы сталкивались с этим снова и снова при попытках решения проблем прошлого. Это было самой сутью римского метода. Ибо, хотя правительство Римской империи было слишком озабочено реальностью и постоянной работой, чтобы принять какой-либо вымысел в этом вопросе или притворяться на практике, что еврей не был евреем; хотя, напротив, римляне сразу же осознали пропасть между евреями и самими собой, и признали это не только своей жестокостью по отношению к еврею, но и привилегиями, которые они ему предоставили; тем не менее, их политикой всегда было признание *гражданства* как основного различия. Еврей, который мог заявить, что он полноправный римский гражданин, был в глазах римского трибунала гораздо более важным в этом качестве, чем в своем социальном статусе еврея. Его "точкой отсчета", как мы бы сказали на нашем современном сленге, было его гражданство, а не иудаизм. Итак, я говорю, что это решение является дополнительным аргументом в пользу того факта, что в той или иной части оно связано с различными попытками нашей расы решить проблему в прошлом.

Есть еще один убедительный аргумент в пользу либеральной фантастики, которая была предпринята в недалеком прошлом и, как считалось, успешно внедрена. Это созвучие этой фикции со всей совокупностью современных обычаев и законов, со всей массой современных экономических и социальных привычек.

Мы так много путешествуем, мы так много общаемся, наша экономическая деятельность одновременно настолько сложна, так взаимосвязана и (к несчастью) по большей части настолько секретна, что любой другой способ знакомства с евреями казался бы — во всяком случае, если бы он появился в форме позитивного закона — чудовищным анахронизмом. Мужчина должен встречаться с друзьями своих друзей и относиться к ним как к нормальной части общества в целом, в котором он вращается. Поскольку еврей повсюду пронизывал западное общество (хотя его численность на Западе была невелика), поскольку он повсюду вступал в браки с европейцами из более богатого класса, настаивать в его присутствии на своей отдельной национальности было бы отвратительно; это было бы все равно, что заставить гостя чувствовать себя не в своей тарелке в своем доме.

Более того, для гораздо большей части более богатых и правящих классов Западных государств расовые различия были настолько замаскированы, что о них почти забыли. Иногда шок приводил его в чувство. Английский сквайр обнаружил бы, например, что его родственник по браку, еврейское имя и происхождение которого его никогда не волновали, был двоюродным братом и находился в тесной связи с человеком с совершенно другим именем — восточным

именем - замешанным в каком-то заговоре, скажем, против российского государства. Или он с удивлением узнавал, что образованный университетский человек, с которым он недавно обедал, был дядей социалистического агитатора в Вене. Но шок будет мимолетным, и прежнее чувство безопасности вернется.

С ростом плутократии аномалия обращения с евреями как с личностями, отделенными от остальной части общества, усилилась. Самые важные люди, контролировавшие международные финансы, по общему признанию, были евреями. Международное положение еврея делало его всегда полезным и часто необходимым в обширных международных экономических начинаниях нашего времени. Анонимность, которая стала восприниматься как должное на протяжении всего современного капитализма, делала абсурдным или невозможным, всегда крайне необычным и, вероятно, бесполезным поиск отдельного еврейского элемента в каком-либо конкретном предприятии.

Есть еще один последний аргумент в пользу этой Либеральной политики, который имеет большую практическую ценность, хотя использовать его в защиту этой политики чрезвычайно опасно, потому что это ведет в обоих направлениях. Это аргумент в пользу того, что с евреем следует обращаться как с гражданином, таким же, как и с остальными, и не давать ему ни привилегированного положения, ни инвалидности, потому что на самом деле он очень быстро приспосабливается к своему окружению.

Когда люди говорят — а они начинают это делать, — что еврей так же отличается от нас, как китаец, или негр, или эскимос, и поэтому к нему следует относиться как к отдельному организму, отличному от нашего собственного, ответ заключается в том, что еврей не имеет ничего подобного. Действительно, после короткого пребывания среди англичан, французов, немцев или американцев он становится внешне настолько похожим на своих хозяев, что для многих становится неотличимым от них; и это один из главных фактов в проблеме.

Вот истинная причина, по которой для большинства представителей среднего класса в девятнадцатом веке в западных странах еврейская проблема не существовала. Если бы вы сказали это о любой другой расе — неграх, например, или китайцах, — это прозвучало бы невероятно; но мы знаем, что на практике это правда, что еврей проведет свою жизнь, скажем, в трех разных общинах по очереди, *и в каждой люди, которые встречались с ним, подтвердят, что он казался таким же, как они сами.*

Я знаю пример, который позабавил бы моих читателей-неевреев, но, возможно, оскорбил бы моих читателей-евреев, если бы я представил его подробно. Поэтому я приведу это без имен, потому что я хочу на протяжении всей этой книги придерживаться правила, по которому только это и может быть полезным, - не вводить ничего оскорбительного ни для одной из сторон; но это типично и может быть подтверждено опытом многих.

Речь шла об отце человека из общественной жизни Англии. Он начал жизнь с немецкой фамилией в Гамбурге. Он был патриотом этого свободного города, очень уважаемым гражданином и во всех отношениях гамбургером, и гамбургцы того поколения до сих пор говорят о нем как о своем.

Он переехал в Париж перед франко-германской войной и там был активным парижанином, знакомым с жизнью бульваров и полным энергии во всех патриотических и характерно французских начинаниях; в частности, он помогал вербовать людей во время национальной катастрофы 1870-71 годов. Все, кто встречался с ним на этом этапе его жизни, думали о нем и говорили о нем как о французе.

Решив, что будущее Франции под вопросом после такого поражения, он эмигрировал в Соединенные Штаты и там умер. Хотя ему было уже несколько лет, когда он приземлился, вскоре он предстал в глазах американцев, с которыми общался, таким же американцем, как и они сами. Он перенял американский акцент, американские манеры, свободу и ограничения, присущие этим манерам. Во всех отношениях он был типичным американцем.

В Гамбурге его немецкое имя произносили на немецкий манер. Во Франции, где немецкие имена распространены, он сохранил его, но произносил на французский манер. По прибытии в Соединенные Штаты оно было изменено на шотландское имя, которое отдаленно напоминало, и, без сомнения, если бы он поехал в Японию, японцы рассказали бы нам, что знали его как достойного японского джентльмена, проявляющего большую активность в национальных делах и носящего почетное имя древнего самурайского рода.

Отношение девятнадцатого века почти полностью зависело от этой удивительной черты характера евреев, которая отличает их от всего остального человечества. Если бы эта характерная сила поверхностных мутаций отсутствовала, политика девятнадцатого века потерпела бы крах так же полностью, как соответствующая политика Севера по отношению к неграм потерпела крах в Соединенных Штатах. Если бы еврей был среди нас так же заметен, как, скажем, белый человек среди кафров, эта выдумка сразу же развеялась бы. Как бы то ни было, все, кто проводил эту политику, честно или нечестно, были поддержаны этой способностью еврея внешне приспосабливаться к своему временному окружению.

Человек, который сознательно принял Либеральную политику девятнадцатого века по отношению к евреям как простую политическую схему, прекрасно понимая, к каким опасностям она может привести; человек, лишь наполовину осознающий существование этих опасностей; и человек, который никогда не слышал о них, но считал само собой разумеющимся, что еврей был таким же гражданином, как и он сам, с исключительной религией, — у каждого из этих троих людей было общее, помогая планам одного, поддерживая иллюзии другого, удивительный факт, что еврей с необъяснимой быстротой принимает колорит своего окружения. Эта уникальная характеристика заключалась в поддержке либеральных взглядов и в то же время была их необходимым условием.

Вымысел о том, что человек явно другого типа, культуры и расы такой же, как мы, может быть практичным для целей закона и правительства, но не может поддерживаться общим мнением. Заговор или иллюзия, пытающиеся, например, сделать эскимосов в Гренландии неотличимыми от датских официальных лиц Поселения, потерпят неудачу из-за насмешек. Столь же нелепым было бы утверждение, что, поскольку они оба были подданными одной короны, англичанин на государственной службе Индии был в точности таким же человеком, как сикхский солдат. Но с евреями вы сталкиваетесь с поразительной истиной, что, хотя фундаментальное различие сохраняется все время и, возможно, глубже, чем любое другое различие, разделяющее человечество на группы; хотя внутри и во всем своем конечном характере он, прежде всего,

еврей; все же в поверхностных и наиболее непосредственно бросающихся в глаза вещах он облачен в самую привычку любого общества, в котором он в данный момент обитает.

Я говорю, что многим это может показаться последним и сильнейшим аргументом в пользу старомодной либеральной политики, но я повторяю, что это опасный аргумент, поскольку он ведет в обоих направлениях. Если блюдо, которое вам не нравится, выглядит точно так же, как другое блюдо, которое вам подходит, вы можете использовать это сходство в качестве аргумента в пользу безразличного употребления того или иного вида пищи. Вы могли бы сказать: "Глупо пытаться различать; глядя на них, нужно признать, что это одно и то же"; но после обеда это оказалось бы очень плохой практической политикой.

Действительно, есть один последний аргумент, который лично для меня и, полагаю, для большинства моих читателей сильнее всех остальных, поскольку это аргумент морали.

Если бы либеральная позиция девятнадцатого века оказалась стабильной, исключив в ней тот элемент, который является ложью и, следовательно, фактором нестабильности, можно было бы сохранить остальное; *тогда* это удовлетворило бы два общих для всех людей аппетита — аппетит к справедливости и аппетит к милосердию.

Вот мужчина, мой сосед, присутствующий в моем обществе. Я причиняю ему неудобства, если обращаюсь с ним как с чужаком. Он мне нравится; я отношусь к нему как к другу. Обращаться с таким человеком так, как если бы он был, хотя и другом, чем-то отдельным, не допускаемым к определенным функциям моего сообщества, оскорбляет сердце, поскольку это также оскорбляет чувство справедливости. Такой человек может обладать большим талантом, скажем, к управлению. Как и все люди, обладающие большим талантом, он должен им пользоваться. Вы калечите его, если не позволяете ему это делать. Правило, запрещающее ему принимать участие в управлении обществом, в котором он находится, или даже чувство, препятствующее ему в такой деятельности, создает не только у него, но и у тех, кто является его хозяевами, чувство несправедливости; и если бы было возможно провести политику, при которой особый характер еврея всегда сохранялся бы, так что он мог бы быть в одно и то же время англичанином и все же не англичанином, или французом и все же не француз, тогда у нас было бы соглашение, которое все порядочные люди должны были бы принять.

К сожалению, это решение ложно, потому что, как и многие апелляции к инстинкту добродетели, оно сентиментально. Мы называем "сентиментальной" политику или теорию, которые пытаются примирить противоречия. Сентиментальный человек будет одинаково ненавидеть преступление и неизбежное наказание за него; беспорядок и организованную полицию. Ему нравится думать о человеческой жизни так, как будто она не подошла к концу. Ему нравится читать о страсти любви без сопутствующего ей сексуального конфликта. Ему нравится читать и думать о больших состояниях, накопленных без жадности, хитрости или воровства. Ему нравится воображать невозможный мир взаимоисключающих вещей. Ему так комфортно.

Теперь мы совершаем ошибку сентиментального человека (тягчайшую из практических ошибок в политике), когда цепляемся в последнее время за продолжение старой политики. Вы не можете получить свой пирог и съесть его тоже, вы не можете в одно и то же время допустить, чтобы в мире присутствовала эта вездесущая, но тесно организованная еврейская община, и *в то же время* с каждым из составляющих ее людей обращались так, как если бы они не были

членами нации, которая делает их такими, какие они есть. Вы не можете в одно и то же время относиться к целому как к чему-то одному, а к его составным частям - как к чему-то другому. Если вы это сделаете, вы будете строить на противоречии, и вы, как и все, кто строит на противоречии, столкнетесь с катастрофой.

* * * * *

Я намерен рассказать читателю еще один анекдот (надеюсь, снова позаботившись о том, чтобы исключить все имена и даты, чтобы предотвратить идентификацию, которая могла бы раздражить моих читателей-евреев или слишком сильно заинтересовать их оппонентов). Когда я был моложе, моим постоянным времяпрепровождением было задерживаться в баре Палаты лордов и слушать, что там происходит. Я всегда буду помнить один случай, когда пожилой еврей, начавший жизнь в очень скромных условиях, накопивший огромное состояние и получивший звание пэра, как и любой другой, поднялся, чтобы выступить в связи с резолюцией или законопроектом, касающимся "иностранцев" — лицемерие политика и общественное брожение против наплыва еврейских иммигрантов в Ист-Энд между ними породили это ни к чему не обязывающее название. Этот пожилой джентльмен совершенно справедливо отбросил всю подобную чушь в сторону. Он прекрасно знал, что политика была направлена против "его народа" — и он называл их "мой народ". Он прекрасно понимал, что предлагаемое изменение создаст помехи их передвижению и подвергнет их унижению. Он говорил с пламенным патриотизмом, и я был очарован интенсивностью, энергией и искренностью его обращения. Это было очень прекрасное представление, и, кстати (учитывая, каким человеком был этот человек!), оно проиллюстрировало огромную разницу между его народом и моим собственным. Ибо жизнь, посвященная накоплению богатства, которое убило бы благородные инстинкты в любом из нас, очевидно, казалась ему вполне нормальной и не ослабляла его стремления к справедливости и любви к нации. Он завершил свою прекрасную речь криком: "Чего хочет наш народ, так это чтобы его оставили в покое". Он повторял это снова и снова. Я уверен, что в аудитории, которая слушала его, все пожилые мужчины почувствовали отклик на этот призыв. Это была та самая доктрина, на которой они были воспитаны, и сама нота великой викторианской либеральной эпохи с ее национальными триумфами в торговле и оружии.

Что ж, в течение всего лишь нескольких лет младшие члены семьи этого самого человека попадали в парламентский скандал за скандалом, появляясь последовательно один за другим - своего рода процессия. Их и так оставили в покое! Но они не оставили *нас* в покое. Иногда я спрашиваю себя, как бы это прозвучало, если бы через несколько лет кто—нибудь из этих потомков, получивший к тому времени звание пэра (поскольку они богатые люди и все они профессионально занимаются политикой), вернулся к призыву своего предка и попросил, чтобы его "оставили в покое"? *Тогда* не было бы никакого отклика в сердцах современников, которые могли бы его услышать. Манеры настолько сильно изменились в этом отношении, что его прервали бы. Но я не думаю, что мой гипотетический потомок этого богатого старого еврея произнесет какую-либо подобную речь. Я думаю, что когда придет время сделать это, вся идея "оставить в покое" будет совершенно мертва.

Я процитировал речь этого старика без каких-либо завистливых намерений, а только как реальный пример того, как решается "оставление в покое" этого великого вопроса. Я так же хорошо знаком, как и любой мой читатель-еврей, с именами, которые в прошлом вели достойную общественную жизнь, еврейскими именами, еврейскими пэрами: и я вспоминаю, в

частности, уважаемое имя лорда Хершелла в память о дружбе между его ближайшими и моей собственной, о которой я храню благодарную и священную память.

* * * *

Но вернемся к провалу сентиментального аргумента.

Сентиментальный аргумент терпит неудачу, потому что он включает противоречия, то есть несовместимость фактов.

Даже если бы у человека не было этого строго рационального принципа, которым он мог бы руководствоваться, есть вся история, которая могла бы им руководить. Это правда, что притворство общего гражданства срабатывало то на более короткий, то на более длительный период, но никогда на неопределенный срок. В конце концов вы всегда терпите крах. Еврею рады в средневековой Польше; он приезжает в огромном количестве; все идет хорошо. Затем происходит неизбежное, и еврей и поляк расходятся как враги, каждый обвиняет другого в несправедливости, один кричит, что его преследуют, другой - что государство находится в опасности из-за деятельности инопланетян внутри. Испания поочередно проводила эту политику и ее противоположность; вся история Испании — первоначального очага еврейского влияния в Европе после всеобщего изгнания — это история чередующихся попыток сентиментального решения и дикой реакции против него: реакция человека, который, борясь за свою жизнь, яростно наносит удар в ужасе смерти. Такова история не только Испании, но и любой другой страны в то или иное время.

Действительно, сегодня у нас на глазах начинается именно такая реакция на Западе Европы и в Соединенных Штатах Америки, и именно наличие этой реакции побудило к написанию эту книгу. Попытка найти либеральное решение уже потерпела неудачу в наших руках; если бы она не провалилась, больше нечего было бы говорить, или, во всяком случае, мы могли бы отложить обсуждение до тех пор, пока не возникнут настоящие трудности. Но нам стоит только оглянуться вокруг, чтобы увидеть, что после этих нескольких лет, этой единственной жизни, в течение которой эксперимент процветал в высшей части цивилизации, он уже терпит крах. Повсюду задаются старые вопросы, повсюду поднимаются старые жалобы, повсюду вновь возникают старые опасности. Мы должны искать какое-то решение, ибо, если нам не удастся его найти, мы знаем из прошлого, какие трагедии уготованы нам обоим. Существует проблема, самая прямая и неотложная проблема. Как только она осознается, обязательно требуется ее решение.

Но этого недостаточно, чтобы показать, что простое отрицание существования этой проблемы — старая либеральная политика девятнадцатого века - было ложным и неминуемо потерпит крах. Столь же необходимо, если мы понимаем, насколько практична и неотложна проблема, сформулировать ее и проиллюстрировать на примере современных событий. Недостаточно показать, что попытка Либеральной политики потерпела неудачу. Кроме того, прежде чем пытаться найти решение, необходимо проанализировать природу проблемы в том виде, в каком она предстает в данный момент, и именно это я предлагаю сделать в следующей главе.

НЫНЕШНИЙ ЭТАП РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

ГЛАВА III

НЫНЕШНИЙ ЭТАП РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

В своем последнем письме я сказал, что старое решение игнорирования или отрицания еврейской проблемы неизбежно должно было рухнуть и уже рухнуло, и это было равносильно утверждению, что проблема сохраняется. Но я сказал, что нужно пойти дальше и изложить всю природу этой проблемы в том виде, в каком она существует на данный момент, прежде чем пытаться найти практическое решение.

Недостаточно сказать, что человек, считающий себя бессмертным и невосприимчивым к болезням, на самом деле опасно болен и что ухудшение его здоровья опровергло его теорию. Человек должен идти дальше, чтобы точно выяснить, что с ним не так, и, если возможно, каким может быть лекарство от этой проблемы.

Еврейскую проблему в ее более широком смысле я определил в первой главе этой книги, и так, как, я думаю, ее определяет каждый, включая всех многочисленных евреев, которые обсуждали этот вопрос. Это присутствие внутри одного политического организма другого политического организма, находящегося в состоянии трения с ним: напряжение, вызванное таким неестественным положением дел; риск катастрофы для меньшего органа и причинения вреда обоим, если это не будет устранено. Следовательно, истинное решение можно найти только в какой-то политике, которая надолго снимет напряжение и восстановит нормальные отношения. Целью такого решения должно быть функционирование, насколько это возможно, обеих сторон в непринужденной обстановке и без помех друг другу.

Но этой общей постановки проблемы — что это присутствие у каждой стороны инородного тела и последующее раздражение и трение у каждой — недостаточно. Мы должны изучить его более внимательно и развить более подробно, описав, как нарастают трения и раздражение: настаивая на том, что они даже превратились в угрозу. Только тогда мы сможем приступить к выяснению, насколько это возможно, с помощью анализа, какой именно характер носит заболевание и почему оно носит именно этот характер. Только после всего этого мы можем исследовать лекарство.

Когда мы оглядываемся на современный мир, скажем, за последние двадцать лет, мы обнаруживаем, что в совершенно разных местах, среди самых разных интересов и среди самых разных характеров присутствует то, что для многих является новым политическим чувством: оно переходит от раздражения к негодованию, от ропота к оскорблениям; оно повсюду направлено против евреев. Одно мероприятие за другим, в котором евреи по—разному правы или неправы, или безразличны, вызывало враждебность в разной степени, но возрастающую, и хотя опасные зоны все еще, как я уже сказал, в основном разобщены, все же они начинают объединяться и образовывать большие территории, враждебные Израилю.

Еврею возражают в сфере финансов, промышленности, коммерции — где он вездесущ и могуществен непропорционально своей численности, — что он стремится к господству и уже почти достиг этого. Возражают, что он повсюду действует вопреки интересам своих хозяев; что

им мешают, направляют, управляют против их воли; что присутствует сила, которая действует либо с безразличием к тому, что мы любим, либо в активной оппозиции к тому, что мы любим. Примечательно, что говорится о безразличии или активной оппозиции к нашим национальным чувствам, нашим религиозным традициям и общей культуре и морали христианского мира, которые мы унаследовали и желаем сохранить: эта сила - Израиль.

Эти чувства росли по мере того, как один пример за другим демонстрировали еврейскую силу, еврейскую сплоченность, которые подпитывали их. Насколько жестокими они должны были стать, можно увидеть, взяв в качестве особого примера их крайнюю форму, называемую "антисемитизмом". Когда позже в этой книге мы рассмотрим это современное явление, мы обнаружим, что оно является не только доказательством настойчивости и серьезности проблемы, которую мы пытаемся решить, но и некоторым объяснением ее природы.

На мир, который таким образом уже был раздражен, а в некоторых больших слоях был раздражен до неразумия — ибо антисемитские настроения были и остаются полными неразумия, - внезапно обрушился двойной эффект большевистской революции: революции, которая ударила как по доброжелателям, которые не хотели слышать ничего плохого о евреях, так и по тем, кто до сих пор защищал их или подчинялся им, отождествляя себя только с интересами крупного Капитала. Это был удар во фланг, под которым пошатнулись как сторонники еврейского нейтралитета, так и те, кто зависел от еврейских финансов.

Старая либеральная политика все еще официально господствовала; но когда произошел этот сокрушительный взрыв, это привлекло внимание. Большевизм заявлял о еврейской проблеме с такой жестокостью и настойчивостью, что ее больше не мог отрицать ни самый слепой фанатик, ни самый решительный лжец.

Такова была, в своих основных чертах, недавняя историческая последовательность, приведшая к тому положению дел, которое мы сейчас наблюдаем. Давайте проследим эту последовательность более подробно и из немного более далекого прошлого.

Целую жизнь назад, когда была основана Либеральная политика и когда условия были благоприятны для ее проведения, население все еще могло питать свой традиционный антагонизм к евреям, но на Западе Европы его численность была очень ограничена (всего несколько тысяч во Франции и Англии вместе взятых и едва ли столько же в Италии).

Он принадлежал по большей части к классам, которые не вступали в прямую конкуренцию с беднотой крупных городов. В сельской местности он отсутствовал. Он не пытался управлять своими хозяевами как политик или, в какой-либо значительной степени, индоктринировать их через прессу. Быстрый упадок религии в то время разрушил один барьер, а трансформация правящих классов из старых территориальных лордов в современную плутократию разрушила другой. Представление о том, что еврей неотличим от граждан страны, в которой ему довелось жить, или, во всяком случае, от той, в которой он жил в последний раз, еще больше укрепилось в результате распада того космополитического аристократического общества, которым был отмечен восемнадцатый век и которое могло замечать и регистрировать перемещения выдающихся личностей из нации в нацию. Новые промышленные успехи и новые международные финансы способствовали достижению одной и той же цели, в то время как еврей также начал успешно конкурировать во всех свободных профессиях, пока еще не доминируя ни в одной из них. Между еврейской расой и национальными интересами какого-

либо европейского народа, за исключением, возможно, поляков, не возникало конфликтов; и они были предметом обсуждения и замалчивались.

На протяжении всего этого времени, от лет после Ватерлоо до лет, непосредственно последовавших за поражением французов в 1870-71 годах, вес и положение еврея в западной цивилизации возрастали незаметно для всех, но при этом не вызывали шока и почти не привлекали внимания. Они повсюду входили в парламенты, в том числе в ряды английского пэра, а также в университеты в очень большом количестве. Еврей стал премьер-министром Великобритании, другой - главным лидером итальянского возрождения; третий возглавил оппозицию Наполеону III. Их становилось все больше в главных учреждениях каждой страны. Они начали занимать должности стипендиатов во всех важных оксфордских и Кембриджских колледжах; они имели большое значение в национальной литературе; семьи Браунингов и Арнольдов, например, в Англии; Мадзини в Италии. Они впервые появились в европейской дипломатии. Только армии и флоты были еще не затронуты их влиянием. Некоторые из них присутствовали даже в царствующих семьях. Институт масонства (с которым они так тесно связаны и все ритуалы которого носят еврейский характер) развивался очень быстро и очень значительно. Рост анонимной прессы и все более анонимной коммерческой системы еще больше расширил их власть.

Было бы иллюзией полагать, что все эти великие перемены имели еврейское происхождение. Еврей не создавал это, он плыл на этом, но это явно сработало в его пользу, и в конце мы находим его представленным в руководящих учреждениях Западной Европы в пятьдесят или сто раз больше, чем ему причиталось, пропорционально его численности. Евреи повсюду вступали в браки с ведущими семьями, и, прежде чем появились какие-либо признаки того, что произошел перелом в ситуации, они уже достигли того положения, в котором они сейчас находятся, и для их вытеснения готовятся такие решительные усилия.

Возможно, первым событием, прервавшим это непрерывное восхождение, было поражение французов в 1870-1870 годах. Не то чтобы его последствия были немедленными в этой области, но побежденная нация с большей вероятностью вызовет недовольство, реальное или мнимое; в поисках причины социальных несчастий, следующих за ее военными катастрофами, она, естественно, заикнется на международной, а не национальной, и обвинит иностранное население, а не свое собственное. Более того, дата поражения Франции была также датой свержения светской власти папства. В этом также евреи сыграли свою роль. Это дало им возможность сыграть еще большую роль в ближайшем будущем новой Италии. Через несколько лет в Риме должен был появиться мэр-еврей, который всеми силами поддерживал антихристианизацию города и особенно его системы образования.

Одним небольшим, но значительным фактором во всем бизнесе этих 70—х и начала 80—х - начала последней четверти девятнадцатого века - был рост монополии еврейских международных новостных агентств, среди которых видным было агентство Рейтер, и присутствие евреев в качестве международных корреспондентов различных крупных газет, наиболее ярким примером был Оппер, богемный еврей, который скрывал свое происхождение под вымышленным именем "де Бловиц" и в течение многих лет работал парижским корреспондентом *The Times*, газеты, пользовавшейся в те дни международным влиянием.

Первое проявление реакции, которое было под рукой, можно было найти в различных определенно антисемитских публикациях, появлявшихся в Германии и Франции, наиболее заметных в последней стране.

Их эффект поначалу был незначительным, хотя они обладали большим преимуществом в виде обширной документации. Подавляющее большинство образованных людей пожимали плечами и пропускали такие вещи мимо ушей, как сумасбродства фанатиков; но эти фанатики, тем не менее, заложили основу будущих действий, приведя огромное количество фактов, которые не могли не остаться в памяти даже тех, кто наиболее презрительно относился к новой пропаганде. В этих книгах особое внимание уделялось разоблачению того, что сами евреи называют "криптоиудаизмом", то есть присутствия повсюду в Западной Европе людей, занимающих важные государственные должности, которые выдавали себя за англичан, французов или кого-то еще, но на самом деле были евреями.

Во многих случаях (я уже цитировал поэта Браунинга и выдающуюся семью Арнольдов) эти люди не скрывали свою религию, а просто отошли от первоначальной еврейской общины, членами которой были их предки, но в большинстве других случаев более или менее присутствовал элемент сознательной секретности. Очевидно, целью тех, кто создавал литературу, которую я описываю, было, в частности, атаковать эту секретность и свести на нет ее последствия; и, как я уже говорил, даже там, где их фанатизм подвергался наибольшему осмеянию, огромное количество фактов, которые они приводили в порядок, не могло не повлиять на память их современников.

Затем последовал ряд прямых международных действий, предпринятых еврейскими финансистами, наиболее важной из которых, конечно, было вовлечение Египта в европейскую систему, и особенно в систему Великобритании.

Большее влияние на общественное мнение оказало возбуждение дела Дрейфуса во Франции и, сразу после этого, Южноафриканской войны в Англии.

Характерной чертой дела Дрейфуса было не обсуждение вины или невинности несчастного человека, от имени которого оно получило свое название, а огромный международный шум, которым оно было окружено. Это местное дело стало делом всего мира, и люди в самых отдаленных уголках цивилизации проявили к нему такой страстный интерес, как будто они были главными действующими лицами.

Такой феномен не мог не удивить массу наблюдателей, которые до сих пор не задумывались над еврейским вопросом, а когда к этому добавилось великое испытание Южноафриканской войны, открыто и бесспорно спровоцированной и поощряемой еврейскими интересами в Южной Африке, когда эта война так неожиданно затянулась и оказалась столь неожиданно дорогостоящей кровью и сокровищами, к растущему чувству, на самом деле, еще не антагонизма к еврейской власти, добавился второй элемент (половина культурной Франции была дрейфусаром, и гораздо больше половины Англии поддерживали англо-бурскую войну в ее самом разгаре). происхождение), но вызывает интерес к еврейскому вопросу, любопытство со стороны среднего гражданина, который до сих пор о нем не слышал.

Первоначальное меньшинство, которое начало выступать против еврейской власти с их крайне левым крылом антисемитов и их ядром, состоящим из людей, которые ссорились скорее с финансовым контролем современного мира, чем с какой-либо расовой проблемой, имело тенденцию к росту. Как всегда бывает с растущим движением, события, казалось, сами по себе соответствовали этому росту и способствовали ему.

Панамские скандалы во французском парламенте уже подпитали движение во Франции. Более поздние парламентские скандалы в Англии, Маркони и остальные, позволили провести столь поразительную параллель с Панамой, что сходство вызвало всеобщее одобрение. Поколение назад они могли бы сойти за отдельные явления. Теперь они были связаны, часто несправедливо, с тревожным ощущением общего финансового заговора. Во всяком случае, они были связаны с атмосферой, по сути еврейской по своему характеру.

Между тем уже началось одно из тех великих миграционных перемещений евреев, которые разнообразили историю на протяжении двух тысяч лет и которые почти всегда являются прелюдией к каждому новому нарушению равновесия евреев и каждому новому возрождению еврейской проблемы в ее наиболее острой форме.

Великим резервуаром еврейской расы была, конечно, та страна Польша, которая так благородно помогала евреям во время преследований позднего средневековья. Польша превратила себя в убежище для всех евреев, которые хотели туда попасть, и теперь, после печально известного раздела, инициированного Пруссией, все еще является домом для примерно половины евреев мира. Ненависть к евреям, которую питали все классы россиян, преследования, которым они подвергались из-за того факта, что Россия после раздела управляла той частью Польши, где евреев было больше всего, положили начало новому массовому исходу. Движение было западным, в основном в Соединенных Штатах, но в связи с ним также возник новый рост огромных гетто в английских промышленных городах, особенно в Лондоне, в то время как Нью-Йорк медленно превращался из города, столь же свободного от еврейского населения, какими были Лондон и Париж в прошлом, в город, в котором добрая треть или более его жителей стали либо полностью евреями, либо частично евреями.

Эта обширная иммиграция, которая была в полном разгаре как раз перед началом первой мировой войны и которая так активно добавляла закваску к растущему брожению, что даже заложила зачатки гетто в Париже и которая затронула весь Запад, была дополнена еще одним фактором первостепенной важности.

Современный капитализм, от которого еврей получил такую большую выгоду, но который возник не он и в котором были так тесно переплетены выдающиеся, хотя и немногочисленные еврейские имена, имел своим аналогом и реакцией *социалистическое* движение. Это, опять же, не евреи создавали и поначалу не направляли; но это быстро все больше и больше попадало под их контроль. Семья Мардохея (принявшего фамилию Маркс) произвела на свет Карла как наиболее мощного представителя этой теории. Хотя он всего лишь копировал и следовал своим наставникам-неевреям (особенно Луи Бланку, гениальному франко-шотландцу), он представил в законченной форме полную теорию социализма, экономическую, социальную и, как следствие, религиозную; поскольку он постулировал материализм.

Вслед за Карлом Марксом пришла толпа его соотечественников, которые возглавили восстание промышленного пролетариата против растущей мощи капиталистической системы и начали организовывать решительное восстание.

До Великой войны можно было сказать, что все социалистическое движение, насколько это касалось его персонала и руководства, было еврейским; и хотя на Западе оно приняло чисто экономическую форму, на Востоке — в Российской империи — оно приняло и политическую форму, и растущая революционная сила в этой империи была в равной степени еврейской по руководству и движущей силе.

Такова была ситуация накануне Первой мировой войны. Люди начинали осознавать, что подразумевалось под еврейской проблемой. Старая уверенность была развеяна навсегда; но пока лишь меньшинство, хотя теперь и многочисленное, было готово заняться этой проблемой и открыто обсудить ее. Все, что было официальным, и особенно пресса, с ее огромным влиянием, пока еще ни в одном ведомстве отказывалось признать реальность положения. Конвенция, запрещающая публичные упоминания еврейского вопроса, была все еще очень сильна. На первый взгляд казалось, что старая либеральная политика все еще оставалась неизменной. Евреи были везде, где им удавалось занять выгодное положение: они преподавали в университетах всей Европы; они были повсюду в прессе; повсюду в сфере финансов. Их постоянно можно было встретить в высших правительственных учреждениях и в канцеляриях христианского мира, они приобрели доминирующую власть, которую никто не мог подвергнуть сомнению. Но вызов этой неестественной позиции неизбежно срабатывал, несмотря ни на что, он оставался закрытым, и ему было очень трудно найти выражение. Тем не менее, она расширялась и к 1914 году стала серьезной.

Неизмеримая катастрофа войны — к которой евреи не имели никакого отношения и которую их более важные финансовые представители делали все возможное, чтобы предотвратить, обрушилась на Европу. Поначалу казалось, что перед лицом этой ошеломляющей трагедии то, что так быстро нарастало — я имею в виду дебаты и конфликты по поводу еврейских притязаний, — будет замолчано. Евреи храбро сражались во всех армиях. Их заслуги были щедро признаны, хотя жестокая двусмысленность их положения едва ли осознавалась. Учитывая, что у них не было национальных интересов в этой борьбе, это, должно быть, казалось им простым безумием - распинать свою нацию без всякой цели. Ибо Зангвилл действительно хорошо изложил суть дела, когда сказал, что те, кто с готовностью и спонтанно присоединились к первому набору (а их было немало), сделали это "ради чести Израиля". Жертва не осталась без плодов. В его присутствии многие жалобы были замолчаны и было раскрыто многое, что, если бы не это, осталось бы без проверки. Христианская семья, переживающая тяжелую утрату, увидела рядом с собой соседа-еврея, потерявшего своего сына из-за того, что не касалось его расы; христианский священник был свидетелем агонии молодого солдата-еврея. Защитник западных народов видел на своей стороне не только еврейского призывника (которого никогда не следовало призывать), но и еврейского добровольца. Таким образом, первым, кто поступил на службу из Соединенных Штатов, был еврей, позже получивший повышение, с которым я имел удовольствие и честь познакомиться в штате Мангана в Майнце. Я надеюсь, что он сможет увидеть эти строки.

Казалось, что при таких страданиях, которые евреи разделяли с нами, растущая ссора между ними и нами будет улажена. Люди, которые были известны не только своим обсуждением еврейской проблемы, но и своим прямым и открытым антагонизмом к еврейской власти и даже к самым законным еврейским притязаниям, теперь были вынуждены замолчать. Примирение витало в воздухе ... когда, в самый разгар борьбы, возник тот фактор, неисчислимо важный, который сейчас управляет всем остальным; я имею в виду фактор того, что называется *большевизмом*.

Это новое еврейское движение изменило весь облик вещей и, выйдя на первое место среди остальных, изменило проблему для всего нашего поколения.

Отныне это должно было обсуждаться совершенно открыто. Отныне это могло бы только становиться, все больше и больше, главной проблемой политики и порождать ту угрожающую ситуацию, от разрешения которой зависит безопасность нашего будущего.

Ибо большевистское движение, или, скорее, взрыв, был еврейским.

Эту истину так легко спутать с ложью, что я должен с самого начала сделать ее точной и ясной.

Большевистское движение было *а* еврейским движением, но не движением еврейской расы в целом. Большинство евреев были совершенно чужды этому; действительно, очень многие, в том числе наиболее типичные, ненавидят это; многие активно борются с этим. Вменение его пороков евреям в целом является серьезной несправедливостью и проистекает из путаницы мыслей, от которой я, во всяком случае, свободен.

После столь многого сказанного позвольте мне вернуться к делу.

То, что называется "Трудом", то есть направление пролетарского восстания против капиталистических условий, направлялось, как мы видели, в основном евреям. Его энергия, его международные качества, его преданность установленной схеме преобладали. Все это не было характерно для России, но присутствовало во всех промышленно развитых регионах Запада.

Под словом "направленный" я не имею в виду какой-либо сознательный план. Я имею в виду, что евреи, с их постоянным переездом из страны в страну, с их естественным безразличием к национальному чувству как силе, противодействующей классовому чувству, с их ясным мышлением и страстью к дедукции, с их упорством и интеллектуальной прилежностью, естественно, стали главными выразителями и наиболее способными лидерами. Они сформировали, прежде всего, цемент, скрепляющий движение воедино по всему миру. Именно они больше, чем кто-либо другой, настаивали на четком решении, основанном на принципах, которые их соотечественник Карл Маркс скопировал у своих великих европейских современников и определил в своей знаменитой книге "О капитале".

Но в мире существовала огромная разница между этим интеллектуальным лидерством, этой организацией социализма евреями, *пока социализм все еще оставался простой теорией*, и контролем и фактическим управлением им в большом Состоянии, когда оно перешло от теории к практике.

В 1914 году слова "социальная революция" были всего лишь словами, и люди не воспринимали их слишком серьезно. Но когда в 1917 году социалистическая революция была совершена внезапно, одним ударом, в одном великом государстве, и когда ее агенты, директора и хозяева

были замечены как тесная корпорация евреев с несколькими нееврейскими прихлебателями (каждый из которых контролировался евреями через то или иное влияние), это было совсем другое дело. Это стало реальностью. Угроза национальным традициям и всей христианской этике собственности была непосредственной. Что более важно, поскольку речь идет о еврейской проблеме, многие из тех, кто хранил молчание по этому поводу из-за условностей, алчности или страха, теперь были вынуждены заговорить. С того момента, в начале 17-го, это стало главной политической проблемой нашего времени: совпадающей, тесно связанной с великой экономической ссорой, к которой она теперь была привита, но по всем своим последствиям превосходящей ее.

Эту историю можно рассказать вкратце. Российское государство, плохо подготовленное к современной войне, в конце 1916 года прошло через напряжение, которое оно сочло невыносимым. Российское общество, после понесенных смертельных потерь, находилось накануне распада, и грозное революционное движение, которое в течение многих лет оставляло свое руководство и организацию в руках евреев, вспыхнуло в третий раз за наше поколение, но на этот раз успешно.

После быстро набирающих обороты этапов она установилась в ситуации, которая сохранялась с начала 1918 года по сегодняшний день. В городах был распущен свободно избранный парламент и провозглашена "Диктатура пролетариата". В будущем мастерскими должны были управлять комитеты в российских "Советах", и подобные организации должны были контролировать сельское хозяйство в деревнях, где крестьяне уже захватили землю и возвращались из распущенных армий в свои дома.

На практике, конечно, то, что было создано, не было пролетарским правительством, и уж тем более чем-то таким невозможным и противоречивым с точки зрения "диктатуры" пролетариев. Это называлось "Республика рабочих и крестьян". На самом деле ничего подобного не было. Это был чистый деспотизм клики, лидеры которой были специально натравлены на Россию под руководством Германии, чтобы подорвать любой шанс на возрождение военной мощи России, и все эти лидеры, без исключения, были евреями или удерживались евреями через своих домашних родственников, и все, что последовало, было сделано непосредственно по приказу евреев, самым выдающимся из которых был некто Браунштейн, который маскировался под вымышленным именем Троцкий. Был установлен террор, в ходе которого было уничтожено бесчисленное количество русских представителей правящих классов, так что исчезли все основы Российского государства. Среди них, конечно, следует особо отметить большое количество духовенства, против которого еврейские революционеры питали особую неприязнь. Была начисто уничтожена вся старая социальная организация, и под деспотизмом этой еврейской клики старый экономический порядок был обращен вспять. Еда и все предметы первой необходимости контролировались (в городах) и распределялись по карточкам, наибольшую долю получал чернорабочий; и никто никакой доли не получал, если только он не работал по приказу новых хозяев.

Сельскохозяйственная земля теоретически была национализирована, но на практике еврейские комитеты городов не смогли обеспечить свою власть над ней, и она вернулась к естественному состоянию крестьянской собственности. Но еврейские комитеты городов были достаточно сильны, чтобы совершать набеги на обширные районы сельскохозяйственного

производства для поддержки себя, своих войск и своих иждивенцев в городах, которые были близки к голодной смерти из-за распада социальной системы.

То, что последовало позже, общеизвестно: все попытки контрреволюции, возглавляемые разрозненными русскими и другими военными лидерами, потерпели неудачу, потому что крестьяне поверили, что на карту поставлено их недавно приобретенное хозяйство, и с готовностью вызвались защищать его, значительно возросшая нищета городов, медленный спад промышленного производства (несмотря на жесточайший деспотизм, принуждающий к труду по призыву) и общее разложение общества.

Если бы были проанализированы мотивы людей, которые таким образом за несколько недель превратили в руины все христианское государство, мы, надо полагать, обнаружили бы нечто в этом роде: их главным мотивом было стремление к политическим и экономическим идеалам, выразителями которых они были и которые уже поддерживали многие их соотечественники, евреи, по всей остальной Европе — коммунизму в том, что касалось собственности; марксистской доктрине социалистического производства и распределения; социалистической доктрине, навязанной произвольными и деспотическими механизмами, благоприятствующими тем, кто в прошлом был евреем. наименее благоприятствуемый. В этой экономической и политической группе мотивов ведущим, вероятно, была доктрина коммунизма, в которую эти люди, по большей части, искренне верили.

К этому следует добавить столь же искреннюю ненависть к национальному чувству, за исключением, конечно, того, что касалось еврейской нации. Концепция русского национального чувства казалась этим новым лидерам нелепой, как, действительно, концепция национального чувства должна казаться нелепой их соотечественникам повсюду; или, если не нелепой, второстепенной по сравнению с более важными мотивами личной выгоды и исправления тех непосредственных обид, которые может испытывать индивид. Естественно, они нападали на христианскую религию, поскольку она противоречила их социальной теории.

У них также был определенный крестоносный, или пропагандистский, идеал, проходящий через все их действия — желание распространить коммунизм далеко за пределы того, что когда-то было Российским государством. Именно это привело их к интригам по всей Центральной и даже Западной Европе в пользу революции.

Хотя это были основные мотивы, должны были присутствовать и другие.

Невозможно, чтобы Комитеты, состоящие из евреев и внезапно оказавшиеся, таким образом, под контролем таких новых властей, не желали принести пользу своим собратьям. Столь же невозможно, чтобы они отказались от чувства мести тому, кто преследовал их народ в прошлом. Разрушая Россию, они не могли не примешать к желанию извлечь выгоду из отдельных русских бедняков желание отомстить национальной традиции в целом; было даже сказано — но опровергнуто, и я не знаю, где правда, — что евреи были среди тех, кто был виновен в худшем инциденте, который мы теперь знаем во всех его отвратительных подробностях — убийстве русской царской семьи — отца, матери и девочек, а также несчастного болезненного наследника, единственного мальчика. Далее, невозможно, чтобы еврейские комитеты, таким образом, контролировавшие российскую казну и российские средства связи, не испытывали некоторой симпатии к своим соотечественникам, которые в такой значительной степени контролировали западные финансы. Каким бы искренним ни было их отвращение к

капитализму (ибо, вероятно, большинство из них придерживается этого мнения достаточно искренне), такова природа вещей, что представитель их рода, каким бы заблуждающимся они его ни считали, должен нравиться им больше, чем один из нас. И именно этим объясняется тот наполовину союз, который вы обнаруживаете по всему миру между еврейскими финансистами, с одной стороны, и еврейским контролем над русской революцией - с другой. Именно этим объясняется нерешительность защиты от большевизма, постоянный коммерческий протест, продолжающиеся переговоры, признание Совета нашими политиками, шум "лейбористов" в пользу немецкого еврейского индустриализма и против Польши: все это имело место везде, где еврейские финансы могущественны, особенно в Вестминстере.

Но, как бы то ни было, грандиозный взрыв, который мы называем большевизмом, довел обсуждение еврейской проблемы до апогея. Двумя силами, которые до сих пор сдерживали обсуждение этой проблемы, были либеральная фикция, правившая более поколения, согласно которой неприлично было даже упоминать слово "еврей" или предполагать, что существует какая-либо разница между евреем и теми, кто его укрывал; и, во-вторых, тот факт, что евреи ошибочно считались большинством состоятельных людей на Западе — то есть большинством тех, кто контролировал прессу и, следовательно, все общественное выражение — настолько контролирующими богатство, что они одновременно были естественными хранителями собственности. и размещены так, что атака на них поставила под угрозу богатство критика. Человек, который уехал в Город, или кто провел свою жизнь на парижской бирже, или кто вел переговоры о каком-либо крупном капиталистическом предприятии, кому приходилось иметь дело в любом качестве с управлением крупными банками или с международными средствами сообщения по морю и суше, даже человек, который зарабатывал на свое ненадежное существование писательством, — все до сих пор считали, что общественное молчание по поводу еврейской проблемы необходимо для его личного благополучия.

Те, кто осознавал серьезность проблемы, до сих пор из страха хранили молчание по этому поводу, по крайней мере публично, хотя наедине они часто были достаточно многословны. Те, кто осознавал это в меньшей степени, также были охвачены тем же страхом. Наконец, у вас был большой класс людей, которые не испытывали необходимости в ограничениях, будь то из страха или по какой-либо другой причине, но которые были вполне довольны тем, что все оставалось как есть, пока они получали свое обычное жалованье или дивиденды, и которые были глубоко убеждены, что любое вмешательство в дела евреев поставит под угрозу эти дивиденды или эту зарплату.

Еврейско-большевистское движение положило конец такому состоянию ума. Люди, которые до сих пор хранили молчание из-за жадности, условностей или страха, теперь оказались между верхним и нижним жерновами. До сих пор они, по крайней мере, верили, что хранить молчание - значит закреплять или продвигать свое экономическое положение. Теперь они обнаружили, что на фланге этой позиции внезапно возникла новая и грозная еврейская сила, настроенная на уничтожение собственности. Больше не было причин хранить молчание. Росла потребность высказаться. И хотя старая привычка, старая секретность все еще были сильны в них, необходимость борьбы с еврейским большевизмом была еще сильнее. По всей Европе еврейский характер движения становился все более очевидным. Лидеры коммунизма повсюду провозглашали эту истину, проводя идиотскую политику притворства, что революция была русской и национальной; они пытались — слишком поздно — скрыть еврейское происхождение ее создателей и руководителей и предприняли ребяческую попытку притвориться, что русские

имена, столь невинно выдвинутые, были подлинными, когда настоящие имена были на каждом языке. Но в то же время они получали деньги и ценные бумаги жертв через еврейских агентов, драгоценности, снятые с убитых или украденные из сейфов убитых мужчин и женщин. В одном конкретном случае обещание субсидии коммунистической газете в Лондоне было прослежено до этого источника; было доказано, что вовлеченный англичанин был простой марионеткой и что еврейские связи семьи через брак были истинными участниками сделки. В другом случае было помпезно объявлено о торговой депутации под русскими именами, которая, как выяснилось при проверке, состояла, что касается первого ее члена, из человека, всю свою жизнь проработавшего на службе в еврейской фирме, что касается второго, из еврея, который на самом деле был шурином Браунштейна! Дипломатическим агентом, назначенным и частично принятым британским правительством для представления новой власти российских городов, снова был еврей Финкельштейн, племянник по браку известного еврея в этой стране. Он проходил под фамилией Литвинов. Так было на протяжении всего движения, в каждой столице и в каждом крупном промышленном городе.

Мы не должны пренебрегать совершенно очевидной истиной, что во всем этом было достаточно топлива для разжигания пламени. Промышленный пролетариат во всем мире испытывал одинаковое отвращение и был одинаково готов к восстанию. Руководство движением может быть еврейским, но его течение было создано не евреем. Воображать это - значит впадать в самые детские ошибки "антисемита". Поток влияния возник из страданий и жгучего чувства несправедливости, которые промышленный капитализм навязал обездоленной массе наемных работников. Им было (и остается), естественно, безразлично, происходят ли те, на кого они надеются, из Палестины, Московии или Тимбукту. Их интересует экономическая свобода: доктрина социализма и ее результаты, а не личности тех, кто ими руководит.

Их позиция достаточно понятна: но я хочу сказать, что руководящее меньшинство западноевропейского капитализма, которое до сих пор хранило молчание по поводу еврейских проблем из мотивов, которые я описал, теперь было освобождено; они могли свободно высказывать свое мнение и начали высказывать его. Громкость их протеста не может не увеличиваться. Кот, как говорится, вытащен из мешка, или, выражаясь более достойным языком, дебаты теперь уже никогда не замолчат. Признается, что революционное руководство в основном состоит из евреев. Сейчас это признано так же ясно, как и давно, что международные финансы были в основном еврейскими; и даже те, кто потерпел бы молчание по поводу одной опасности, определенно не потерпят этого по поводу другой.

Опасность, действительно, еще не миновала. Дебаты состоятся — это не опасность, а благо; опасность скорее в том, что по мере постепенного снятия ограничений естественный антагонизм к еврейской расе, который ощущают почти все те, кто к ней не принадлежит и среди кого она живет, может принять иррациональную и насильственную форму, и что мы можем оказаться на пороге еще одной из тех катастроф, тех трагедий, тех бедствий, которыми была отмечена история Израиля в прошлом.

Предотвратить это, найти какое-то решение проблемы, пока еще есть время, предотвратить поступки, которые навлекли бы на нас позор, а это небольшое меньшинство среди нас - страдания, должно быть целью каждого честного человека.

ГЛАВА IV

ОБЩАЯ ПРИЧИНА ТРЕНИЯ

Непосредственной причиной новой серьезности еврейской проблемы, которая становится очевидной, является революция в России. Совершенно новая черта открытой дискуссии, которая теперь связана с этим (вещь, которая показалась бы невероятной в Англии двадцать лет назад), - это лидерство, которое евреи взяли на себя в экономическом противостоянии пролетариата с капитализмом.

Поэтому большинство людей, когда их спросят о причине трений между евреями и их хозяевами в этот момент, ответят (по крайней мере, в Англии), что она кроется в антисоциальной пропаганде, которая сейчас распространяется по всей Индустриальной Европе. "Наша ссора с евреями, - услышите вы из сотни различных источников, - заключается в том, что они замышляют заговор против христианской цивилизации, и в частности против нашей собственной страны, под видом социальных революционеров".

Такой ответ, хотя это почти универсальный ответ на данный момент в этой стране, крайне несовершенен.

Трения между евреями и народами, среди которых они рассеяны, гораздо старше, гораздо глубже, гораздо более универсальны. В течение целого поколения, предшествовавшего нынешнему кризису, сравнительно небольшое число людей, которые упорно работали над еврейской проблемой, пытались спровоцировать ее обсуждение и настаивая на ее важности, были в основном озабочены совсем другим аспектом еврейской деятельности — аспектом международных финансов, контролируемых евреями. До того, как этот аспект приобрел свою современную серьезность, евреев упрекали в том, что их международное положение противоречило нашим расовым традициям и нашему патриотизму. Перед этим снова прозвучали упреки в адрес другой религии и, в частности, в их антагонизме учению о Воплощении и всему тому, что вытекало из этого учения. И даже до этой великой ссоры их упрекали в том, что они были плохими гражданами языческой Римской империи, постоянно бунтовали против нее и были виновны в массовых убийствах других римских граждан.

В другой цивилизации, отличной от нашей, в цивилизации ислама, возник другой набор упреков, или, скорее, другой вид презрения и угнетения. После долгих периодов мира в отдельных регионах наступали времена наиболее жестокого угнетения. Например, в течение последних нескольких лет с евреем в Марокко обращались так, как будто он едва ли был человеком. Он должен был отворачиваться лицом к стене, когда мимо проходил какой-нибудь магнат. Он должен был одеваться особым образом, чтобы выделяться среди своих собратьев

как нечто деградировавшее. Он не мог въехать через городские ворота, но должен был спешиться. В марокканском городе было двадцать действий, обычных для гражданской жизни, которые были запрещены еврею.

Все это равносильно тому, что трения между евреями и теми, среди кого они живут, всегда присутствовали, и были всегда, то скрытые, то яростно всплывающие на поверхность, то ропщущие в течение долгих периодов неопределенного мира, то выливающиеся во все зло преследований — что равносильно тому, что эти трения между евреями и неевреями, хотя и находящие разные оправдания своим действиям в разных случаях, были силой, постоянно действующей везде и во все времена.

В чем причина этого? Какова его природа?

К этому вопросу очень трудно подойти, потому что мы не имеем дела с вещами, поддающимися положительному доказательству. Вы можете доказать из исторических записей, что эта вещь существовала. Вы можете показать его ужасные последствия, непрерывно повторяющиеся на протяжении всей нашей истории. Но совсем другое дело - проанализировать невидимые силы, которые его производят, и любой такой анализ может быть не более чем попыткой.

Я полагаю, что причины этого трения со всеми его плачевными результатами бывают двух видов. Есть, во-первых, *общие* причины для этого, я имею в виду те причины, которые всегда присутствуют и неискоренимы. Их усилия можно подытожить в той истине, что вся структура еврейской нации, их корпоративные традиции, их социальное мышление находятся в противоречии с людьми, среди которых они живут. Далее, существуют особые причины, под которыми я подразумеваю социальные действия и самовыражения, которые приводят к трениям и могут быть изменены, две главные из которых - использование евреями секретности как метода действий и открытое выражение превосходства над своими соседями, которое еврей не может не чувствовать, но неправильно подчеркивать.

Я рассмотрю их в их порядке и сначала рассмотрю общие причины; хотя я должен признать с самого начала, что простое их краткое изложение не является достаточным объяснением данного явления. Казалось бы, в этом есть что-то более глубокое и еще более таинственное. Ибо все признают, что, хотя между индивидуумами двух противоположных рас возможна самая тесная близость и уважение, в тот момент, когда вы подходите к большим группам, и особенно к народному инстинкту в этом вопросе, очевидны серьезнейшие трения. Это проблема слишком глубокая, чтобы ее можно было объяснить простой разницей в характерах. Как будто какая-то внутренняя сила наполняет людей с обеих сторон, на самом деле не с необходимой враждебностью — именно против любой такой необходимости написана вся эта книга, — но, безусловно, с противоречивыми целями.

Прежде всего следует отметить, что большинство обвинений, выдвигаемых против евреев их врагами, и большинство очень правильных опровержений этих обвинений, выдвигаемых евреями и их защитниками, не попадают в цель, потому что они пытаются облечь в абстрактную форму то, что на самом деле является чем-то в высшей степени конкретным. И это в равной степени верно как в отношении похвал, воздаваемых евреям, так и в отношении приписываемых им особых добродетелей и отрицания этих добродетелей.

Они упускают суть, потому что пытаются выразить в терминах одной категории то, что должно быть выражено в терминах другой. Они делают то, что делает человек, когда он сравнивает две

картины по их контуру, в то время как на самом деле их интерес заключается в цвете, или когда он утверждает что-то в мелодии, основополагающим моментом которой является вовсе не воздух, а инструменты, на которых она исполняется: например, кто сказал бы, что "Боже, храни короля" была "пронзительной", потому что он слышал, как ее играли на свистульке, или "гулкой", потому что он слышал, как ее играли на виолончели. На самом деле следует отметить не то, что евреи кажутся нам (или мы им) обладающими определенными абстрактными качествами и недостатками, а то, что в их случае каждое качество или дефект имеет особый характер, особый национальный *тембр*, которого нет у нас.

Таким образом, вы услышите, как их враги обвиняют евреев в трех таких пороках, как трусость, алчность и измена, — возьмем три самых распространенных обвинения. Вы изучаете их действия и находите бесчисленные примеры высочайшего мужества, величайшего великодушия и самой преданной лояльности: но храбрости, великодушия и лояльности еврейского рода, направленных на достижение еврейских целей и отмеченных весьма характерным еврейским клеймом.

Человек, обвиняющий евреев в трусости, имеет в виду, что им не нравятся ни драки такого рода, ни драки, проводимые в его стиле. Все, что он обнаружил, - это то, что мужество не проявляется ни при одинаковых обстоятельствах, ни для одних и тех же целей, ни одним и тем же способом. Но если слово "мужество" что-то значит, он не может, поразмыслив, отрицать его применительно к действиям, список которых можно было бы составить бесконечно, даже основываясь только на современном опыте. Неужели это трусость со стороны молодого человека - сознательно жертвовать своей жизнью ради собственного народа? Проявил ли трусость тот молодой еврей, который убил российского премьер-министра, антагониста своего народа, после первой революции, последовавшей за русско-японской войной? Было ли это трусостью - выйти в переполненный театр, окруженный всеми врагами своей расы, и застрелить их вождя среди них? Является ли трусостью выступать против подавляющего инопланетного большинства и делать это снова и снова, возможно, на протяжении всей жизни, настаивая на вещах, которые крайне непопулярны у этого большинства, и все время подвергаясь риску физического насилия? Вы обнаруживаете, что евреи придерживаются такого отношения по всей Европе. Можно ли думать, что именно трусость позволила представителям этой нации сохранить свою традицию нерушимой на протяжении двух тысяч лет периодических пыток, грабежей и насильственных смертей? Изложенное таким образом нелепо, и ясно, что те, кто выдвигает подобное обвинение, смешивают свою собственную форму мужества с мужеством как универсальным атрибутом.

Они думают, что, поскольку евреи проявляют мужество при других обстоятельствах и по-другому от самих себя, как бы соответствуя другим желаниям, следовательно, это уже не мужество: думать так - значит признавать себя очень ограниченным.

Я сам могу засвидетельствовать множество мужественных поступков, которые я видел в исполнении евреев. Я имею в виду не акты мужества на войне, свидетельств которым предостаточно, а действия такого рода, в которых наша раса не проявила бы того же качества или *тембра* мужества. Я приведу один случай.

Чуть более двадцати лет назад, когда волнения по делу Дрейфуса были в самом разгаре и когда настроение французской армии, в частности, было доведено до белого каления, мне случилось быть в городе Ним, через который в то время проходил отряд войск. Кафе, в котором я сидел,

было заполнено молодыми сержантами. Кроме меня, здесь почти не было гражданских. В заведение вошел пожилой еврей, очень невысокого роста, с ярко выраженными физическими особенностями своей расы, безошибочный еврей. Он был несколько сгорблен под тяжестью прожитых лет, с горящими глазами и необычайно вибрирующими интонациями голоса. Он продавал листовки самого жестокого содержания, все они содержали оскорбления в адрес армии. Он вошел в это кафе с листками в руке, чтобы все могли видеть большие заглавные буквы заголовков, и медленно обошел собравшихся, иронически предлагая их парням в форме со шпагами на боку, поскольку они были кавалеристами.

Всем известен французский темперамент в таких случаях — полное молчание, которое в любой момент может трансформироваться во что-то совсем другое. Один сержант за другим вежливо отмахивались от него и проходили дальше. Он обошел их всех, вглядываясь в лица своими пронзительными глазами, все время с иронической оскорбительной улыбкой на лице, время от времени описывая природу своего товара, и, сделав это, вышел невредимым.

Это было удивительное зрелище. Я видел много других, столь же удивительных и ярких, но что касается мужества, то я никогда не видел, чтобы оно было превзойдено. Перед ним был человек, старый и немощный, представитель очень небольшого меньшинства, которое, как он знал, ненавидели, и особенно ненавидели люди, которым он бросал вызов. Из-за того, что из-за него пострадал один из его собственных людей, он пошел на этот огромный риск и выполнил возложенную на себя задачу со своего рода удовольствием от этого риска. Вы можете называть это дерзостью, наступательностью, как вам угодно, но вы не можете отказать ему в названии мужества. Это было мужество самого высокого качества.

Я повторяю: вы можете увидеть свидетельства такого рода мужества в действиях евреев по всему миру и в любую эпоху. Начало этому положила осада Иерусалима; завтра, если опасения, которые мы все сейчас испытываем, к несчастью, окажутся обоснованными, мы снова увидим это в том же масштабе.

Возьми жадность. Когда еврея обвиняют в жадности его враги, они приписывают ему тот порок, на который, как *они* знают, они способны, который *они* сами практикуют, который *они* полностью понимают, но который *он* никогда не практикует на их манер. Еврей авантюрен в обращении со своими деньгами. Он спекулянт, трейдер. Он также человек, который мыслит точными терминами. Он никогда не относится к этому романтично. Но он почти неизменно щедр в использовании этого. Наша раса, когда она поддается пороку алчности, замкнута, скрытна, безжалостна. Он безжалостен и хитер в накопительстве. Он громогласно настаивает на точных условиях согласованного договора. Он также упорен в достижении всего, к чему приступил, в том числе в накоплении денег. Он почти фанатичен в своем стремлении к успеху во всем, за что бы ни брался, в том числе в накоплении денег. Но говорить, что деньги, однажды накопленные, не используются щедро, — это нонсенс. Нет ни одного из нас, кто не мог бы привести сразу дюжину примеров еврейской щедрости в масштабах, заставляющих нас стыдиться.

Неверно также говорить, что в основе этой щедрости лежит показуха, или, как ее еще называют, "Выкуп". Хотя любовь к великолепию, безусловно, является большой страстью в еврейском характере, это не объясняет большей части его щедрости. Это щедрость, которая распространяется на все виды частных отношений, и если вы возьмете свидетельства тех, кто

был на службе у евреев и сами не являются евреями, то эти свидетельства почти повсеместно будут в пользу их работодателей, если эти работодатели люди с большими средствами.

Они скажут вам, что чувствовали себя униженными, служа еврею; что отношения между ними никогда не были легкими; что всегда была дистанция. Но не так часто с ними обращались подло. Как раз наоборот. Обычно присутствовала *спонтанная* щедрость. Тот же аргумент применим и к крику "Рэнсом". Это правда, что некоторые из наиболее скандальных еврейских состояний сумели защититься от общественного гнева, вернув небольшую долю в виде общественных пожертвований: это действие и мотив, не свойственные им. Но это не объясняет массы частных и неслыханных благодеяний, о которых мы все можем свидетельствовать и которые столь же обычны для евреев среднего класса, как и для богатых. Это здесь, как и в случае с мужеством, вопрос *своеобразного* характера. Те из наших людей, кому посчастливилось быть щедрыми (они редки), не подсчитывают. Они часто забывают или путают суммы, на которые потратили деньги, как будто это простая расточительность. Еврей точно знает размер своей жертвы, ее пропорцию ко всем его средствам. Значит, он менее щедр? Ни в коем случае. По масштабам он *более* щедр, но по—другому.

Можно было бы возразить, что такая щедрость еврея является следствием того, как он относится к деньгам. Это приходит и уходит вместе с ним, потому что он спекулянт и скиталец. Говорят, что ни одно крупное еврейское состояние не бывает постоянным; что ни один из этих миллионеров никогда не основывал семью. Это не совсем так; но верно и то, что, учитывая длинный список великих еврейских достижений, которые ознаменовали весь прогресс нашей цивилизации, удивительно, как немногие из них пустили корни. Но хотя такое представление о деньгах может быть элементом щедрости еврея, оно не объясняет ее полностью, и, во всяком случае, эта щедрость присутствует и категорически противоречит обвинению в скупости. Действительно, общее обвинение в алчности несостоятельно: и *именно* поэтому это своего рода постоянная шутка, разрешенная даже там, где евреи наиболее могущественны. Это шутка, на которую они сами не обижаются, потому что знают, что она не соответствует действительности.

Обвинение в государственной измене имеет ту же основу - за исключением того, что оно еще более "на стороне одной стороны", чем другие процитированные. Нет расы, породившей так мало предателей. Для еврея быть интернациональным - это не измена. Со стороны еврея не является изменой работать то ради одних интересов среди тех, кто не принадлежит к его народу, то ради других. Его можно обвинить в государственной измене только тогда, когда он действует против интересов Израиля, и нет и никогда не было такой нации, в которой национальная солидарность была бы больше, а национальная слабость в виде предателей - меньше. Действительно, это то самое обвинение, которое выдвигают против них их враги; что они слишком однородны; что они слишком много держатся вместе и слишком яростны в самозащите; и вы не можете сочетать это обвинение с обвинением в государственной измене. Что верно, так это то, что еврей поддерживает одну нееврейскую группу в ее действиях против другой. Он будет служить Франции против немцев или немцы против Франции, и он будет делать это безразлично как житель страны, которой он приносит пользу, или страны, которой он наносит вред: ибо он безразличен ни к тому, ни к другому. В тот момент, когда начинается война, разведывательные службы обеих сторон полагаются на еврея: и они полагаются на него не только из-за его безразличия к национализму, но и из-за его многих языков, его

путешествий, присутствия его родственников во вражеской стране. И это верно не только в отношении войны, но и в отношении вооруженного мира.

Но ясно, что во всем этом есть примеры того, что в *сша* было бы государственной изменой. С его стороны такие действия не являются государственной изменой, поскольку он не предает Израиль. Но все они имеют отталкивающую для нас атмосферу. Это вещи, которые, если мы их совершали (или когда мы их совершаем), унижают нас. Они не унижают еврея.

Список подобных обвинений можно продолжать бесконечно, и в каждом из них вы обнаружите, что корень ссоры кроется не в наличии определенного дефекта, а в различии обстоятельств, темперамента, характера: разным цвете и вкусе в соответствующем качестве или дефекте. Это *то*, что оскорбляет. Это *то*, что вызывает недоразумения и приводит к трагедиям.

Хотя это верно в отношении обвинений, выдвинутых против еврейского народа, к сожалению, в равной степени верно и в отношении соответствующих качеств, которые они и их защитники выдвигают в опровержении. Еврей по сути патриотичен: это правда. Но не патриотичен в наших целях или по-нашему. Он по сути уважающий себя. Но не уважающий себя в наших целях или по-нашему. Личное обязательство, которое он не может выполнить, личный и интимный контракт, который он может нарушить, особенно перед одним из своих соплеменников, вызывает отвращение у еврея; но не в нашем смысле. Например, у него нет нашего стыда банкротства, но гораздо больше, чем у нас стыда личного заимствования. Пьянство, порок, наиболее оскорбляющий человеческое достоинство, для него самый редкий порок, а для нас самый распространенный. Но нашего чувства достоинства в покое у него нет, как нет и нашего чувства оскорбленного достоинства в ряженье. Его упорство, которое все знают и которым все в некотором смысле восхищаются и которое намного превосходит наше собственное, также является более узким упорством или, во всяком случае, упорством иного рода. Он будет стремиться к одной цели там, где мы будем стремиться ко многим. Мы знаем его замечательную преданность всем семейным отношениям, но мы не ценим этого, потому что это вне нашего круга. Даже в его интеллектуальных способностях, на которые в меньшей степени влияет вопрос *тембра*, есть что-то чуждое нам. Они неоспоримы, но мы чувствуем, что их используют не для наших целей: они используются холодно, когда наши используются с энтузиазмом; они используются интенсивно, когда мы используем их небрежно.

Если мы оставим поле споров и займемся оценкой еврейских качеств, помимо нашей симпатии или антипатии к ним и помимо их отличия в интимной структуре, так сказать, от наших собственных, я думаю, их можно резюмировать следующим образом: —

Еврей концентрируется на чем-то одном. Он не рассеивает свой ум. И эта концентрация несет в себе силу и слабость. В связи с этим было сказано (все подобные термины метафоричны), что его ум не эластичен. Но это важный элемент его успеха. Я заметил, что еврей, однажды взявшись за определенную задачу, проявляет безразличие к другим задачам, что, с нашей точки зрения, удивительно. Сколько примеров можно было бы привести о двух братьях-евреях, один из которых занимался финансами, другой наукой, или один политикой, другой музыкой, и как ясно мы видим в этих примерах полное безразличие еврея к вещам за пределами той области, которой он занимается! Насколько замечательна в наших глазах его стойкость к

любому искушению, которое могло бы увести его от его конца. Еврей, посвятивший себя науке, например, остается совершенно равнодушным к ее возможностям обогащения. Еврей, посвятивший себя философии (и какие великие имена он может показать в этой сфере на протяжении веков!) живет в бедности и вполне доволен таким образом жизни. Еврей, преданный какому-либо определенному идеалу социальных преобразований, полностью посвящает себя этому и заканчивает свою задачу часто более могущественной, едва ли когда-либо более богатой, почти всегда намного беднее, чем когда он ее начинал. Прежде всего, он отказывается хоть на мгновение отвлекаться от своей цели.

Другой чертой, связанной с этим первым ведущим персонажем еврея, по-видимому, является ясность его мышления. Аргументы еврея никогда не бывают запутанными. Это одно из его главных достоинств не только во всех дискуссиях, но и во всех действиях. Это также, если и является причиной силы, то и причиной вражды, которую он возбуждает, или (используя мой более мягкий термин) "трений".

Ибо точно выстроенный процесс рассуждения, от которого нет спасения, содержит в себе (для тех, кто менее способен на это) что-то от хулигана. Человеку может казаться, что заключение ложно: возможно, он *знает*, что оно ложно. Ему не хватает силы изложить свои доводы. Он может не знать, как изложить принципы, которые его оппонент упустил из виду, или когда выносить их на обсуждение, и он чувствует, что железная логика, предложенная ему, подобна пистолету, приставленному к голове его лучшего суждения. Но как в отношении силы, так и в отношении слабости, ясность ума является отличительной чертой ума еврея. Он переносит эту ясность в мельчайшие детали всего, что бы он ни совершал.

Ко всему этому нужно добавить определенную интенсивность действий, которая очень заметна и которая опять же является причиной трений между ним самим и теми, кто его окружает. Послушайте, как говорит еврей, особенно еврей, выступающий с революционной трибуны, и обратите внимание на *высокое напряжение*, при котором работает ток. Энергия, которую он использует, - это энергия не большого пламени, а хорошо направленной паяльной трубки: поток тепла. Он полностью поглощен не своим собственным выражением, а активным проникновением в сознание своих слушателей. И здесь снова проявляется то качественное различие, на которое я ссылался. Кто-то мог бы равнодушно сказать, что еврей никогда не бывает красноречив или что он всегда красноречив, когда говорит о вещах, которые овладевают его душой. Он не красноречив на наш манер, но, во всяком случае, поразительно эффективен на свой лад.

У еврея есть еще одна характеристика, которая становится все более заметной в наше время, но которая, вероятно, так же стара, как и сама раса: и это корпоративная способность скрывать или рекламировать по своему желанию: способность "продвигать" все, чего желает вся раса, или подавлять то, что вся раса желает подавить. И это также, как бы законно это ни использовалось, является причиной трений.

При таком действии у мужчин возникает ощущение, что их сбивают с толку. У них также возникает ощущение, что их обманули: и это порождает вражду.

В аспекте преднамеренного использования секретности я рассмотрю этот персонаж в моей следующей главе, поскольку я думаю, что в этом аспекте это особая причина трений, которую можно устранить. Но общая способность и инстинкт еврея к корпоративным действиям в

"раскручивании" того, что он хочет "раскручивать", и в "мягком кручении педалей" того, что он хочет "мягко крутить педали", неискоренимы. Он всегда будет оставаться постоянным раздражителем по своему воздействию на тех, к кому он применяется. Лучшим доказательством этого является то, что после самого сильного "бума", после того, как о талантах какого-то конкретного еврея, или о научном открытии другого, или о несчастьях другого, или о судебной ошибке в отношении другого кричали на нас, показывали на нас пальцами и повторяли до тех пор, пока мы все не оглохнем, наступает неизбежная реакция, и те же самые люди, которые были наполовину загипнотизированы желаемым настроением, испытывают от этого тошноту и отказываются от повторения дозы.

Верно и обратное. Люди, которые обнаруживают, что какое-то важное дело было замалчиваемо, какой-то неприятный скандал в государстве или какая-то уловка в торговле из-за того, что еврейство пожелало, чтобы это было замалчиваемо, вскоре настороже. Во второй раз они не перенесут операцию так спокойно, как в первый. Действительно, они склонны становиться слишком подозрительными. Как бы то ни было, в обоих случаях эта неискоренимая расовая привычка, которая, возможно, является причиной выживания евреев и, безусловно, элементом еврейской силы, также является причиной острых трений между ними и нами.

Но простая категория такого рода, как я уже сказал, бесполезна для объяснения фундаментального качества, скрытого корня непрекращающегося конфликта между самой душой еврея и душой общества вокруг него. Все эти моменты являются всего лишь проявлениями какой-то глубокой, какой-то скрытой силы контраста, значение которой мы не можем постичь, но последствия которой слишком очевидны. И в умах тех, кто больше всего полагается на эту расу, и тех, кто больше всего подозревает их, остается ощущение непреодолимой пропасти между ними и нами. Именно признание, допущение такого контраста, рассказывание правды о нем, работа над ним как над необходимым условием, должно стать основой для любого решения, к которому мы можем прийти.

* * * * *

В отношении европейцев к евреям есть одна особенность, с которой следует разобраться особо, и это ложное впечатление, что трения между нами и ними в основном связаны с их богатством.

Это впечатление было сильно ослаблено недавней революционной активностью евреев, поднявшейся из глубин, появившейся на поверхности и вызвавшей великий переворот в России и попытки переворотов в других местах. Но хотя новое еврейское революционное движение пошатнуло старую веру в еврейское богатство, искоренить ее трудно. Это присутствовало на протяжении веков и, возможно, навсегда останется в сознании людей, потому что те немногие евреи, которые действительно концентрируются на накоплении огромных состояний, полностью концентрируются на этой задаче. Однако это впечатление ложно и является плодотворной причиной худших недоразумений.

Ибо евреи — небогатая нация, и сам факт того, что в массовом сознании — и особенно в сознании богатых людей во времена коррупции — они выступают за богатство, является примером того, как их неправильно понимают и как возникает несправедливость по отношению к евреям.

Евреи - бедный народ. Враг сказал бы, что они бедны, потому что не работают, но это опять же было бы несправедливостью, потому что еврей работает чрезвычайно усердно и часто работал в прошлом и до сих пор во многих местах усердно работает не только на переговорах и в торговле, но и своими руками.

Мы видим, что в Средние века евреи монополизировали важные занятия физическим трудом в некоторых районах — например, крашение и судостроение. И есть много частей Восточной Европы, где они и сегодня работают на земле.

Евреи - бедная нация, потому что они чужая нация и потому что их деятельность по большей части обречена на то, чтобы работать не по назначению в обществе, которое им не принадлежит. Но то, что они *are* бедная нация, не только верно, но и совершенно очевидно для любого, кто путешествовал и наблюдал за их различными поселениями с какой-либо симпатией.

Теперь, когда они в таком большом количестве прибыли на Запад, люди начинают ценить это. Мы уже видели, как целую жизнь назад, когда евреи Запада (я имею в виду, особенно во Франции, Англии и Америке) были небольшим числом торговцев и финансистов, огромное богатство очень небольшого числа из них не уравнивалось в нашем опыте крайней бедностью массы. Но сегодня мы сами можем убедиться, насколько верно то, что, как только вы опускаетесь ниже исключительного состояния и сравнительно небольшого среднего класса, еврейская нация представляет собой не более чем миллионы чрезвычайно бедных семей.

Те, кто наблюдал за ними за пределами Запада, те, кто видел их в своих великих восточных сообществах, где все еще проживает основная часть расы, на Окраинах России, полностью согласятся. Это поможет нам понять еврейскую проблему, если мы осознаем тот факт, что большая часть еврейских претензий к нам заключается именно в этой бедности, на которую обречена основная масса евреев. Очень хорошо насмехаться над жалобами евреев на преследования и притеснения и иронически ссылаться, когда бы это ни возникало, на огромные состояния нескольких семей, таких как Ротшильды и Сассуны, Монды, Сэмюэлы и остальные. С точки зрения среднестатистического еврея, все выглядит совсем не так. Что он замечает, и замечает правильно, так это то, что он не имеет никакого отношения к тому хорошо распределенному, солидному, постоянному, унаследованному богатству, которое является признаком здорового европейского сообщества.

Далее (самый важный момент, которого мы уже касались мимоходом), эти огромные состояния эфемерны.

В европейских странах у вас есть масса огромных состояний, гораздо больших по количеству и даже по совокупности, чем финансовые состояния евреев. Но эти огромные богатства были в прошлом и остаются до сих пор, где бы наше общество ни было здоровым и постоянным. Они проходят через всю европейскую историю в виде великих семей, в виде *знати*.

Великие территориальные семьи в этой стране были богаты на протяжении веков и остаются в этом состоянии, и то же самое в основном верно для великих итальянских семей, это, очевидно, верно для великих немецких семей, и, несмотря на большие перемены последних полутора столетий, это все еще в значительной степени верно для старых французских семей. Этого

нельзя сказать о еврейских семьях. Огромные еврейские состояния, которыми отмечена история, внезапно вырастают и почти так же внезапно тают снова. Еврей начнет с чего—нибудь очень скромного - например, ростовщиком в Ливерпуле или очень мелким книготорговцем во Франкфурте. Вы обнаружите, что его сын — крупный банкир, его внук настолько богат, что управляет политикой на протяжении целого поколения, а затем (если вы будете наблюдать за процессом в прошлом - брать современный незавершенный пример, конечно, вводит в заблуждение) *наконец, и очень скоро, это имя снова исчезнет, и исчезнет навсегда.*

Кого вы представляете сегодня в нескольких крупных еврейских состояниях раннего средневековья в Англии? Все они были разорены до конца тринадцатого века. Кто у вас представляет более поздние крупные еврейские состояния на Рейне, состояния шестнадцатого века и начала семнадцатого? Они полностью исчезли. Кто у вас остался представлять значительные еврейские дома средневековой Венеции? из Генуи? из Рима?

Причин этого быстрого колебания много. Все они связаны с особым положением, а также со своеобразным характером еврея. Отчасти мы находим их в страсти к спекуляциям, которую, естественно, питает еврейский интеллект. Я думаю, мы находим их еще больше в инстинктивном неприятии еврея, которое постоянно вызывает его чуждое окружение.

Однако важно помнить об этом последнем пункте. С нашей точки зрения, еврей, когда он действительно становится богатым, кажется, становится слишком богатым, и становится богатым слишком быстро, и он пользуется слишком большой властью благодаря своему богатству; потому что мы все время думаем о нем как об иностранце, не имеющем права ни на какое положение. Но еврей видит это в совершенно ином свете. С его точки зрения, его усилиям по накоплению богатства всегда сильно препятствуют. Когда он добивается успеха, он добивается успеха только благодаря своему собственному упорству и патристическому сотрудничеству своих товарищей, и он всегда держит свое новообретенное богатство в ненадежных руках. То, что нам кажется крушением еврейского состояния в результате спекуляций, еврею представляется фатальным повторяющимся результатом бесконечного противостояния.

В связи с иллюзией богатой еврейской расы, у вас, конечно, есть вопрос, о котором я кратко упомянул выше, связь между нашими более богатыми и, следовательно, правящими классами и нынешним еврейским богатством. Большая часть иллюзии, как я уже сказал, связана с тем фактом, что дворянство каждой эпохи соприкасается с евреем *только* как с богатым человеком, и это главный современный порок нашего дворянства, их страсть к простому богатству и их раболепие перед ним, которые в значительной степени объясняют это опасное недоразумение.

Оглянитесь сегодня вокруг, в Западной Европе, и посмотрите, что люди подразумевают под этой историей еврейского богатства. Посмотрите, что это за люди, которые постоянно упоминают об этом и распространяют идею об этом. Это богатые европейцы, которые в своем раболепии перед грубым богатством, в своей привычке оценивать все по этому богатству и подчиняться почти любому унижению с целью получения большего богатства выдают своих дочерей замуж за евреев, служат еврейским интересам и, постоянно насмехаясь над евреем за его спиной, называют его в лицо его самым интимным именем и максимально используют его гостеприимство. Кто из них когда-либо знал еврея из среднего класса, не говоря уже о бедном еврее? Да ведь большинство из них на самом деле не знают о том факте, что эта масса бедных

евреев вообще существует! Они служат еврею, когда он богат и только когда он богат. Они подло завидуют ему как богатому человеку и только как богатому человеку. Они торгуют своим достоинством, они продают своих братьев-европейцев не из какой—либо подлинной привязанности к еврейской расе— на самом деле в обществе нет класса, тесно связанного с евреями, который ощущал бы трения больше, чем дворянство, - а просто из жажды денег, которыми, как они случайно обнаружили, в больших массах владеют несколько еврейских семей.

Наиболее заметно, что другие аспекты еврейской деятельности остаются неиспользованными богатым классом, дворянством — и, следовательно, государством. Было бы разумно использовать их или нет, это другой вопрос. В любом случае, мотивом для того, чтобы оставить их неиспользованными, является тот факт, что они не связаны с богатством. Еврейский интеллект, который так часто мог бы служить политике государственного деятеля, в значительной степени остается неиспользованным. Космополитическое положение еврея, когда оно используется, используется не более чем для шпионажа; и этой глубинной силой, исторической памятью еврея, почти полностью пренебрегают. Это пренебрежение приводит к естественному и пагубному результату - неспособности европейских правящих классов, особенно сегодня, защитить общество от проблем, которые неизбежно возникнут из-за столкновения интересов между евреями и народом, среди которого они живут.

Это может показаться парадоксальным, но это правда, что если бы государственные деятели Европы и наследственные семьи европейских наций, которые все еще принимают такое большое участие в управлении этими нациями, меньше думали о еврейской денежной власти и больше о евреях в целом, они принесли бы пользу обеим сторонам совершенно иным образом. Мы видели искусственную защиту евреев Восточной Европы, потому что отдельные государственные деятели подчинялись командам очень богатых еврейских банкиров. Но это было сделано по ошибке. Это вызвало лишь гнев независимых национальностей Востока, особенно поляков, румын и венгров, которые столкнулись с трудностями, неотделимыми от чужеродного меньшинства. Наши политики относились ко всему этому внешне и механически, просто подчиняясь приказам, не пытаясь понять.

Конечный результат такого вмешательства наших западных политиков, к сожалению, очевиден. Последнее положение евреев в Восточной Европе будет хуже первого. Их страдания будут больше, чем в прошлом, и это потому, что вместо того, чтобы действовать, исходя из попытки осознания и сочувствия еврейским трудностям, политики, которые действовали как слуги нескольких богатых евреев, просто подчинялись приказам этих богатых людей и делали это с тайным нежеланием, которое всегда сопровождает самоотдачу ради заработной платы.

Разве не очевидно, когда мы просматриваем историю, что постоянная власть еврея или, во всяком случае, известность его нации совершенно отлична от тех случайных накоплений богатства, которыми несколько человек обязаны национальной страсти к спекуляции и космополитическому положению?

Одна за другой яркие еврейские имена из истории-имена евреев, которые ревностно преследовали какие-то моральные или интеллектуальные диссертации; большинство из них—я чуть было не сказал, что все из них были бедные люди, и по большей части мужчины сознательно бедных, потому что они предпочитали, как это происходит в Еврейской натуре, предпочитают, в непосредственной работе в руках любое другое рассмотрение.

Именно эти имена остаются постоянными и составляют славу еврейской расы.

* * * *

Есть один аспект этого еврейского богатства, который я не решаюсь отнести к общим или к частным причинам трений между этой нацией и ее хозяевами.

Это, безусловно, относится к числу общих причин в том смысле, что связано с еврейским характером в целом, а не с каким-либо особым методом в действиях этого персонажа. Я имею в виду, что это связано с самой их природой, и они не могут изменить эту природу. С другой стороны, это можно отнести к числу частных причин из-за его вполне современного и, вероятно, эфемерного характера: это, так сказать, особая причина трений, вытекающая из только что перечисленных общих причин характера, и этой причиной трений является наличие еврейской монополии.

Это чрезвычайно опасный момент в нынешней ситуации. Я не думаю, что евреи в достаточной степени осознают риск, которому они подвергаются в связи с его развитием. Уже существует нечто вроде еврейской монополии в сфере высоких финансов. Растет тенденция к еврейской монополии на сцене, например, в торговле фруктами в Лондоне и в значительной степени в торговле табаком. Тот же элемент еврейской монополии присутствует в торговле серебром и в контроле над различными другими металлами, особенно свинцом, никелем, ртутью. Что больше всего настораживает, так это то, что тенденция к монополии распространяется подобно болезни. Под нее подпадает одна провинция за другой, и это действует как сильнейший раздражитель. Возможно, это докажет непосредственную причину того взрыва против евреев, которого мы все боимся и который, я надеюсь, лучшие из нас пытаются предотвратить.

Это относится, конечно, к крошечной части еврейской расы в целом. Евреев, контролирующих свинец, никель, ртуть и все остальное, можно было бы поместить в одну маленькую комнату, и в этой комнате не было бы очень приятных представителей их расы. Вы могли бы собрать великих еврейских банкиров, контролирующих международные финансы, за одним большим обеденным столом, и я знаю обеденные столы, за которыми в то или иное время сидели почти все они. Эти монополисты, занимающие стратегические позиции всеобщего контроля, представляют собой ничтожную горстку людей из миллионов израильтян, точно так же, как огромные состояния, о которых мы говорили, принадлежат ничтожной части этой расы. Тем не менее, это притязание на осуществление монополии вызывает ненависть у евреев в целом.

Эту вещь заслуженно ненавидят, потому что она чрезвычайно неестественна и чрезвычайно тиранична. Было бы тиранией даже для одного из наших соплеменников ограничивать нас в снабжении необходимыми для нас вещами. Это невыносимо для чуждого нам народа. Когда в следующей главе мы перейдем к обсуждению неудачного использования евреями секретности (возможно, самой мощной из конкретных причин, приведших их к нынешней опасности), мы лучше поймем еще одну одиозную черту этой современной монополии на контроль, которая заключается в том, что она распространяется подпольно и незаметно, оставляя мир в целом в неведении о том, что тот или иной отдельный еврей является ее хозяином в вопросе какой-то существенной вещи, которую он контролирует.

Проще говоря, этим монополиям необходимо положить конец.

До Великой войны существовала только одна монополия, о которой знала Европа в целом, и это была финансовая монополия. Однако здесь монополия была гораздо менее совершенной, чем в случае с металлами. Великая война столкнула тысячи и тысячи образованных людей (которые приступили к общественным обязанностям в качестве временных должностных лиц) с ошеломляющей тайной, о которой они никогда не подозревали — полным контролем, осуществляемым над вещами, абсолютно необходимыми для выживания нации, полудюжиной евреев, которым было совершенно безразлично, выйдем ли мы или враг живыми из борьбы.

Между прочим, богатство этих немногих и очень богатых евреев скандально увеличилось во время войны именно по этой причине. И в тот момент, когда я пишу, французская пресса, имеющая большой опыт свободного обсуждения еврейского вопроса, чем любая другая, разоблачает отвратительный рост стоимости свинцовых рудников Ротшильдов, рост в основном из-за использования свинца для убийства людей.

Но, как я уже говорил, свинец - это только одна из монополий. Уже существует целая группа, и расширение системы происходит со скоростью эпидемии. Это не только должно прекратиться до того, как можно будет попытаться решить еврейский вопрос, но и процесс должен быть обращен вспять. Если различные национальные кабинеты не будут вмешиваться, чтобы защитить эти монополии, тогда прощайте любые попытки восстановить справедливость в отношении евреев. В законном гневе против нескольких жалких десятков худших представителей нации Израиль в целом будет принесен в жертву.

В этом формировании монополий, как и в более уважаемых действиях нации, даже в ее более справедливо известных действиях, даже в ее славе, есть тот элемент расового характера, который никогда не отсутствует в любом еврейском действии. И вот почему я поставил этот вопрос, каким бы современным и эфемерным он ни был, среди общих причин проблем.

Причина, по которой эти общие монополии формируются евреями, заключается в том, что еврей интернационален, упорен и полон решимости достичь самого конца своей задачи. Он не удовлетворен ни в какой сфере деятельности до тех пор, пока эта торговля, насколько это возможно, не окажется под его полным контролем, и для расширения этого контроля он заручится поддержкой своих братьев по всему миру. В то же время он обладает международными знаниями и международным безразличием, которые еще больше помогают его усилиям.

* * * * *

Но даже если бы совсем недавние монополии в металлургии и других отраслях были отняты, как их следовало бы отнять, у этих немногих чужеземных хозяев, оставалась бы та частичная монополия (это вовсе не полная монополия), которой несколько евреев пользовались не только сегодня, но и периодически на протяжении всей истории, над высшими финансами, то есть над кредитом наций, и, следовательно, сегодня, как никогда прежде, над всей сферой мировой промышленности.

Если эта частичная финансовая монополия останется неисправленной, она вызовет достаточную враждебность по отношению к евреям, чтобы сама по себе спровоцировать следующую всеобщую атаку на них.

Можно возразить, что этот страх беспочвенен, потому что контроль теперь длится уже долгое время. Она просуществовала всю жизнь даже в своей нынешней, едва завершенной форме: и она безопасна, потому что ее действия скрыты от общего наблюдения и потому что она связана с интересами всех более богатых классов.

Боюсь, эти аргументы не выдержат критики. Хотя еврейский контроль над финансами не касается общества в целом, тем не менее все образованные люди, вплоть до сравнительно низких слоев общества, полностью осознают это, и каждый человек, который осознает это, возмущен этим. Масса бедных евреев возмущается этим почти так же сильно, как и неевреи, но по-другому.

Опять же, хотя эта финансовая монополия напрямую не влияет на экономическую жизнь частного лица, он начинает все больше и больше понимать, как она влияет на нее косвенно. Это влияет на него, например, через его патриотизм. Он не потерпит, чтобы ему говорили, что ради удобства этих иностранных банкиров он должен отказаться от права на победу и позволить какому-то врагу, которого он справедливо наказал, избежать последствий этого наказания. Еще настойчивее он будет отрицать право еврейских банкиров вмешиваться в выплату национального возмещения, причитающегося ему за ущерб, бессмысленно нанесенный в ходе военных действий.

Опять же, международные финансы не существуют отдельно от частной деятельности. В конце концов, это затрагивает массу индивидуальных предприятий, и через эти отдельные предприятия его действия подвергаются сомнению и анализу со стороны множества частных граждан.

И снова, евреи, которые таким образом контролируют международные финансы, работают во многих других сферах. Например, некоторые из них стоят за тех крупных схем промышленного страхования, которые так отвратительны массам людей. Иск против них может возникнуть в любой момент. Если такое действие будет предпринято, можно быть уверенным, что человек, подвергшийся нападению, останется в памяти как международный финансист в той же степени, что и как поборник просроченных страховых взносов бедных. Рано или поздно характер этой монополии, к которой люди прошлой жизни были равнодушны по невежеству, но о которой сегодня знает и глубоко возмущается вся образованная часть общества, будет оценен и в равной степени возмущен еще на более низком уровне. Когда общество в достаточной степени наполнится негодованием против этого, тогда произойдет взрыв. Если бы этот взрыв затронул только богатых евреев, непосредственно затронутых этим, никто бы об этом сильно не сожалел. Вреда было бы немного. Но беда в том, что это почти наверняка затронет всю нацию, к которой принадлежат эти люди.

Мне могут сказать, что положить конец такому положению дел невозможно, пока сохраняется парламентское правление с его глубокой коррупцией; что единственная сила, способная справиться с плутократическим злом иностранной монополии в таких масштабах, - это король; и что среди современных наций у нас короля нет. На что я отвечаю, что парламентская система не будет существовать вечно. Она уже активно распадается среди нас и сильно пострадала в других местах. Возможно, король не так уж далек от истины, как о нем думают люди.

Во всяком случае, так или иначе это прекратится, и, вероятно, прекратится насилием. Опасность заключается в том, что, если насилие прекратится, огромное количество невинных окажутся вовлеченными вместе с виновными.

ОСОБЫЕ ПРИЧИНЫ ТРЕНИЯ

ГЛАВА V

ОСОБЫЕ ПРИЧИНЫ ТРЕНИЯ

На еврейской стороне есть две особые силы, которые подпитывают и усугубляют неизбежные трения между еврейской расой и ее хозяевами. Будет полезно разобраться с ними, прежде чем переходить к соответствующим силам на нашей стороне. Чтобы найти лекарство, необходимо диагностировать болезнь.

Две основные еврейские силы, которые раздражают и поддерживают ощущение трений между евреями и их хозяевами, - это, во-первых, еврейская уверенность в секретности и, во-вторых, еврейское выражение превосходства.

1. Зависимость евреев от секретности

К сожалению, теперь это стало привычкой для стольких поколений, что почти превратилось в инстинкт во всем еврейском теле - полагаться на оружие секретности. Тайные общества, язык, хранящийся, насколько это возможно, в секрете, использование вымышленных имен для сокрытия тайных передвижений, тайные отношения между различными частями еврейского тела: все эти и другие формы секретности стали национальным методом. Этот метод заслуживает сожаления не потому, что его недостойность и ложь унижают евреев — это не наше дело, — а скорее из-за пагубных последствий, которые эта политика оказывает на наши взаимоотношения. Это подпитывает и усиливает антагонизм, уже возбужденный расовым контрастом.

Но прежде чем мы пойдем дальше, важно быть справедливым; ибо никто ничего не поймет, если будет нападать на это несправедливо.

Еврейская привычка к секретности — использование вымышленных имен и притворство нееврейского происхождения отдельных лиц, сокрытие родственных связей и все остальное — предположительно, проистекает из опыта расы. Пусть человек поставит себя на место еврея, и он увидит, насколько обоснованна эта презумпция. Раса, рассеянная, преследуемая, часто презируемая, всегда подозреваемая и почти всегда ненавидимая теми, среди кого она вращается, вынуждена чем-то вроде физической силы использовать секретные методы.

Возьмем особый трюк с вымышленными именами. Он кажется нам особенно отвратительным. Мы думаем, когда показываем свое презрение к тем, кто использует эту уловку, что даем им не

больше, чем они заслуживают. Это подлость, которая у нас ассоциируется с преступниками и бродягами; проявление ползания и подкрадывания. Мы подозреваем его приверженцев в желании скрыть что-то, что навлекло бы на них немилость, если бы это стало известно, или в желании перехитрить своих коллег по коммерции с помощью лжи.

Но у еврея есть другие, лучшие мотивы. Как с большой силой сказал мне один из членов их общины, когда я обсуждал с ним этот вопрос много лет назад на городском ужине: "Когда мы работаем под своими именами, вы оскорбляете нас как евреев. Когда мы работаем под *вашими* именами, вы оскорбляете нас как фальсификаторов". Еврей часто чувствовал себя настолько ущемленным, если он заявлял о себе, что был наполовину вынужден или, по крайней мере, жестоко искушен совершить низость, которая никогда не была искушением для нас. Несомненно, весь этот тщательно продуманный код предполагаемых отчеств (Стэнли вместо Соломона, Керзон вместо Коэна, Синклер вместо Слезинджера, Монтегю вместо Мозеса, Бенсон вместо Бенджамина и т.д. и т.п.) имел свои корни именно в этом.

Еврей может привести еще кое-что в оправдание этой практики. Фамилии не росли у них естественным путем, как у нас, в средние века. Еврей сохранил, как мы долгое время сохраняли в средних и низших слоях европейского общества, простую привычку носить одно личное имя и отличать человека от его собратьев по имени его отца. Таким образом, евреем в шестнадцатом веке был Моисей бен Соломон, точно так же, как предком Кромвеллов того же поколения был Уильямс ап Уильямс. У него не было того, что мы называем фамилией или родовым именем. Точно так же до разных времен, рано во Франции, Англии и других западных странах, гораздо позже в Уэльсе, Бретани, Польше и славянских странах Востока, человека знали только по его личному имени, отличаясь, если это было необходимо, упоминанием также имени его отца или, в некоторых случаях, его племени.

Собственно говоря, у евреев нет фамилий, и они могут справедливо сказать: "Поскольку мы были вынуждены брать фамилии произвольно (что имело место в Германии, а иногда и в других местах), вы не можете винить нас, если мы не придаем этому обычаю особой святости". Если еврей с простым еврейским именем был принужден инопланетной силой взять причудливое имя Флауэрфилд, он, несомненно, волен сменить это причудливое имя, за которое он не несет ответственности, на любое другое, которое он выберет. У правительства была веская причина навязать ему имя. Только так его можно было зарегистрировать и отследить его действия. Но это было вынужденно, а следовательно, и к нему морально не обязывало.

Все это верно, но остается элемент, который не следует учитывать ни при каких подобных заявлениях. В опыте каждого из нас, опыте, повторяющемся бесконечно, есть люди, у которых нет никакого оправдания вымышленному имени, кроме преимущества обмана. Люди, чья раса общеизвестна, без зазрения совести используют вымышленное имя в качестве маски и через год или два делают вид, что воспринимают это как оскорбление, если вместо него будет использовано их подлинное имя. Особенно это касается крупных финансовых семей. Некоторые, действительно, гордятся тем, что сохраняют первоначальное отчество и отказываются менять его у кого-либо из своих потомков. Но подавляющее большинство из них скрывали свои отношения друг с другом, надевая всевозможные фантастические титулы, и в таком поведении не может быть никакой цели, кроме цели обмана. Я признаю, что это форма защиты, и особенно я признаю, что по своему происхождению она, возможно, была в основном вызвана необходимостью самозащиты. Но я утверждаю, что сегодня эта практика не приносит

евреям ничего, кроме вреда. Есть и другие расы, многие из которых подвергались преследованиям по всему миру, и мы не находим у них универсальной привычки такого рода.

Опять же, кто может сказать, что ношение еврейского имени сегодня или, по крайней мере, в ближайшем прошлом, является препятствием в торговле там, где речь шла о западных нациях? А что касается восточных народов, то евреи там настолько резко дифференцированы, что вымышленное имя не может сослужить никакой службы только для того, чтобы скрыть расовый характер его носителя. Должен быть какой-то другой мотив.

Те же аргументы применимы за и против других форм секретности. Мужчина может заявить, что, если бы секретность в отношениях не соблюдалась, неприязнь к евреям привела бы к ложным обвинениям. Еврей в высшей степени индивидуален, особенно в интеллектуальных делах. Он придерживается собственной линии. Он выражает свои мнения с исключительной смелостью. И такие индивидуальные мнения часто будут сильно отличаться от мнений людей, с которыми он наиболее тесно связан. "Почему, - я могу понять высказывание какого-нибудь выдающегося еврейского публициста в Англии, - я должен быть скомпрометирован людьми, знающими, что такой-то большевик в Москве или в Нью-Йорке является моим двоюродным братом или племянником? Я консервативен по темпераменту; я всегда верой и правдой служил государству, в котором живу; я искренне не одобряю взгляды и действия этих людей. Если бы их отношения со мной стали известны, я попал бы под общий запрет. Это было бы несправедливо. Поэтому я держу отношения в секрете".

Просьба звучит убедительно, но она не распространяется на почву под ногами. Недостаточно объяснить, например, привычку скрывать отношения между людьми, одинаково выдающимися и одинаково пользующимися уважением в разных обществах, в которых они вращаются. Это не объясняет, почему мы должны оставаться в неведении относительно того факта, что человек, к которому мы относимся как к лучшему из сограждан, должен скрывать свою связь с другим человеком, к которому в другой стране относятся с таким же почетом. Бывают случаи, когда национальные конфликты делают это объяснимым. Еврею в Англии, у которого брат в Германии, а отец в Константинополе, вполне можно было бы простить в 1915 году то, что он называл себя Монморанси. Тем не менее, мы отмечаем, что часто там, где больше всего необходимо скрыть соединение, оно вообще не скрывается. Напротив, оно открыто рекламируется. Все мы помним имя одного еврейского финансиста, с которым во время войны обошлись самым несправедливым образом. Он верно служил этой стране, и разрыв его связей с ней был (по крайней мере, на мой взгляд, и я думаю, что для большинства людей, которые могут судить по этому вопросу) очень плохим поступком для Великобритании в конфликте. Однако здесь не было ни смены имени, ни попытки скрыть связь между ним и его братом, который в другой столице поддерживал финансовую политику наших врагов.

Опять же, Ротшильды, присутствующие в различных столицах Европы, никогда не притворялись, что скрывают свои взаимоотношения, и никто не думал о них хуже, и эта открытая практика никоим образом не уменьшила их финансового могущества.

Здесь должно быть нечто большее, чем необходимость; я предполагаю, что здесь действует нечто вроде инстинкта или, во всяком случае, унаследованная традиция, настолько сильная, что обращение к ней кажется естественным.

Теперь не может быть излишне подчеркнуто, что секретность в любой из этих форм — работа через тайные общества, использование вымышленных имен, сокрытие родственных связей, отрицание еврейского происхождения — особенно раздражает эту, нашу собственную расу, среди которой евреи оказались в своем рассеянии. Рано или поздно это неизменно обнаруживается, и всякий раз, когда это обнаруживается, у мужчин возникает гневное чувство, что их обманули, даже в тех случаях, когда практика самая невинная и представляет собой не более чем следование чему-то вроде ритуала.

Я сомневаюсь, что евреи имеют хоть малейшее представление о том, насколько сильно эта сила работает против них. Если бы человек сказал: "Меня зовут такой-то; мой отец родился в таком-то месте в Галиции; мой брат все еще там занимается таким-то бизнесом", — если бы он сказал нам все это, он не пострадал бы от того, что позже мы поняли, что члены его семьи за границей были связаны с движениями, которые мы не одобряли: нет, даже с правительством, находящимся в активной враждебности к нашему собственному. Всем известно международное положение еврея. Всем известно, что он не может избежать этого положения. Все делают на это скидку. И я полагаю, что отказ от этой привычки к секретности не только возможен, но и принес бы огромную пользу всей расе.

Возможно, его самой абсурдной формой (но не самой опасной) является секретность, которую выдающиеся люди хранят в отношении своих еврейских предков. Они и их еврейские родственники часто полностью замалчивают это или, в лучшем случае, затрагивают это редко и туманно. Почему они должны так поступать? Возьмем случай с двумя мужчинами наугад из сотен, чьи имена общеизвестны и уважаемы большинством людей: писателя Чарльза Кингсли и Мосс-Бута, основателя Армии спасения. Вот два человека, которые в совершенно разных областях сыграли большую роль в английской жизни и которые оба были обязаны своим гением и почти всей своей внешностью еврейским матерям. Я бы подумал, что в интересах еврейской расы и заинтересованных лиц, чтобы этот факт был широко известен. Литературные способности Чарльза Кингсли, организаторские и другие способности Бута не уменьшаются в глазах людей, а, во всяком случае, усиливаются благодаря знанию их истинного происхождения. И все же упоминание об этой родословной воспринимается как своего рода оскорбление. Я слышал, как это излагалось в какой-то страстной мольбе в защиту еврейской расы как доказательство того, что они не лишены способностей, но никогда широко не публиковалось.

Несомненно, было бы разумнее подчеркивать во всех возможных случаях еврейское или частично еврейское происхождение людей, которые отличились, и таким образом показать, в каком долгу европейцы перед еврейской кровью. Относиться к этому как к своего рода священному лабиринту, как к таинственному храму, в который время от времени можно заглянуть, нелепо. Евреи не могут получить свой пирог и съесть его тоже. Если это — несомненно, так и должно быть — в их глазах повод для гордости принадлежать к крови, которую они считают высшей, и к традиции такой огромной древности, то это не может быть в то же время поводом для оскорбления. И все же сами евреи отчаянно поддерживают конвенцию. Если человек говорит мне, что он ненавидит англичан, а я в ответ говорю: "Это потому, что ты ирландец", — он не бросается мне на шею. Он считает само собой разумеющимся, что история английского правительства в Ирландии оправдывает его выражение. Он далек от того, чтобы

быть оскорбленным тем, что его называли ирландцем, он был бы оскорблен, если бы вы сказали, что он не ирландец. И так же обстоит дело со многими другими национальностями, которые подвергались притеснениям и преследованиям. Я не могу найти никаких рациональных оснований для противоположной политики в случае с евреями. Более того, эта привычка наносит дополнительный вред: она заставляет людей приписывать еврейский характер всему, что им не нравится, и таким образом незаслуженно усиливает ненависть к расе.

Иностранное движение против своей нации, непопулярный общественный деятель, ненавистная доктрина получают ярлык "еврейских", и поле ненависти, и без того опасно широкое, расширяется бесконечно. Бесполезно говорить: "Евреи не признают связи, имена не еврейские, в них нет явного еврейского элемента". Он отвечает: "Евреи никогда не признают такой связи; Евреи, по общему признанию, прячутся под вымышленными именами; действия евреев никогда не *являются* явными". И — как бы то ни было, пока они не изменятся — невозможно отрицать то, что он говорит. Его суждения могут быть сколь угодно дикими (я слышал, что Шинн Файнерс называли евреями!), Но до тех пор, пока сохраняется эта убогая привычка к секретности, исправить это суждение невозможно. Зарождается и распространяется всеобщее подозрение.

Между тем тот же порок делает достоянием гласности каждый дурно звучащий еврейский поступок и имя и оставляет в безвестности почетные имена и полезные общественные действия еврейства. Ибо вымышленное имя, как и подделка, рекламирует себя.

В этой связи не всегда признается, что еврейские "бумы", которые являются столь плодотворной причиной раздражения, зависят от той же политики сокрытия и по этой причине усиливают гнев по мере раскрытия каждой новой уловки.

Не то чтобы объекты этих всемирных кампаний недостойны внимания. Выбранный еврейский актер, или кинозвезда, или писатель, или ученый обычно талантлив; жертва несправедливости, чье дело рекламируется на большом экране, часто искренне обижена. Но то, что требуется уведомление несоразмерно и что его зависимость от еврейской организации всегда скрывается.

Вот и все об элементе тайных действий. Об этом можно было бы написать гораздо больше, но есть две причины не распространяться на эту тему. Во-первых, полное обсуждение заняло бы у меня слишком много места; во-вторых, это привело бы к добавлению того, чего я особенно хочу избежать на этих страницах, я имею в виду акцентирование внимания на ошибках евреев. Это продолжило бы ссору, вся наша цель в которой - обрести мир.

2. Выражение превосходства евреям

Это совсем другое дело. Простое *чувство* превосходства - это не то, в отношении чего можно рекомендовать какую-либо особую политику, потому что оно есть и не может быть исправлено. Это часть общей позиции. Но можно ограничить ее выражение. Для этой цели важно определить его, зафиксировать и оценить его влияние на нашу проблему.

Еврей индивидуально чувствует себя выше своего современника-нееврея и соседа любой расы, и особенно нашей расы; еврей чувствует, что его нация неизмеримо выше любого другого

человеческого сообщества, и особенно наших современных национальных сообществ в Европе.

Редко делается откровенное заявление о такой простой и фундаментальной истине. Боюсь, для многих это прозвучит шокирующе. Для многих других это прозвучит не столько шокирующе, сколько комично, а для многих еще более ошеломляюще.

Идея о том, что еврей должен считать себя выше нас, является чем-то настолько непостижимым для нас, что мы забываем о существовании этого чувства. Если это постоянно повторять, чтобы справиться с этой огромной политической трудностью, это, возможно, неохотно признают, но все равно считают своего рода ненормальной, сбивающей с толку истиной. Я утверждаю, что забвение этой истины, попытка решить проблему без того, чтобы эта истина оставалась постоянной и зафиксированной в сознании государственного деятеля, в очень значительной степени является причиной наших неудач в прошлом; и что то, как еврей открыто использует это в жестах, тоне, манерах, социальном утверждении, является очень важным фактором в ссоре между его расой и нашей.

Рассмотрим отношение государственных деятелей прошлого к этому жизненно важному конфликту. Я думаю, что в каждом таком отношении еврейская убежденность в превосходстве была опущена.

Ибо отношение европейских государственных деятелей прошлого к чужеродному еврейскому элементу в их среде всегда было одного из трех видов:

(1) Либо они действовали так, как будто еврейской нации не существовало, как будто еврей был просто частным лицом, таким же, как любой другой, у которого были свои особые мнения и обычаи, но который существенно не отличался от окружающих его людей.

(2) Или они пытались подавить, изгнать или уничтожить еврея с позором и насилием.

(3) Или, признавая существование еврейской нации как чего-то отдельного от их собственных сограждан, которыми они должны управлять, государственные деятели попытались достичь равновесия с помощью своего рода пакта, в котором признавалась еврейская обособленность, *но на условиях инвалидности*.

Итак, во всех этих трех методах отсутствует всякое признание еврейского чувства превосходства.

В первом случае этого явно не хватает, потому что отсутствует сама идея еврейской нации. Столь же очевидно, что этого не хватает второму методу, методу преследования: преследователь инстинктивно действует так, как если бы еврей чувствовал себя неполноценным. В третьем методе это тоже отсутствует, но не в теории, а на практике. Ибо государственные деятели, которые действовали таким образом в прошлом, не пытались придать евреям только *отдельный* статус, фактически они почти всегда придавали им *низший* статус. Тем самым они обострили еврейские национальные чувства.

Например, некоторые страны относились к евреям как к отдельному народу, как к иностранцам, запрещая им беспрепятственное проживание и требуя регистрации. Но когда дело доходило до

налогообложения или освобождения от военной службы, *тогда* особого признания еврея не было.

Действительно, существует четвертое отношение, которое иногда проявлялось в истории, когда государства находились в активном упадке или попадали в руки низких и слабых людей, и это преувеличенная лесть и поддержка нескольких могущественных богатых евреев со стороны подкупленных или запуганных администраторов. Мы страдаем от этого и сегодня. Но эти исключительные случаи (они всегда приводили к национальной катастрофе) не образуют истинной категории *государственной мудрости* в этом вопросе. И даже в тех, кто таким образом фактически ставит нескольких евреев выше своих сограждан и придает им особое положение и власть, нет столько признания еврейского чувства превосходства, сколько тайной ненависти к своим еврейским хозяевам.

Какими бы горькими ни были тайные нападки на евреев со стороны тех, кто подвергся им ради выгоды или публичности, нигде они не звучат так горько, как в частных выступлениях политиков.

Казалось бы, при наличии стольких политических неудач, и все эти неудачи имеют общим непризнание этого еврейского чувства, что успех никогда не может быть достигнут, если мы полностью не допустим его. Я утверждаю, что никогда не будет мира между каким-либо еврейским иностранным меньшинством и общиной, в которой оно может проживать, до тех пор, пока те, кто управляет этой общиной, полностью не примут такое состояние еврейского сознания и старательно не будут вызывать раздражения.

В управлении государством, как и в любой другой форме человеческой деятельности, точное определение имеет первостепенное значение. С самого начала мы должны проводить различие между этим еврейским чувством превосходства и любым реальным превосходством. Государственного деятеля не волнует правильность или неправильность позиции евреев. Это может быть самая абсурдная иллюзия, или это может быть самое глубокое видение. Он не имеет к этому никакого отношения. Приняв решение, что к маленькому и совершенно чуждому меньшинству следует относиться терпимо и ему должно быть позволено жить как можно более счастливо среди сообщества, от которого оно так глубоко отличается, его следующая обязанность - досконально изучить природу материала, на основе которого он действует и с которым ему приходится иметь дело.

Он может улыбаться еврейскому чувству превосходства; он может даже в глубине души возмущаться; но он должен быть совершенно уверен, что это постоянная часть нации, с которой ему предстоит поселиться. Он никогда не будет удален. Еврей в лондонском Ист-Энде, беднейший из бедных, чувствует себя выше магистрата, к которому его приводят, полицейского, который следит за порядком на улицах, и безмерно выше простодушных солдат и матросов, чье ремесло наиболее типично для нашей расы. Он даже чувствует себя выше тех, кого он лучше понимает, — переговорщиков : людей, которые живут хитростью. Выражение наших лиц, наш жест, наши манеры; сам факт того, что наш ум, менее острый, в то же время шире, подтверждает его чувства.

Эта навязчивая идея превосходства, которая сквозит в каждой фразе и подтексте, воспринимается евреем как нечто само собой разумеющееся. Я говорю, что это чувствуют самые бедные и угнетенные, наименее богатые и несчастные из еврейского народа среди нас. К сожалению — и в этом суть — это приводит к *безудержному самовыражению*. Именно это

вызывает столь бурное негодование. Именно это усугубляет ссору. Именно это нужно держать под контролем, если мы хотим обрести мир; не чувство превосходства, которое неискоренимо, а его выражение. Это проявляется, как мы все знаем, с необычайным акцентом в действиях и манерах немногих очень богатых евреев, с которыми руководящие классы страны лучше знакомы. Но будь он богатым человеком, страдающим только от чуждого и враждебного окружения, или бедняком, страдающим от всех понижающих сил убожества, нужды и презрения, еврей чувствует себя потенциальным хозяином своих хозяев и демонстрирует это. Он пребывает в той же уверенности, которую испытывал Дизраэли, когда сказал: "Еврей не может быть поглощен; высшая раса не может быть поглощена низшей". Но, к сожалению, он не только опирается на это основание; он также *действует* в соответствии с ним, и это невыносимо.

Мы должны, я говорю, учитывать это чувство при любом урегулировании, которое мы заключаем; мы также должны изучить его последствия. В противном случае мы были бы сбиты с толку явлениями, которые казались бы необъяснимыми. Но нам не нужно допускать — напротив, мы должны активно осуждать — открытое презрение евреев к самим себе.

Вот некоторые последствия этого открытого выражения превосходства — последствия, которые мы все обнаруживаем сегодня в отношениях между еврейским народом и нами самими и которые приводят нас к ситуации, очень опасной для них и для нас.

Во-первых, у вас есть то фамильярное отношение еврея к европейским вещам, которое постоянно вызывает гнев европейца и столь же постоянно оставляет еврея в недоумении, какой возможный вред он мог причинить. Таким образом, еврей будет писать о нашей религии, считая само собой разумеющимся, что это безумие, и будет удивляться, что мы оскорблены. Он будет участвовать в наших национальных дискуссиях, не только давая советы, но и пытаясь направлять политику, и будет озадачен, обнаружив, что его безразличие к национальным чувствам раздражает. Он будет постулировать еврейский темперамент как нечто такое, что, если и отличается от нашего, должно, нравится нам это или нет, быть навязано нам.

Он действует во всех этих вещах так, как каждый действует инстинктивно в присутствии тех, кого они считают ниже себя, и когда люди говорят о "еврейской наглости" или "еврейской насмешке", они подразумевают именно это отношение. Мы ошибаемся, если воспринимаем эти вещи как преднамеренное оскорбление. Действия еврея, поскольку они исходят из этого чувства превосходства, не более расчетливы и не более преднамеренно враждебны, чем наши собственные действия всякий раз, когда мы оказываемся в отношениях с теми, кого считаем ниже себя. Но мы правы, указывая на них, возмущаясь ими, порицая их и, если это станет необходимым, прекращая их.

Еврейская проблема никогда не будет решена, если мы не сделаем скидку на чувство превосходства, не примем его как должное как неизбежное зло и не будем сдерживать свое негодование в его присутствии; но она также не будет решена, если мы будем допускать его все более открытое выражение.

Еще одно следствие такого отношения: еврей из-за этого не прилагает никаких усилий, чтобы войти в контакт с массой расы, среди которой ему, возможно, посчастливилось жить. Он доволен тем, что остается отделенным от этого, и думает, что не может не оставаться отделенным от них. И он показывает это. Он соглашается общаться с *элитой*, с теми, кто

руководит, с теми, у кого есть какие-то особые функции, но попытки общения с остальными кажутся ему пустой тратой времени. И он показывает это. Именно это имел в виду Ренан, когда говорил, что евреи были наименее демократичными из всех народов. Ренан, который содержался на еврейские деньги и жил, пока делал свою лучшую работу, в зависимости от еврейского издателя; Ренан, который был так очарован историей Израиля и который решил сам стать знатоком всего еврейского, совсем не понимал еврея. Его суждения о них неизменно поверхностны и с одной стороны далеки от истины; суждения иностранца — восхищающегося иностранца, но не сочувствующего иностранца. И когда он сказал, что евреи не были демократичными, он, вместо того чтобы выносить суждение об интимном политическом инстинкте еврейского народа, просто отметил внешнее явление. Ибо евреи, как факт, строго демократичны — ни одна нация не является более демократичной — в своих национальных отношениях между собой; они кажутся нам недемократичными только потому, что открыто смотрят свысока на нас, среди которых живут.

Еще одна форма, которую принимает это открытое выражение чувства превосходства среди евреев: оно придает всем их действиям в нашем государстве определенную уверенность и основательность, что, без сомнения, значительно усиливает их силу сопротивления, но также провоцирует их несчастья. Религиозный интерпретатор истории мог бы сказать, что они были специально наделены этим чувством Провидением, потому что Провидению было угодно, чтобы они чудесным образом выжили как национальная единица, несмотря на все недостатки; оставаться самими собой в течение 2000 лет в условиях, которые уничтожили бы любой другой народ, возможно, за столетие: и все же намеревались страдать. Рационалист скажет, что выражение чувства превосходства и сопровождающая его сила сопротивления - это всего лишь разные названия одного и того же явления; что без наличия этого выражения превосходства сопротивление не могло бы увенчаться успехом, без сопротивления не могло бы быть преследования; что в этом не было никакого умысла, только случайное присутствие определенного качества, которое произвело свой необходимый и логичный эффект. Но каким бы ни было истинное объяснение, исторический факт остается фактом, что это чувство превосходства вызывало открытое и самонадеянное выражение его всякий раз, когда евреи были свободны давать волю своим чувствам, и что, хотя это имело, как одно важное последствие, укрепление идентичности, постоянство, выживание еврейского народа, оно также имело, как другое важное последствие, их повторяющееся угнетение, следующее за каждым периодом свободы.

Следует сказать еще одну последнюю вещь, которую почти невозможно произнести без опасности причинить боль и, следовательно, запутать проблему и затруднить ее решение. Но это необходимо сказать, потому что, если мы будем уклоняться от этого, проблема запутается еще больше. Дело вот в чем: хотя, несомненно, верно и всегда будет верно, что еврей чувствует себя выше своих хозяев, верно также и то, что его хозяева чувствуют себя неизмеримо выше еврея. Мы можем прийти к справедливому и мирному решению наших трудностей, только помня, что еврей, которому мы придали особый и чужеродный статус в Содружестве, все это время думает о себе как о нашем начальнике. Но, со своей стороны, еврей должен признать, каким бы неприятным для него ни было это признание, что те, среди кого он живет и чью неполноценность он принимает как должное, с *своей* стороны, считают его чем-то гораздо меньшим, чем он сам.

Я знаю, что это утверждение так же ошеломит еврея, как противоположное ему ошеломляет нас. Это покажется таким же экстраординарным, невероятным, как и все остальное; но это правда, и это непреходящая истина. Пока евреи не признают эту истину, проблемы будут продолжаться бесконечно. Нет европейца настолько скудного по достатку или с таким низким характером, чтобы не чувствовать себя всецело выше любого еврея, каким бы богатым, каким бы могущественным и (боюсь, я должен добавить) каким бы хорошим он ни был. Правда, добродетель обладает собственным превосходством, которое невозможно скрыть, и жестокий, или вероломный, или развращенный европеец не может не чувствовать себя морально ниже еврея, который справедлив, самоуправляем, милосерден, великодушен и все такое прочее. Но мы знаем, как это бывает с национальными чувствами. Тип для нас сильнее индивидуума; и хотя мы можем признавать определенные превосходные характеристики в индивидууме, мы все время думаем о расе, об общественной форме и противопоставляем нашу собственную форму чуждой форме в ущерб последней.

Еврею так трудно оценить этот фактор проблемы, что его непонимание было почти такой же серьезной причиной трудностей в прошлом, как и тот же недостаток с нашей стороны. Мы кажемся ему дерзкими, когда в наших собственных глазах мы просто ведем себя нормально, как начальники.

Интересно, какую эмоцию это не вызывает у какого-нибудь еврейского торговца или стяжателя, занявшего высокое руководящее положение в нашей плутократии, когда он обнаруживает в жесте, тоне, выражении лица какого-нибудь случайного бедного англичанина, возможно, не более чем смущенного писателя-халтурщика, явное чувство превосходства? Не должно ли это казаться ему просто дерзостью? "Какое право, - скажет он про себя, - имеет этот *гой*, и притом бедный, неудачливый *гой*, обращаться со *мною* так, как будто я ниже его! Я, который стоит миллионы, который правит и делает, что мне заблагорассудится, со своими национальными лидерами, который распоряжается своим Государством так, как я захочу, и который принадлежу к той нации, которая полностью выше всех остальных, - еврейскому народу?" Повсюду еврей обнаруживает последствия этого чувства, даже если это чувство для него настолько непостижимо, что он с трудом может признать его существование.

Что ж, хочет он это признавать или нет, это есть. Отдельным евреям могут льстить из-за их богатства или из-за страха перед ними, в котором пребывает коммерческое сообщество. Те евреи, которые ошибочно принимают нынешнее печатное слово, которое они читают, за произносимые слова, которых они никогда не слышали, могут впасть в ошибку, думая, что этого чувства превосходства с нашей стороны не существовало. Если мы хотим когда-либо решить проблему, их следует предупредить, что она *решает*.

В их случае, как и в нашем, правильное решение может быть достигнуто только путем откровенного признания наличия чувства и твердого знания того, что независимо от того, является ли чувство иллюзией или представляет реальность, оно не изменится; но также и путем подавления его в наших взаимоотношениях.

Мы можем добавить к нашему изложению этой тонкой, но глубокой причины беспокойства еще одну истину, заключающуюся в том, что парадокс подобного рода можно обнаружить, хотя, возможно, и менее подчеркнутый, в любой другой политической проблеме. Дипломат, проживающий в иностранной столице, должен учитывать не только свою собственную уверенность в том, что принимающие его страны ниже его, но и их уверенность в собственном

превосходстве над ним и его близкими. Полевой генерал может быть уверен в своем превосходстве над противником, но если этот противник еще непобежден, он поступит плохо, если забудет, что его соперник обладает уверенностью, равной его собственной. В еще большей степени участник торговых переговоров руководствуется этим принципом и признает его, или, по крайней мере, если он этого не делает, он навлекает на себя катастрофу. Ибо, когда коммерческий человек занят тем, чтобы перехитрить своего соседа, его шансы на успех в значительной степени зависят от того, будет ли он относиться к этому соседу так, как если бы он действительно был тем, кем он себя считает. Возможно, он имеет дело с глупым и тщеславным человеком, которого легко превзойти и разорить, но если он позволит создать видимость, что рассматривает предполагаемую жертву как тщеславного и глупого человека, то он упустит свою сделку.

В общем, нет ни успеха над другими, ни даже (что гораздо более необходимо) какого-либо постоянного соглашения, возможного с другими, если мы не знаем, не допускаем самоосуждения других и не действуем в соответствии с ним, каким бы неправильным мы ни считали это самоосуждение.

Ясно, что в этом конфликте между евреем и, скажем, европейцем (ибо именно между евреем и белой западной расой заключается наша нынешняя проблема, хотя та же проблема возникает со всеми другими расами, среди которых еврей может оказаться) обе стороны не могут быть правы. Существо, стоящее выше человеческой расы и наблюдающее за нашими мелкими ссорами, могло бы решить, кто из двух противников ближе к реальности, и кто более оправдан в нашем презрении к еврею или еврей в своем презрении к нам. Но при выработке нашего собственного решения без помощи такого руководства нет иного правила, кроме как для обеих сторон принимать как должное то, что каждая считает иллюзией в другой; сдерживать ее выражение ради достижения урегулирования; и в урегулировании, к которому они приходят, признавать в качестве фактора обязательно и постоянно присутствующее то, что каждая все еще втайне считает глупостью, но неизлечимой глупостью, в другой.

Альтернативой такому самоограничению является возвращение в старый круг подчинения, вследствие чего гнев сопровождается стыдом и насилием, а за ними следуют угрызания совести.

ПРИЧИНА ТРЕНИЙ С НАШЕЙ СТОРОНЫ

ГЛАВА VI

ПРИЧИНА ТРЕНИЙ С НАШЕЙ СТОРОНЫ

Завершив краткий обзор причин трений с еврейской стороны, мы должны обратиться к причине трений с нашей собственной.

На первый взгляд может показаться, что задание было излишним. Действие и реакция равны и противоположны. Если вы показали, почему А раздражает В, вы также предположительно показали, почему В раздражает А. Или, опять же, если вы рассматриваете иностранное меньшинство в сообществе как раздражитель (которым оно почти всегда является и которым оно, безусловно, является в случае с евреями), вы, казалось бы, достаточно определили позицию, и вам не нужно утруждать себя изучением того, какую роль раздраженные играют в этом вопросе. То, что является паразитическим, в худшем случае нападает на общее тело, в лучшем случае беспокоит его. Общее тело казалось бы пассивным. Это не имеет никакого отношения к бизнесу, кроме как реагировать на причину беспокойства и, по возможности, избавляться от нее. Поскольку эта причина не является ее порождением, не нужно возлагать на нее какую-либо ответственность.

Дом наш: еврей - незваный гость (может сказать возражающий), и этому конец.

Но ситуация не так проста, как кажется. Совершенно независимо от того факта, что еврей, безусловно, не допустит такого описания своей деятельности, существует очевидная истина, что там, где вы имеете дело с двумя *человеческими* факторами, то есть с двумя факторами, имеющими общую природу и, следовательно, общие обязанности, вы также имеете дело с двумя известными и поддающимися анализу органическими вещами. Вы также имеете дело с двумя наборами воли, и мы знаем, что эти воли свободны, вопреки софистам. Человек и группа людей могут поступать хорошо или плохо, как абсолютно, так и относительно какого-то конкретного рассматриваемого вопроса; и ни одна группа людей не может избежать ответственности по отношению к любой другой группе, с которой она находится в контакте. Несомненно, что мы сами играем определенную роль в этой ссоре между нами и евреями. Это роль, которая в какой-то мере неизбежна, потому что в какой-то мере она проистекает из простого контраста между двумя расовыми характерами. Но есть еще одна часть, которая может быть исправлена усилием воли.

Хотя мы не можем изменить тот элемент, который присущ нашей природе, не больше, чем евреи могут изменить свой, все же понимание этого имеет решающее значение; и мы, безусловно, можем изменить те элементы, которые присущи нашей воле.

Доказательством этого является то, что в долгой истории отношений между двумя расами в разное время и в разных местах были те исключительные периоды спокойствия, о которых я упоминал на предыдущей странице, и они не могли бы сохраняться, если бы причины трений не были устранены с обеих сторон, но особенно с нашей.

Вся та причина трений, которая возникает из-за простой противоположности характеров, может быть изложена очень кратко. Это входит в то, что только что было сказано об общих причинах, о различии в природе между евреями и нами. Если их форма мужества, их форма великодушия, их форма лояльности, как они есть, отличаются от наших; если их недостатки демонстрируют ту же

разницу в качестве или цвете; если мы постоянно чувствуем, как мы чувствуем, трения, вызванные этим контрастом, то и они, по-видимому, чувствуют соответствующие трения в своих отношениях с нами. Никто из нас не сможет изменить это положение дел. Мы должны признать это и попытаться понять его природу.

Прежде всего, мы не должны принимать как должное, что отличие от нас самих само по себе является злом для другого. На этом моменте следует настаивать. Когда мы имеем дело с неодушевленной природой или с неразумной одушевленной природой, мы не приписываем мотив, потому что мотива для приписывания нет. Человек не выступает с горечью в сердце против ос, хотя цель осы сильно отличается от цели человека и их интересы сталкиваются. Он не называет осу злой и, разве что для облегчения своих чувств, не дает ей нравственных названий. Он не осуждает осу. Еще меньше он осуждает всех ос или что-либо еще в окружающей его природе, что работает против его интересов. Но когда ему приходится иметь дело с другими людьми, человек сразу начинает приписывать им мотив. Он должен это сделать, потому что знает, что мотив является пружиной всех человеческих действий, включая его собственные. Когда этот мотив отличается от его собственного, контрастирует с ним и, следовательно, в какой-либо степени враждебен ему, он склонен приписывать ему злой мотив. Все это - прописная истина, старая как мир.

Если вам не приходится жить с теми, кто таким образом отличается от вас, в этом нет большого вреда, но если вам приходится принимать их как часть своей жизни, это совсем другое дело. Следовательно, для государственного порядка важно, чтобы эта иллюзия прямого антагонистического мотива была замечена и сдерживалась.

Но все это касается скорее нашего долга в данном вопросе, чем простой причины трений.

Первой причиной трений является тот контраст, который остается неизменным независимо от того, описываем ли мы его с точки зрения пришельца, как это только что было сделано, или с нашей собственной.

Причины трений, которые лежат в области воли и которые, следовательно, непосредственно подлежат исправлению, другого рода. Первая из них, несомненно, заключается в нашем *неискренности* в отношениях с евреями.

Это лицемерие распространяется от нашей повседневной привычки до нашего отношения к истории. Это более глубоко укоренилось, чем осознает большинство людей, и более широко распространено, чем хотели бы признать те, кто осознает это. Это влияет на наши отношения с евреями точно так же, когда мы пытаемся защитить их положение в государстве, как и когда мы нападаем на них. Действительно, я думаю, что это больше влияет на наши отношения, когда мы пытаемся их защитить, чем когда мы нападаем на них. Единственные два типа людей, которые проявляют совершенную искренность в своих отношениях с евреями, - это совершенно невежественный простофиля, который едва ли может отличить еврея, когда видит его, и который принимает как реальность старую выдумку о том, что нет никакой разницы, кроме разницы в религии (которую его научили считать несущественной), и человек, которого называют "антисемитом".

Оба этих типа, безусловно, говорят то, что думают. Вот почему в глубине души евреи благодарны обоим, хотя оба интеллектуально ничтожны. Я думаю, еврей чувствует, когда он встречает любой из этих типов: "Во всяком случае, я знаю, где я нахожусь". Но подавляющее большинство

людей, особенно среди более культурных, крайне неискренни во всех своих отношениях с евреями. Это большая ошибка нашей стороны, которая соответствует их вине в секретности. И когда вы допускаете рутину, потребности социального общения, условности и все остальное, это остается сознательно задуманным моральным злом.

Мужчина и его друг встречаются на улице знакомого еврея; они обмениваются с ним обычными любезностями; они проходят дальше. В тот момент, когда он поворачивается спиной, каждый комментирует своему спутнику еврейский характер человека, которого они только что покинули, и почти неизменно в невыгодную для него сторону.

Итак, обвинение в подобном поведении не означает, что при встрече со своим знакомым евреем вы должны оскорблять его, говоря ему в лицо то, что говорите за его спиной; это было бы чудовищным проявлением цинизма и, на практике, безумием. Мы не поступаем так ни в каких жизненных отношениях. Но это действительно означает, что в поведении, жестах, тоне голоса мы играем заведомо ложную роль в наших отношениях с евреями, которую мы не играем в наших отношениях ни с каким другим народом. Тщательно поддерживается своеобразное притворство, которое практикуется только с евреями. Здесь нет ни намека, ни признания нашего реального отношения, нашего чувства контраста. Поэтому мы испытываем неестественное напряжение; и сразу же после этого мы избавляемся от него, преувеличивая контраст, который мы делали вид, что игнорируем. Это заслуживает порицания в особой степени, потому что это характерно только для данного случая. Если бы мы признали еврея евреем, поговорили с ним о вещах, которые были превыше всего в его сознании и в нашем, и обращались с ним так, как мы обращаемся с любым другим иностранцем среди нас, не было бы причинено никакого вреда. Как бы то ни было, ложь причинила двойной вред — ему и нам. Для нас — из-за раздражения, в котором полностью виноваты мы сами, для него — из-за обмана относительно его истинного положения.

Евреи, которые сегодня общаются с самыми богатыми слоями общества, особенно в Лондоне, не имеют истинного представления о своем реальном положении в глазах своих гостей; и вина лежит на их гостях.

Я привел очевидный повседневный пример, но он наименее важен, поскольку преходящ и неглубок. Это лицемерие распространяется на отношения более постоянные. Мужчина вступает в бизнес с евреем, принимает его как партнера, постоянно работает с ним и все же лелеет в своем сердце нелояльность к этим отношениям. Это явление постоянно повторяется, и оно отравляет отношения между двумя расами. Если мужчина готов вступить в одно из этих постоянных отношений с другим мужчиной, который коренным образом отличается от него по традициям и человеческому характеру, он должен столкнуться с последствиями. Одним из таких последствий, если он хочет остаться честным человеком, является принятие должности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Он не может иметь преимущества — как он надеется его получить — еврейской трезвости, еврейского упорства, еврейской ясности мышления, еврейских международных отношений, еврейской возможности продвижения по службе благодаря помощи своих товарищей, и в то же время втайне испытывать презрение и неприязнь к своему товарищу и облегчать это подавленное чувство в его отсутствие. И все же именно этим ежедневно занимаются мужчины в деловом мире.

Послушайте разговор такого человека, который, вступив таким образом в тесные коммерческие отношения с евреем, попадает в беду. Он проводит остаток своей жизни, осуждая евреев как

расу и своего собственного товарища по несчастью в частности. Он не имеет права этого делать. Это недостойно; это ребячество, но, что хуже всего, это несправедливо. Он, по-видимому, знал, что делает, когда вступал в отношения, которые не могли не быть сложными. Последствия этих отношений он должен принять независимо от того, обернутся они для него хорошо или плохо.

Мы находим нечто, возможно, даже худшее, что следует отметить в отношении тех, кто добился успеха в своем бизнесе благодаря союзу с евреем. Ибо в этом случае к справедливости следует добавить благодарность, а такая благодарность проявляется очень редко. Напротив, партнер-нееврей вечно пребывает в настроении недовольства своей долей. Он постоянно обижен на то, что его перехитрили, или на то, что над ним издевались, или на то, что его ограбили, за исключением тех очень редких случаев, когда успех настолько ошеломляющ, а состояние столь стремительное, что для обиды не остается места. Почти в каждом другом случае, с которым я сталкивался, присутствует элемент взаимных обвинений — за спиной еврея — даже в условиях успеха.

Я очень хорошо знаю, что можно сказать с другой стороны. Можно сказать, что то, что я назвал на предыдущей странице "безжалостностью" еврея в коммерческих отношениях, а также его упорством и всем остальным, делает соперничество неравным; что в партнерстве между евреем и неевреем нееврей, как факт, часто перегибает палку и, как факт, часто остается (как говорится в красивом словаре современной коммерции) "в корзине". Но, скажите на милость, почему нееврей вообще вступил в альянс? Не было ли это сделано именно для того, чтобы он извлек выгоду, если сможет, из тех самых качеств, которые он позже осуждает? Он ожидал, что те качества, которые способствуют успеху еврея в торговле, принесут пользу и ему самому. Он знал, что всегда должна быть определенная конкуренция, даже внутри такого союза. Он заставлял себя отстаивать свои интересы в условиях, которые он прекрасно знал, когда вступал в них. У него нет опоры, на которую он мог бы опереться, споря с результатами отношений, поскольку, поступая таким образом, он просто спорит со своим собственным суждением и, если уж на то пошло, со своим собственным замыслом.

Если человек не может смириться с контрастом между еврейской расой и нашей собственной, или если он считает, что эта раса обладает энергией, которая неизменно победит его в коммерческом соревновании, то пусть он вообще держится подальше от еврейского союза. Это простейший план. Но связывать себя с еврейской коммерческой деятельностью, а затем роптать на результаты - это подло.

Все это, конечно, еще хуже, когда имеешь дело с отношениями даже более тесными, чем коммерческие. Таких отношений в современном мире множество, и лицемерие в них принимает наихудшую из возможных форм. Мужчины, особенно из более богатых классов дворянства, станут ближайшими друзьями евреев с общепризнанной целью получения личной выгоды. Они думают, что дружба поможет им занять высокие посты в государстве, или сколотить личное состояние, или прославиться. В этом расчете они мудры. Ибо еврей сегодня обладает исключительной властью во всех этих вещах. Поэтому у них за столами постоянно сидят евреи, они постоянно находятся под еврейской крышей. Во всех жизненных отношениях они настолько близки, насколько могут быть близки друзья. И все же они снимают напряжение, которое создает такая неестественная ситуация, постоянно насмехаясь над своими еврейскими друзьями в их отсутствие. О таких людях можно сказать (а сегодня они составляют все большее

большинство среди наших богачей), что ложность их положения действует им на нервы. У них это стало своего рода болезнью; и я совершенно уверен, что, когда представится возможность, когда поднимется общественная реакция против еврейской власти, шумная, настойчивая и открытая, они будут одними из первых, кто отомстит. Это отвратительно, но это правда.

И эта истина применима не только к дружбе, но даже к бракам. Брак между христианином и евреем в этом смысле представляет интерес, и горечь, порождаемая этими отношениями, чрезмерна.

Таким образом, это лицемерие - отсутствие искренности со стороны нашей расы в отношениях с евреями — порок, особенно распространенный среди богатых и среднего классов (гораздо менее распространенный среди бедных), распространяется, как я уже сказал, на историю. Мы не смеем или не будем излагать в наших учебниках истории простые факты отношений между нашей собственной расой и евреями. Мы отодвигаем историю этих отношений, которые входят в число полудюжины ведущих факторов истории, на задний план, даже когда упоминаем об этом. В том, что им преподают по истории, школьник и студент сталкиваются с этими отношениями не более чем в одной-двух строках. Учитель не может совершенно молчать об изгнании евреев при Эдуарде I или об их возвращении при Кромвеле. Человек не может читать историю Римской империи, не услышав о еврейской войне. Человек не может читать Конституционную историю Англии, не услышав об особом экономическом положении евреев под властью средневековой короны. Но масштабность темы, ее постоянный и настойчивый характер на протяжении двух тысяч лет; ее великие эпизоды; ее общий эффект — все это намеренно замалчивается.

Сколько людей, например, из тех, кто утверждает, что хорошо знает Римскую империю, даже в ее деталях, знают, не говоря уже о том, что писали о чудовищных массовых убийствах и ответных массовых убийствах евреев и европейцев, о массе эдиктов, попеременно защищающих и преследующих евреев; об экономическом положении евреев, особенно в поздней империи; о характере рассеяния?

При Адриане на Кипре и в ливийских городах имело место еврейское движение против окружающего нееврейского общества, намного превосходящее по жестокости поздние обломки России, которые сегодня заполняют все наши мысли. Массовые убийства были массовыми, как и репрессии. Евреи убили четверть миллиона жителей одного только Кипра, и римские власти ответили репрессиями, которые превратились в безжалостную войну.

Можно бесконечно нагромождать примеры. Дело в том, что среднему образованному человеку никогда не разрешалось слышать о них. Какой важной фигурой был еврей в том римском государстве, из которого мы все вышли, как он пережил его яростный антагонизм по отношению к нему и его антагонизм по отношению к нему; особые привилегии, благодаря которым он был освобожден от поклонения его богам; его управление его финансами — все интимные параллели, которые это позволяет провести с более поздними временами, остаются без внимания. Среднестатистический образованный человек, которому преподавали, хотя бы в некоторой полноте, римскую историю, оставляет после этого изучения впечатление, что евреи (если он их вообще замечал) - всего лишь незначительная деталь в истории.

Так обстоит дело с историей более поздней и даже современной. В истории девятнадцатого века это возмутительно. Особый характер еврея, его действия в Тайных обществах и в

различных революциях иностранных государств, его быстрое приобретение власти через финансы, политическую и социальную сферу, особенно в этой стране, — все это не учитывается. Это точная параллель с неискренностью, которую мы наблюдаем в социальных отношениях. Тот же самый человек, который напишет монографию о каком-нибудь моменте истории девятнадцатого века и оставит своих читателей в неведении относительно еврейских элементов в этой истории, наедине с вами угостит вас дюжиной анекдотов: такой-то человек был евреем; такой-то мужчина был наполовину евреем; другого в его политике контролировала любовница-еврейка; посредником в таких-то переговорах был еврей; еврейская кровь в такой-то семье текла таким-то образом - И так далее. Но ни слова об этом в интернете. печатная страница!

Эта преднамеренная ложь в равной степени применима и к современным записям. Читателя газет обманывают — насколько это еще возможно — самой бесстыдной ложью. "Абрахам Коэн, поляк"; "М. Мосевич, выдающийся румын"; "Мистер Шифф и другие представительные американцы"; "М. Бергсон с его типично французской ясностью"; "Максимилиан Харден, всегда смелый в своей критике *собственного* народа" (его *собственный* немец)... и остальная чушь. Это ослабевает, я признаю, но еще не прекратилось.

Эта форма лжи, конечно, разъедает души тех, кто ей потворствует. Но это не относится к теме этой книги. Где это выступает в качестве причины трений между двумя расами, и устраняемой причины трений, так это в том влиянии, которое это оказывает на еврейскую концепцию их положения в нашем обществе. Это полностью опровергает эту концепцию. Это порождает у еврея ложное чувство безопасности и полностью искаженный фантом того, как его на самом деле принимают в нашем обществе. Чем больше практикуется это лицемерие, тем больше удивления следует за его раскрытием и тем более законны горечь и ненависть, которые это удивление вызывает у тех, у кого мы являемся хозяевами. Это верно не только для этой страны; это верно для любой другой страны, в которой еврей получил убежище и какое-то время находился под защитой. Он неизменно жаловался, что его пробуждение было грубым, что он был сбит с толку тем, что казалось ему новым и необъяснимым чувством по отношению к нему; что он думал, что находится среди друзей, а внезапно оказался среди коварных врагов. Все это было бы сохранено для других в прошлом и будет сохранено для нас самих в ближайшем будущем, если бы эта пагубная привычка ко лжи была устранена.

Неискренность, с нашей стороны, является первой главной причиной трений между двумя расами.

Второй главной причиной трений с нашей стороны является неразумность наших отношений с евреями. Это неразумие, конечно, связано с неискренностью, о которой я говорил; но, тем не менее, это отдельная вещь, и мы можем научиться у евреев ее противоположности, поскольку *их* отношения с *нами* всегда разумны. Они знают, к чему ведут в этих отношениях, хотя часто неправильно понимают материал, с которым имеют дело. Но мы, снова и снова, кажется, даже не понимаем, к чему ведем.

Что может быть, например, более неразумным, чем особые формы вежливости, с которыми обращаются с евреем? Я говорю не о тщательно продуманной, фальшивой дружбе, о которой я только что говорил под заголовком "лицемерие", а о подлинных попытках проявить вежливость

по отношению к этому чуждому народу — вежливость, выражаемую теми, кто не имеет с ними близких отношений и не желает иметь с ними близких отношений. У тех, кто обычно избегает евреев, это почти неизменно вежливость, которая на поверхности выражает покровительство. Это можно сравнить с вежливостью, которую богатые мужчины проявляют к беднякам, — самой оскорбительной вещью, какая только есть на свете.

И насколько неразумно мы относимся к любой конкретной еврейской проблеме; например, к проблеме еврейской иммиграции! Мы маскируем это под вымышленными именами, называя "вопросом об иностранцах", "российской иммиграцией", "притоком нежелательных лиц из Восточной и Центральной Европы" и любым количеством других робких эквивалентов. Этот процесс - процесс трусливой лжи, но эта ложь не более примечательна, чем глупость, поскольку никого не обманывают, и меньше всего самих евреев.

Эта неразумность распространяется на многие другие области. Насколько неразумны усилия писателей, которые хотели бы, так сказать, загладить вину перед евреями за прежние преследования, помещая в свои книги воображаемых героев-евреев. В данном конкретном случае мы оскорбляем меньше, чем это делали наши отцы викторианского периода. Оскорбление Диккенса было серьезным. Он инстинктивно не любил евреев; когда он писал о еврее в соответствии со своими склонностями, он выставил его преступником. Услышав, что он должен загладить свою вину за этот поступок, он представил еврея, который ни на что не похож на земле — своего рода смесь арабского шейха и семейной библейской картинки из Ветхого Завета, и все это вышито на совершенно нееврейском - чисто английском персонаже.

Насколько неразумны различные попытки нееврея защитить еврея, даже с самыми лучшими намерениями! Вы услышите, как люди торжественно говорят вам, как своего рода откровение, что есть добрые, остроумные евреи, евреи, которые являются хорошими боксерами-призерами или хорошими фехтовальщиками. Я хорошо помню одного пожилого джентльмена, который изо всех сил пытался убедить меня (как будто я нуждался в убеждении), что есть евреи, у которых есть вкус. Он сказал мне: "Сам я не хожу в еврейские дома, но мой сын ходит, и он уверяет меня, что большая часть убранства выполнена с хорошим вкусом". Насколько неразумна идея о том, что из-за того, что мотивы человека неизвестны и у него нет тех же причин служить Государству, что и у вас, *следовательно*, он должен постоянно находиться под подозрением! Насколько еще более неразумной является концепция, что, хотя он и инопланетянин, вы все же не можете использовать его в определенных специальных службах для государства.

Эта неразумность особенно очевидна в обращении с евреем в его международных отношениях. Еврей - это кочевник, нееврей - человек с постоянным местом жительства. Англичанин, француз и все остальные постоянно приближаются к еврею, как будто у него тоже есть постоянное место жительства. Кажется, мы никогда не сможем оправиться от шока удивления, когда узнаем, что конкретный еврей за границей является двоюродным братом, или племянником, или братом другого еврея с другим именем в Англии, или с другим евреем с еще одним именем в Пинске или Сан-Франциско. И все же, несомненно, в этом заключается самая суть еврейской позиции. Мы должны считать само собой разумеющимся, что еврей, таким образом, ведет кочевой образ жизни, интернационален, разбросан по всему миру, перелетный, как мы считаем само собой разумеющимся то же самое в отношении перелетных птиц. Занимать позицию, которую мы почти неизменно занимаем, и испытывать шок удивления, когда обнаруживаем то, что по

природе вещей должно быть наиболее характерной чертой гражданского положения еврея, - значит впадать в самую глупую из всех глупых ошибок, считывая себя в других.

Я помню ужас и скандал, с которыми люди шепотом рассказывали о своем открытии, что человек с немецкой фамилией, попавший в беду несколько лет назад, был двоюродным братом члена кабинета министров. Почему бы и нет? Казалось, все они были ошеломлены ужасным открытием, что имена, которые носят евреи, не всегда были их подлинными именами, что у богатых и влиятельных людей часто бывают бедные родственники, и что бедные родственники часто оказываются в неловком положении.

С точки зрения их собственного общества это было бы достаточно просто. Они бы не удивились, узнав, что какой-то человек нашей собственной расы, быстро разбогатевший и занявший политическое положение, пострадал от родственника с сомнительной репутацией, тоже принадлежащего к нашей собственной расе. Но поскольку в случае с евреем были два необычных элемента - иностранное имя и дальнейшее происхождение, они были сбиты с толку. Они даже сочли это в некотором роде особенно скандальным. Они не оценили материал, с которым имели дело, а это признак неразумия. Но верх неразумия, форма, в которой неразумное обращение с ним больше всего раздражает еврея, несомненно, является тем типичным, тем непрекращающимся случаем человека, который постоянно кричит против Израиля и ничего не замышляет — человека, который питает бесплодную обиду; у которого нет даже ясности или энергии, чтобы попытаться подавить; который был бы в ужасе от преследования, почти в равной степени в ужасе от любого нарушения условностей, и все же продолжает кричать против положения дел, которое он ничего не делает, чтобы исправить, и для которого у него нет даже права голоса. теоретическое решение.

Последней из основных причин трений между евреями и нами является отсутствие милосердия, и это проявляется в простейшей форме отказа пройти половину пути навстречу еврею и отказа поставить себя на место еврея, чтобы понять его положение в нашем обществе и его отношение к нему. Это всеобщий недостаток, столь же распространенный среди тех, кто ежедневно общается с евреями, живет за их счет и заискивает перед ними, как и у тех, кто держится от них в стороне. Похоже, никому из нас, кому приходится иметь дело с еврейской проблемой, никогда не приходит в голову приложить необходимые творческие усилия. И все же у нас наготове параллель. Еврей чувствует среди нас, только с гораздо большей интенсивностью, то, что мы чувствуем, живя в чужой стране, — чувство изгнания, чувство раздражения против чуждых вещей просто потому, что они чужды; огромное желание общения и понимания, но в то же время большое безразличие к судьбе тех, среди кого он оказывается; дополнительную привязанность, на самом деле, не к своему территориальному дому, поскольку у него его нет, а к своей нации. Если бы мы могли постоянно помнить об этой параллели, трения с нашей стороны были бы значительно меньше.

Существует множество еврейских обществ, которые не просят ничего лучшего, как получать случайные обращения от неевреев. Эти адреса даны, эти Общества посещаются, но далеко не так часто, как следовало бы.

Существует великая еврейская литература — я имею в виду огромную массу книг, посвященных позиции еврея с его собственной точки зрения. Ее не читают и не знают. Мне могут сказать, что

вина во всем этом в значительной степени лежит на самих евреях из-за их использования секретности. Я не думаю, что это возражение применимо. Несмотря на всю свою скрытность, еврей присутствует среди нас, чтобы мы могли приблизиться, если захотим, и понять, насколько это возможно. И я говорю, что подход не сделан.

Конечно, это требует усилий. Никто не знает этого лучше, чем я; ибо не раз, когда я выступал перед еврейской аудиторией, я оказывался объектом очень резких высказываний. Но это усилие, которое должен приложить каждый, кто признает, что еврейская проблема вообще существует, а такое усилие предпринимается очень редко. Это усилие не только потому, что оно предполагает пересечение пропасти, это также усилие потому, что мы находим эту чуждую вещь во многих отношениях отвратительной для себя. И все же люди постоянно прилагают эти усилия в интересах государства, когда речь идет о других расах. Гораздо важнее, чтобы они прилагали их там, где речь идет о евреях. Ибо те другие инопланетные расы, которыми на данный момент управляют официальные лица нашей собственной расы, не будут управляться таким образом постоянно. Отношения между ними и нами длятся недолго, и это отношения, которые постоянно меняются. Еврей всегда с нами; и тип контактов между его расой и нашей останется во многом таким же в бесконечно долгом будущем, как и у них в столь долгом прошлом.

* * * * *

Итак, вот краткое изложение, на мой взгляд, причин трений между двумя расами.

Во-первых, общая причина, которая заключается в противоположной природе этих двух факторов и в раздражающем эффекте этого контраста. Эту причину нельзя устранить, хотя ее последствия могут быть изменены. Это глубокий контраст и острый раздражитель, постоянный по своей активности. Важно распознать его истинную природу, не описывать его общими терминами недостатков, но оценить разницу в *качестве*, прежде всего, не лгать о нем и не притворяться, что его нет.

Во-вторых, что касается особых причин трений — я имею в виду причины, которые с их стороны, как и с нашей, могут быть если не устранены, то, во всяком случае, изменены, — я полагаю, что наиболее заметными являются: 1. Чувство превосходства, которое, хотя и не может быть уничтожено, может по крайней мере сдерживаться в выражении и которое, по милой иронии судьбы, одинаково сильно у обеих сторон. 2. Использование секретности самими евреями; частично как оружие защиты, частично как метод действий, всегда вызывающий сожаление и имеющий характер, особенно раздражающий наш темперамент. 3. С нашей стороны, упорное лицемерие в нашем обращении с этим меньшинством. Неразумность в обращении с ними: все усугубляется безразличием или отсутствием милосердия, отказом приложить усилия, необходимые для встречи и понимания, насколько это возможно, расы, которая всегда должна быть с нами и которая, тем не менее, так отличается от нашей собственной.

Теперь эти постоянно присутствующие причины трений имеют тенденцию порождать то, что я назвал трагическим циклом: радушный прием еврейской колонии, затем непринужденность, за которой следует острая непринужденность, за которой следуют преследования, изгнание и даже резня. За этим, естественно, последовала реакция и повторение процесса заново.

В наше время мы наблюдали, совсем недавно, чередование второй и первой из этих стадий; мы перешли от радушия к непринужденности. Этот отрывок угрожает дальнейшим переходом от второго к третьему; от третьего к ужасному заключению.

Сегодня мы чувствуем себя в полной безопасности от последней крайности этого цикла. Мы уверены, что до преследований никогда не дойдет: это все еще непостижимо. Но это не везде немыслимо, и ни одно общество не свободно от перемен. Некоторые из ныне живущих могут дожить до того, чтобы увидеть беспорядки даже в этом тихом государстве и еще хуже в новых или менее устоявшихся штатах.

Такой катастрофы необходимо избежать всеми имеющимися в наших силах усилиями, и необходимо настоятельно искать решение представленной проблемы. Но попутно мы должны отметить, на рассмотрение тех, кто может сомневаться в остроте проблемы и непосредственной практической необходимости решения, наличие явления, которое убедительно доказывает, что она *is acute and that the solution is* необходимо. Этот феномен - присутствие сегодня нового типа, антисемита, человека, к которому все евреи относятся с отвращением.

Это явление, которое чрезвычайно усилилось; темпы его роста ускоряются, и в качестве предупреждения об опасности, в качестве доказательства ее масштабов я предлагаю внимательно изучить это явление в моей следующей главе.

АНТИСЕМИТ

ГЛАВА VII

АНТИСЕМИТ

Чтобы понять любую проблему, нужно изучить не только ее реальные факторы, какими они представляются здравомыслящему человеку, который трезво смотрит на ситуацию в целом; нужно также понять безумия и искажения, спровоцированные проблемой, поскольку они исключительно иллюстрируют ее характер и силу.

При решении любой трудности недостаточно рассматривать только действительное, необходимо также учитывать воображаемое; потому что легенда или иллюзия является прямым продуктом истины и показывает, как правда действовала на умы других.

Таким образом, карикатура выявляет то, что, как мы подсознательно знаем, присутствует в любой личности, подчеркивает это и, хотя и является ложным в своем преувеличении, запрещает нам забывать об этом в будущем. Таким образом, любая крайность, какой бы ложной ни была ее непропорциональность, имеет наивысшую ценность для суждения.

В практической проблеме политики есть еще одна наиболее веская причина для изучения крайних и искаженных мнений: она заключается в том, что в политике мы имеем дело не только

с реальными вещами, но и с тем, нравятся или не нравятся эти вещи живым людям: их преувеличенная или плохо осознанная привязанность или отвращение. Вся государственная мудрость заключается в восприятии энтузиазма и безразличия.

Итак, в этой великой политической проблеме, представленной еврейской расой среди нас, есть две крайности. Один из них мы уже изучали: это крайняя глупость лжи, притворства, что проблемы нет.

Эта крайность была почти всеобщей глупостью в недалеком прошлом, особенно в нашей стране. Сейчас все наше поколение отказалось от этого, за исключением нескольких человек официального склада, и они недолго будут придерживаться устаревшей и уже нелепой позиции.

Но еще предстоит изучить другую крайность. В нашем обществе это явление появилось совсем недавно, хотя в последние годы оно приобрело очень большую силу и вызывает тревогу. Это крайность ненависти. Это крайность, проявляемая теми, у кого есть только один мотив в их действиях по отношению к еврейской расе, и этот мотив - простое желание ее уничтожения. Это подразумевает, что между двумя расами невозможен мир; нет разумного политического решения. Оно не опирается ни на что, кроме антагонизма. Она уже очень сильна, и ее приверженцы считают, что находятся накануне своего рода ошеломляющего триумфа.

Каждый, кто желает заняться этим серьезным политическим вопросом практически, то есть установить постоянную политику, будет гораздо больше озабочен рассматриваемой здесь крайностью, чем другой крайностью, которая полностью игнорирует проблему. Ибо эта новая крайность активной ненависти процветает; та, другая, более старая крайность больше не функционирует.

В практической политике ближайшего будущего придется иметь дело не только с проблемой, представленной евреями как чуждой силой внутри государства, но (что, вероятно, окажется более сложным делом) с ненавистником евреев, который претендует на власть и быстро достигает ее на своей стороне. Тип так же стар, как и проблема; ему две тысячи лет. Но он растет и убывает. Его современное название "Антисемит" столь же нелепо по происхождению, сколь и по форме. Частично это немецкое академическое название, частично газетное, настолько вульгарное, насколько можно было бы ожидать от такого названия, а также настолько ложно педантичное, насколько можно было бы ожидать, но раздраженное настроение, ярлыком которого оно является, вполне реально.

Я говорю, что слово "антисемит" вульгарно и педантично: я думаю, это будет признано всеми. Это также бессмысленно. Антагонизм к евреям не имеет ничего общего с какой—либо предполагаемой "семитской" расой, которой, вероятно, существует не больше, чем многих других современных гипотетических абстракций, и которая, во всяком случае, не имеет отношения к делу. Антисемит - это не тот человек, который ненавидит современных арабов или древних карфагенян. Это человек, который ненавидит евреев.

Однако мы должны принять это слово, поскольку оно стало обычным явлением, и перейти к более важному вопросу - выяснению того, как перемещаются те, к кому оно применимо, каким

был бы результат их действий, если бы (или когда) они могли действовать свободно; и, что важнее всего, что они собой представляют.

Антисемит - это человек, отмеченный двумя главными персонажами. Во-первых, он ненавидит евреев *самих по себе*. Его мотивом является не ненависть к их присутствию в нашем обществе. Его мотивом является не ненависть к сокрытию, лжи, лицемерию, коррупции и всем другим случайным порокам этой ложной позиции. Эти вещи, действительно, раздражают его, но они не являются его основным мотивом. Его главный мотив - ненависть к еврейскому народу. Он испытывает сильную реакцию против этого чуждого существа, которое, по его мнению, приобрело такую большую власть в его обществе. Способ, которым оно пользуется этой властью, особенно раздражает его. Но он останется ненавистником еврейской нации, когда она будет презираема, незначительна и пренебрегаема, и он останется ненавистником еврейской нации, даже если тогда ее положению не будут сопутствовать случайности секретности, лжи и финансовой коррупции. Этот тип быстро возрастает, когда у евреев есть власть: он становится почти универсальным, когда они начинают злоупотреблять этой властью. Он уменьшается по мере того, как эта власть ослабевает. Но это всегда одно и то же и является показателем опасности.

Антисемит - это человек, который *хочет избавиться от евреев*. Он полон инстинктивного чувства в этом вопросе. Он ненавидит еврея как еврея и возненавидел бы его, где бы ни встретил. Свидетельства такого состояния ума знакомы всем нам. Антисемит восхищается, например, произведением искусства; обнаружив, что его автор еврей, он становится ему неприятен, хотя произведение остается точно таким же, каким было раньше. Антисемит спутает действия любого конкретного еврея с его общей ненавистью к расе. Он вряд ли признает высокие таланты в своих противниках, а если и признает их, то всегда будет видеть в их выражении что-то искаженное и неприятное.

Когда против еврея выдвигается обвинение, он не может занять судебную позицию не больше, чем мог бы занять другой экстремист, обманщик, который вообще отрицает еврейскую проблему. Точно так же, как тот другой человек, ныне уходящий из нашей жизни, не признал бы еврея виновным при самых вопиющих доказательствах и был особенно неспособен признать вину еврея, который мог быть богатым; точно так же, как он провозгласил, что евреи в целом безупречны, так и антисемит подходит к каждому еврею с презумпцией его вероятной вины, так же он преувеличивает это предубеждение, когда ему приходится иметь дело с богатым евреем, и так же он считает всю еврейскую расу в целом, вероятно, виновной практически по любому обвинению, выдвинутому против нее.

Контраст был очень хорошо замечен в деле Дрейфуса, когда старый тип экстремистов был еще силен. Он не стал бы рассматривать улики против Дрейфуса, он не стал бы, если бы мог, упоминать его расу. Все, что он знал, это то, что Дрейфус был и должен был по природе вещей быть невиновным и что все разные люди, которые свидетельствовали против него, были злостными заговорщиками. Экстремисты нового типа, в то время только набиравшие силу, но еще не овладевшие страной, не желали прислушиваться к убедительным доказательствам в пользу Дрейфуса, отказывались пересматривать дело после того, как главный свидетель был признан виновным в подлоге, пришли к выводу, что Дрейфус обязательно виновен, и были убеждены, что все его сторонники были простофилями или мошенниками.

Сам факт существования евреев, не говоря уже о том, что они могущественны, отравляет жизнь такому человеку. Его односторонний энтузиазм приводит к самым нелепым ошибкам. В этой стране каждое имя немецкого происхождения сразу наводит на мысль о еврее. За каждой финансовой операцией, особенно если она носит сомнительный моральный характер, непременно должен стоять еврей; где бы несколько партнеров, евреев и неевреев, ни занимались какой-то дурной работой (как, например, в одном из наших бесчисленных парламентских скандалов), еврей всегда должен быть для такого рода людей движущей силой и злым гением всего.

Как и в случае с любой другой манией, эта мания быстро затуманивает общее видение своей жертвы. Его предрассудки вскоре полностью утрачивают пропорции. Он начинает видеть еврея во всем и всюду и уверенно принимать положения, которые он сам счел бы противоречивыми, если бы хоть минуту спокойно поразмыслил над этим вопросом.

Таким образом, за последние несколько лет я слышал со всех сторон эти странные утверждения, исходящие из одного и того же источника, но явно несовместимые друг с другом: что современный скептицизм был еврейским по своему происхождению; что современные суеверия, наша современная некромантия, созерцание кристаллов и все остальное было еврейским по своему происхождению; что все пороки демократии еврейского происхождения; что зло тиранического правления, например, в Пруссии, было еврейским по своему происхождению; что языческие извращения плохого современного искусства были еврейскими по своему происхождению; что зло демократии еврейского происхождения. ребячество с плохой церковной мебелью объяснялось еврейскими торговцами; что Великая война была продуктом еврейских оружейных фирм; что антипатриотические призывы, ослабившие армии союзников, исходили из еврейских источников - и так далее. Это действительно правда, что есть еврейское качество во всех этих разнообразных и противоречивых вещах, где к ним примешивается еврей; точно так же, как есть шотландское, или французское, или английское качество, когда шотландец, француз или англичанка являются посредниками. Но приписывать все кипение еврею и делать его сознательным источником всего - это противоречие в терминах.

Антисемит - это человек, настолько поглощенный своим предметом, что в конце концов теряет интерес к любому вопросу, если только он не может связать его со своим заблуждением, ибо оно и есть заблуждение.

В каком-то смысле, конечно, такое состояние ума является своего рода комплиментом еврейской нации. Если такая озабоченность ими не является дружественной, то она, по крайней мере, интенсивна, и те, против кого она направлена, вполне могут рассматривать это как доказательство их важности в мире. Но этот аспект явления не утешителен для будущего ни одного из нас — еврея, который сейчас нервно ожидает нападения, и нас, желающих предотвратить такое нападение.

Антисемиты гораздо многочисленнее и гораздо могущественнее, чем можно себе представить, читая ежедневную прессу; ибо пресса по большей части все еще придерживается условности игнорирования еврейской проблемы и находится под страхом финансовых результатов, которые могут последовать из ее обсуждения. О его вселенской деятельности еще нельзя прочитать в крупных газетах, но в разговорах и в повседневной жизни мы слышим о ней повсюду.

И здесь я могу отвлечься от одной современной особенности, которая применима ко всем политическим проблемам, и, следовательно, к этой еврейской проблеме среди прочих. Великие движения нашего времени никогда не *зарождались* в прессе больших городов. Они поднимаются и накапливают свою энергию в политических группировках, на народных собраниях и распространяют слухи задолго до того, как они появляются в этом главном инструменте распространения новостей. Это происходит потому, что пресса наших больших городов контролируется очень немногими людьми, целью которых является не обсуждение общественных дел, и тем более не предоставление полной информации своим согражданам, а накопление частного состояния. Поскольку эти люди, как правило, не являются образованными людьми, их не особенно заботит судьба государства, и они не способны понять из прошлого, каким может быть будущее, они никогда не предпримут большого движения, пока их к этому не вынудят. Напротив, они будут тратить энергию на то, чтобы вызывать ложное возбуждение по незначительным вопросам там, где они чувствуют себя в безопасности, и даже на то, чтобы использовать свои инструменты для рекламы своей собственной незначительной жизни. Во всем этом современная пресса наших больших городов очень сильно отличается от прессы прошлой жизни. Ею не всегда владели образованные люди, но ею руководили высокообразованные люди, которым была предоставлена полная свобода действий. Поэтому она занималась проблемами реальной важности и обсуждала с обеих сторон реальные различия во мнениях по этим вопросам. Наша современная пресса не делает ничего из этого; но именно потому, что она так неохотно выражает настоящие эмоции, она, когда эмоции навязываются ей, выплескивает их потоком. Точно так же, как оно не говорило правды, когда что-то росло, так и когда оно достигает крайности, оно не проявляет сдержанности. Напротив, если "трюк" будет захватывающим, он подтолкнет его (как только он вообще решится говорить об этом) к самой крайней форме и к последнему проявлению насилия.

Мы достаточно ясно видели это в чудовищных проявлениях внешней политики за последние десять лет, и мы видели это в отвратительной травле отдельных лиц, которой способствовала та же пресса.

Теперь в вопросе антисемитских настроений мы, я думаю, столкнемся с повторением точно такого же явления. Это чувство теперь распространено повсеместно. Она распространяется с пугающей быстротой, и рост ее интенсивности даже более примечателен, чем увеличение числа ее приверженцев. Рано или поздно — и довольно скоро, я полагаю, — пресса озвучит это. Когда это *произойдет*, оно, мы можем быть уверены, даст о себе знать в самой крайней, самой страстной, самой иррациональной форме; и когда это произойдет на поле, где страсти и без того столь необузданны, да поможет Бог их жертвам!

Антисемитская страсть, хотя и основанная в значительной степени на воображаемых вещах, приняла один метод действий, в высшей степени практичный. Это метод действий, тесно связанный с реальностью и дающий потрясающие результаты. Я имею в виду *составление документов*. Здесь, по всей Европе и Америке, он точно отметил и продолжает фиксировать все, что может быть сказано во вред его жертвам.

Она обнаружила у своего истока еврейское оружие секретности, представленное как барьер против нее. Глупость евреев в использовании такого оружия никогда не была продемонстрирована лучше, ибо из всех средств защиты его легче всего разрушить. Антисемиты немедленно отреагировали, проведя каждое расследование, собрав информацию,

выяснив и разоблачив истинные имена, скрытые под маской фальшивых, обнаружив и зарегистрировав отношения между людьми, которые притворялись, что не знают друг друга; они прорыли все разветвления анонимного финансирования и неизменно поймали еврея, стоявшего за крупными промышленными страховыми схемами, еврея, стоявшего за такой-то металлургической монополией, еврея, стоявшего за таким-то информационным агентством, еврея, финансировавшего такого-то политика. Эта огромная библиотека разоблачений распространяется ежедневно, и когда появится возможность для широкой публикации, ответа на нее не будет.

Величайшей ошибкой в мире является рассматривать антисемита с его огромной численностью, которой он сейчас достиг во всей нашей цивилизации, как совершенно непрактичного и, следовательно, ничтожного человека, который не может разработать грандиозный план действий просто потому, что он потерял чувство ценностей. Пока движение росло, методом встречи с ним всегда было высмеивание. Это был ложный метод. Сила антисемитизма была и остается основанной не только на интенсивности чувств, но и на трудолюбии, причем трудолюбии, очень точном в своих методах. Антисемитские брошюры, газеты и книги, которые крупная ежедневная пресса так тщательно бойкотирует, к настоящему времени образуют массу информации по всей еврейской проблеме, которая уже стала огромной и продолжает нарастать, и все это враждебно по отношению к евреям. Вы, конечно, не найдете в нем никаких материалов для допроса Обвиняемого, но как *досье* для обвинения оно поражает объемом, точностью и взаимосвязанностью.

Теперь в этой связи следует помнить, что документация особым образом влияет на человеческий разум. Точное цитирование очевидных вещей с помощью главы и стиха убеждает, как никакой другой метод, и антисемит готов к такому цитированию в очень большом масштабе, действительно, в первый момент, когда ему будет предоставлена широкая огласка, в которой сейчас отказано.

* * * * *

Более того, эта уверенность еврея в тщетности антисемитской пропаганды упускает из виду одну очень важную особенность. Антисемитская группа состоит из людей, сильно различающихся по опыту, суждениям и политике. И она состоит из слоев, сильно различающихся по интенсивности своей ненависти. В нее входят многие люди с административным опытом, многие люди с большими деловыми способностями, с нажитым состоянием, с талантом в делах. В нее входят люди, досконально разбирающиеся в европейской дипломатии; в нее входят люди (в большом количестве), обладающие литературным даром убеждать своих собратьев. Это не только верно, но, как я уже сказал, сюда входит большое "правое крыло", которое, поскольку они более сдержанны в выражениях, чем остальные, будет иметь больший вес; люди, которые вовсе не ослеплены своей ненавистью, хотя ненависть стала их главным мотивом; люди, которые сохраняют полную способность к организации плана действий и его осуществлению. Это правда, что существует определенная грань, которая отделяет антисемита от остальных тех, кто пытается решить еврейскую проблему. Это линия, отделяющая тех, чьим мотивом является мир, от тех, чьим мотивом является антагонизм. Это линия, разделяющая тех, чьей целью является действие против евреев, и тех, чьей целью является урегулирование. Но на антисемитской стороне этой линии, то есть среди тех, чья решимость заключается в подавлении и ликвидации еврейского влияния на пределе их

возможностей, сейчас гораздо больше, чем первоначальных энтузиастов, создавших движение.

Евреи также должны помнить, что сегодня каждый человек за пределами их собственной общины потенциально является антисемитом. Не все, возможно, даже еще не большинство, по крайней мере, в руководящих и более богатых классах, настроены к евреям иначе, чем дружелюбно или безразлично, но в каждом, кто не является евреем, выросло нечто вроде реакции против еврейской власти. Нужен всего лишь несчастный случай, чтобы превратить это из скрытого и незначительного явления, которым оно является у большинства мужчин, в гневную страсть. Я заметил, что среди самых яростных антисемитов есть те, кто провел значительную часть своей юности в неведении обо всей проблеме. Они неожиданно сталкиваются с евреем в каких-то враждебных им отношениях - они теряют деньги в результате какой-то еврейской финансовой операции, или они впервые в среднем возрасте связывают несколько своих несчастий с общим элементом еврейских действий, или они обнаруживают, что евреи замешаны в каком-то нападении на их страну: с тех пор они стали и остаются нераскаявшимися антисемитами.

Обманутый, когда он обнаруживает, что его одурачили, опасен, и есть даже значительная категория тех, кто ничего не пострадал, даже случайно, от рук еврея, но кто, когда они обнаруживают, в чем заключается еврейская сила, чувствует, что с ними сыграли, и злится на обман.

Так было и будет с антисемитизмом, как и со всеми движениями. Когда они зарождаются, их высмеивают. По мере того как они растут, их начинают бояться и бойкотировать; но о тех, кто добился успеха, можно справедливо сказать, что момент успеха наступает, когда они поворачивают за угол и из прихоти становятся модой.

До сих пор (сомнительно) в моде отделять себя от антисемитского движения. Вы все еще слышите, как люди, когда они пишут или говорят о еврейской проблеме, независимо от того, с какой враждебностью относятся к евреям, как правило, оправдывают себя в начале своих высказываний словами: "Я не антисемит". Ибо какой-то привкус старой насмешки все еще связан с этим названием. Но мода быстро меняется, и новая мода, которая приходит, чтобы поддержать растущую вещь, когда она действительно приходит, приходит потоком.

Все мы помним время, когда разговоры о национализации, старые разговоры о государственном социализме, были разговорами нескольких чудаков, которых повсюду высмеивали и презирали. Сегодня это мода; и практика государственного контроля, государственной поддержки, универсальность действий государства такова, что именно те, кто выступает против этого, теперь являются чудаками.

Все мы помним тот день, когда в Соединенных Штатах сторонник запрета был чудаком, причем очень непопулярным чудаком. Мы видели, как мода захватила его с удвоенной силой.

Мы все помним тот день, когда сторонники избирательного права женщин в Англии были действительно очень маленькой группой чудаков: мы знаем, что там произошло!

Силы, толкающие мужчин в антисемитский лагерь, намного сильнее сил, действующих на основе этих старых увлечений избирательным правом женщин, сухим законом и прочим. Это личные, интимные силы, возникающие из сильнейших расовых инстинктов и самых горьких

индивидуальных воспоминаний о финансовых потерях, порабощении, национальном бесчестии.

Например, сегодня любой немец, с которым вы можете поговорить о его великой катастрофе, ответит вам, что в этом виноваты евреи: что евреи охотятся на падшее тело государства; что евреи - "крысы в Рейхе". На одного человека, который обвиняет старые военные власти в несчастьях, последовавших за войной, приходится двадцать человек, обвиняющих евреев, хотя они были архитекторами былого процветания Германии, и среди них было больше противников войны, чем среди любой другой части подданных императора. Это всего лишь один пример; вы обнаружите, что он повторяется в той или иной форме почти во всех других государствах современного мира.

Антисемит стал сильной политической фигурой. В данный момент считать его политику тщетной - большая и опасная ошибка. Это политика действий, которая может перейти от плана к исполнению прежде, чем мы успеем это осознать.

Много лет назад цитировался — и я сам цитировал его с одобрением — знаменитый вопрос, заданный внимательным и разумным наблюдателем за общественными делами на Континенте самому видному в то время континентальному антисемиту. Вопрос был такой: "Если бы у вас была неограниченная власть в этом вопросе, что бы вы сделали?" Подразумеваемый ответ заключался в том, что антисемит ничего не мог сделать. Он не мог издать закон, который разделял бы евреев, потому что они могли избежать этого закона, смешавшись с теми, кто их окружал. Он не мог издать закон, изгоняющий их; ибо, во-первых, было бы невозможно дать им определение; во-вторых, даже если бы это было возможно, те, кто был определен, не были бы приняты нигде. Что он мог сделать? Я говорю, что подразумевалось, что он ничего не мог сделать; предполагалось, что в присутствии этого вопроса он признает свою бесполезность.

К сожалению, теперь мы знаем, что он *может* что-то сделать. Антисемит может преследовать, он может нападать. Имея за спиной достаточную силу, он может разрушать. В большинстве этих разрушений за ним, при нынешнем настроении и в большинстве стран, стояла бы масса общественного мнения. Он мог бы начать с широкомасштабного изучения еврейского богатства и его происхождения и столь же широкомасштабной конфискации. Он мог использовать страх перед такой конфискацией в качестве оружия для принуждения к разглашению еврейского происхождения там, где человек желал его скрыть. Он мог бы сделать это не только в отношении богатых людей, но, посредством террора состоятельных людей, по всей еврейской общине. Он мог бы ввести регистрацию, а вместе с ней и сегрегацию евреев. Вдохновленный не желанием достичь соглашения, приемлемого для них, а исключительно для соглашения, приемлемого для *него самого*, он мог бы стремиться к такому жесткому урегулированию, и даже если он может не достичь своей цели, неприятно представлять, что он может сделать на пути к ней.

Но даже несмотря на то, что антисемиту не удастся обрести полную власть, с его значительным увеличением численности и интенсивностью чувств остаются связанные первостепенные вопросы: "В чем *смысл* всего этого? Почему оно возникло? Почему оно распространяется? Какие силы питают его?"

Это главные вопросы, на которые не мешало бы ответить тем, кто сожалеет о наличии такой страсти в политике, тем, кто встревожен этим, тем, кто, подобно самим евреям, должен, если

они хотят избежать катастрофы, защищаться от нее. Пока еще не было достаточно времени, чтобы полностью ответить на эти вопросы или оценить эту замечательную реакцию во всей ее полноте, но мы уже можем судить о ней частично. Антисемитское движение, по сути, является реакцией на ненормальный рост еврейского могущества, и новая сила антисемитизма в значительной степени обусловлена самими евреями.

Когда этот гневный энтузиазм вновь возник в своей современной форме, сначала в Германии, затем распространился на Францию, затем появился и теперь быстро растет в Англии, он был новым и ограничивался небольшими группировками. Истины, которые она провозглашала, были тогда столь же незнакомы, как и ложные ценности, на которые она также опиралась. Та универсальная политика евреев, возражать против которой является частью моего тезиса, политика естественная, но от этого не менее ошибочная, политика *секретности*, политика *сокрытия*, сразу же воспользовалась тем, что было абсурдным в новизне антисемитизма. Еврей, несмотря на свой вековой опыт угрозы и активной враждебности, несмотря на то, что он знал о том, что такого рода дух производил в прошлом, не стал открыто заявлять об этом. Он не выступил против нового нападения с открытым возмущением, тем более с открытой аргументацией, как ему следовало бы сделать. Он воспользовался его абсурдностью в самом начале, в глазах широкой публики. Он приложил все свои усилия, чтобы сделать слово "антисемит" ярлыком для чего-то безнадежно нелепого, предметом простого смеха, вопросом, который ни один разумный человек не должен ни на минуту рассматривать всерьез.

Где-то от двенадцати до двадцати лет эта политика была успешной. Хотя с течением времени метод становился все менее и менее прочным, он еще не совсем провалился. Тем не менее эта политика была очень опрометчивой. Это использовалось не только для высмеивания антисемита, но и для того, что было совершенно незаконным, совершенно иррациональным (и в конечном итоге могло оказаться фатальным), это использовалось для предотвращения любого обсуждения еврейского вопроса, хотя этот вопрос с каждым днем приобретал все большее практическое значение и требовал решения.

Инстинктивной политикой по отношению к массам еврейской нации, преднамеренной политикой по отношению к большинству ее лидеров было не только высмеивать антисемитизм, но и называть "антисемитским" любое обсуждение еврейской проблемы вообще или, если уж на то пошло, любую информацию даже по еврейской проблеме. Он использовался для предотвращения посредством насмешек любого утверждения какого-либо факта в отношении еврейской расы, за исключением нескольких обычных комплиментов или нескольких обычных и безобидных шуток.

Если человек намекал на присутствие еврейской финансовой мощи в каком—либо регионе — например, в Индии- он был антисемитом. Если он интересовался своеобразием еврейских философских дискуссий, особенно в вопросах, касающихся религии, то он был антисемитом. Если эмиграции еврейских масс из страны в страну, например, масштабное современное вторжение в Соединенные Штаты (которое было организовано и контролировалось подобно армии на марше), интересовали его как историка, он не мог говорить об этом под страхом быть названным антисемитом. Если он разоблачал финансового мошенника, который случайно оказался евреем, он был антисемитом. Если он разоблачал группу парламентариев, отбравших деньги у евреев, он был антисемитом. Если он просто называл еврея евреем, он был антисемитом. Смех, который вызывало это название, был самым глупым образом использован

для поддержки чего-либо более благородного или определенного, чем эта жалкая политика сокрытия. Любой здравомыслящий человек мог бы сказать евреям, если бы евреи захотели проконсультироваться с таким человеком, что их малодушная политика обречена на провал. Это была всего лишь отсрочка злого дня.

Вы не сможете долго путать интерес с ненавистью, утверждение простых и важных истин с манией, обсуждение фундаментальных вопросов с глупым энтузиазмом, по той же причине, по которой вы не сможете долго путать правду с ложью. Рано или поздно люди неизбежно заметят, что обвиняемый, по-видимому, странным образом стремится избежать любого расследования своего дела. В тот момент, который обычно наблюдается, защита находится на пути к провалу.

Я говорю, что это была фатальная политика; но она была сознательно предпринята евреями, и теперь они страдают от ее результатов. Как следствие, по всей Европе есть масса простых людей, которых эта ложная насмешка не только не отпугивает от обсуждения еврейской проблемы, но и более чем когда-либо полна решимости поднять ее в открытую и урегулировать рациональным и окончательным образом.

Само по себе это, возможно, не принесло бы большого вреда. Это просто означало бы, что ложная политика потерпела неудачу, и что надлежащее откровенное и лояльное обсуждение привело бы к замалчиванию всего этого и бойкоту. К сожалению, ложная политика имела другие, гораздо худшие последствия. Это привело в ярость людей, которые уже начали интересоваться политическими дискуссиями и которые не потерпели бы незаслуженных насмешек. Это породило в мире решительную оппозицию евреям. Дело не совсем в том, что антисемит уже победил или даже определенно находится на пути к победе, но теперь у него есть свой шанс на победу. В то время как несколько лет назад против него была настроена волна, сейчас, по вине самих евреев, она переломилась. Сейчас он, правда, находится на крайнем фланге, но *привязан* к очень большой организации, которая уже сильно настроена против евреев, ей не нравится их присутствие среди нас, и она полна решимости действовать против них не только там, где они все еще обладают большой властью, но и там, где эта власть заметно ослабевает, и даже там, где они находятся в опасности.

Рассматривая эту растущую угрозу, не следует забывать, что политика, которая не достигает цели, не является по этой причине бесполезной. Не следует забывать, что в умах многих людей (можно сказать, в умах большинства людей) в периоды возбуждения политика репрессий, хотя и не всегда достигающая завершенности, все же может продолжаться: она может войти в привычку и продолжаться бесконечно, причиняя огромные страдания своим жертвам. Евреи видели, как это происходило во многих небольших народностях, отличных от их собственной. Они, без сомнения, видели, что продолжающиеся репрессии, действующие в атмосфере столь же непрерывного восстания, обычно в долгосрочной перспективе терпели неудачу, но они должны признать, что поддержание таких репрессий, со всеми сопутствующими им моральными и физическими пытками, конфискациями, изгнаниями и всем остальным, часто было затянувшейся политикой. В некоторых случаях это растягивалось на столетия. Это неправда, что, поскольку политика не направлена на полное урегулирование, следовательно, ее нельзя предпринять и энергично проводить в жизнь. Это возможно. Снова и снова враждебная сила пыталась устранить оппозицию или даже противопоставление, и устранять это любыми средствами, включая саму резню. Иногда, очень редко, это удавалось. Обычно в долгосрочной перспективе это приводило к неудаче. Но в подавляющем большинстве случаев это, во всяком

случае, продолжалось еще долго после того, как неудача стала очевидной. Такова опасность, исходящая от явления, которое я рассмотрел в этой главе. Было бы безумием со стороны евреев пренебрегать этим явлением. Сейчас они настолько многочисленны, полны убеждений и страсти, что угрожают всему их ближайшему будущему в нашей цивилизации. Мы исследовали их конечные причины. Его непосредственной причиной, причиной его внезапного развития и нынешнего поразительного роста, как мы видели, является еврейская акция в России, и к этому, чего я уже касался в своей третьей главе, где я в общих чертах описал последовательность событий, приведших к нынешней ситуации, я обращусь в следующий раз, чтобы провести более подробное исследование. Ибо, несомненно, именно внезапное появление еврейского *большевизма* привело ситуацию к нынешнему кризису.

БОЛЬШЕВИЗМ

ГЛАВА VIII

БОЛЬШЕВИЗМ

Большевистский взрыв, который, я думаю, войдет в историю как отправная точка, с которой будет отсчитываться новое отношение западных наций к евреям, - это не только область, в которой мы можем изучать пагубное влияние секретности, но и та, в которой мы можем проанализировать все различные силы, которые стремятся втянуть Израиль в такой непрерывный конфликт с окружающим его обществом.

Поэтому оно заслуживает особого рассмотрения и как возможность для изучения нашего предмета, и как поворотный момент первого момента в истории.

Почему еврейская организация пыталась таким образом преобразовать общество? Почему она использовала методы, которые, как мы знаем, она использовала? Почему было выбрано именно это место? Какую цель имели в виду действующие лица? Какой степени успеха они надеялись достичь? Каким методом они предлагают расширить свое влияние? Когда мы сможем ответить на эти вопросы, мы далеко продвинемся к раскрытию почти фатальных причин конфликта между этой своеобразной нацией и теми, среди кого они проживают.

Ответы, которые обычно дают на эти вопросы признанные враги еврейской расы, всегда неадекватны и часто ложны. Когда они содержат элемент истины (что они часто и делают), этой истины совершенно недостаточно для объяснения всех явлений в целом. Но наслоения лжи и преувеличений делают все это необъяснимым — действительно, эти объяснения русской революции являются очень хорошими примерами того, как европеец настолько неправильно понимает еврея, что приписывает ему силы, которыми ни он, ни какой-либо другой бедный смертный никогда не сможет воспользоваться.

Таким образом, нас просят поверить, что этот политический переворот был частью одного высокоорганизованного заговора многовековой давности, агентами которого были миллионы людей, поклявшихся уничтожить наше общество и действующих в полной дисциплине под руководством нескольких лидеров, обладающих сверхчеловеческой мудростью! На первый взгляд, это чепуха. Мужчины не способны действовать подобным образом. Они слишком ограничены, слишком разнообразны.

Более того, мотив полностью отсутствует. Зачем просто разрушать и почему, если ваша цель - просто разрушать, проявляются такие большие различия в ваших целях? Можно справедливо сказать, что всегда существует тенденция к реакции на чуждое окружение, и в той мере, в какой эта реакция интенсивна и эффективна, она разрушительна для этого окружения. Можно указать, что такая реакция в случае с евреями, как и в случае со всеми другими инопланетными телами, в основном бессознательна и инстинктивна. Все это достаточно верно; но концепция обширного многовекового заговора, кульминацией которого стало современное российское дело, не выдерживает критики не больше, чем соответствующая галлюцинация, которая заставила людей поверить, что французская революция (явление, совершенно отличное по своему характеру от российской) была простым внешним выражением строго дисциплинированной тайной организации. В случае с Французской революцией все было списано (предшественниками современных энтузиастов-антисемитов) на тайную агентуру ордена тамплиеров, неустанно действовавшую на протяжении шести столетий и, наконец, свергнувшую французскую монархию. В случае, конечно, большевистской анархии дается еще больший диапазон для конечного результата: для "тамплиеров" читай "евреев", а для "600" читай "2000" лет. Это все дым.

Более серьезным является утверждение, что это объединение евреев для разрушения старого русского общества было актом расовой мести. В этом есть большая доля правды. Нет никаких сомнений в том, что большая часть евреев, пришедших к власти в российских городах четыре года назад, испытывали жажду мести старому Русскому государству, сравнимую с той, которую испытывает любой угнетенный народ по отношению к своим угнетателям. Вероятно, это было даже более интенсивно, чем любой другой пример, который можно было бы привести. Мы все свидетели того, как русский народ, религия и правительство, и особенно личность и должность императора, подвергались нападкам и порицанию со стороны евреев в Западной Европе, того, как евреи постоянно устраивали заговоры против Российского государства, и жестоких репрессий, которым они подвергались. Когда вы высвобождаете такую неистовую силу ненависти, что она может простирается до бесконечности. Это внезапное высвобождение, эта внезапная возможность удовлетворить жажду мести, должно быть, объясняет очень большую часть того, что последовало. Но даже это не объясняет всего. Это объяснило бы простую резню и простой хаос. Это не объясняет попыток — довольно жалких попыток — строительства и явно разработанной системы руководства, которая продолжалась в том же духе с тех пор, как евреи впервые пришли к власти, и все еще полностью проявляется после почти пяти лет этой власти.

Еще менее достаточно сказать, что еврей повсюду является организатором и лидером революции и что в России мы видим его за работой с большей энергией и тщательностью только потому, что там больше возможностей.

Еврей не везде революционер. Он везде недоволен чуждым ему обществом: это естественно и неизбежно. Но он не использует свою власть неизменно или даже обычно для свержения

установленного социального порядка, от чего, кстати, он часто в значительной степени выигрывает.

Вы не найдете в истории еврея, постоянно возглавляющего бесчисленные восстания, которые граждане в массе своей совершают против привилегированных или превосходящих условий меньшинства. В прошлом эти движения иногда приносили ему пользу; чаще всего он страдал. Мы часто находим отдельных евреев, симпатизирующих революционной стороне, но мы также находим много отдельных евреев, симпатизирующих другой стороне. В истории Европы еврей не был главным проводником революции, совсем наоборот. Великие акты насилия, успешные и неудачные, которыми отличалось наше общество от аграрных проблем языческого Рима до Французской революции, сухопутной войны в Ирландии, чартистского движения в Лондоне или любого другого современного движения, на ваш вкус, гораздо больше апеллировали к боевым инстинктам и политическим традициям *нашей* расы, чем к евреям. Они повсюду отмечены отношением к собственности и патриотизмом, которые прямо противоположны характеристикам евреев. Революции прошлого были направлены на лучшее распределение собственности и улучшение состояния государства. Часто они предпринимались открыто, потому что патриотизм был оскорблен поражением в войне и потому что считалось, что Nation предали. Обычно они были джинго и всегда выступали за распределение богатства.

Уникальной чертой русской революции и попыток ее распространения в других странах является то, что она отвергает патриотизм и раздел собственности. Этим он отличается от всех остальных; и это заметно, очевидно, *еврейский*. Но почему у евреев был шанс действовать в России, которого у них не было в других местах?

Каковы были особые черты "Русской возможности", которые сделали еврея создателем всего движения?

Я полагаю, что в данном случае присутствуют три основных фактора, особенно подходящих для еврейских усилий.

Во-первых, эта революция обрушилась на особый социальный феномен и была направлена против него, в котором заглох этот глубокий инстинкт европейца - стремление к оседлой собственности. Оно обрушилось на состояние дел, называемое *Промышленным капитализмом*, главным признаком которого является разрушение в подвергшихся ему массах (или, во всяком случае, атрофия) этой существенной части европейской души — собственности. Еврей, несомненно, неспособен сочувствовать нам в этом центральном ядре наших гражданских инстинктов. Он никогда не понимал европейского чувства собственности, и я сомневаюсь, что он когда-нибудь поймет.

Но в России *промышленный капитализм* был совершенно новым явлением. Негодование против него было сильным. Жертвы были сыновьями крестьян или сами родились крестьянами, так что эта пролетарская масса в российских городах, хотя и составляла менее десятой части всей нации, была особенно открыта для пропаганды против своих хозяев. И успешно проведенная атака на это самое слабое место современного капитализма может легко увенчаться успехом и *затем* распространиться на соседние промышленно развитые центры в Польше, Германии и так далее на запад.

Теперь атака на это международное явление, атака, направленная против промышленного капитализма, требовала международных сил. Ей нужны были люди, имеющие международный опыт и готовые предложить международную формулу.

Сегодня в Европе есть две, и только две, организованные международные силы, обладающие душой и самобытностью. Одна - католическая церковь, а другая - еврейство. Но католическая церковь, по причинам, которые я сейчас рассмотрю, не может и никогда не будет напрямую нападать на промышленный капитализм. Оно, несомненно, нападет на эту систему с фланга и косвенно разрушит ее в долгосрочной перспективе везде, где Вера имеет сильную власть над массами людей. Но оно не будет и не может атаковать ее напрямую. Еврей, с другой стороны, волен нападать на это именно потому, что наше чувство собственности ничего для него не значит, является для него чем-то странным и даже, я думаю, комичным. Далее, еврей присутствовал, он был на месте. Церкви не было.

Таким образом, из двух существующих международных сил только евреи могли действовать.

Здесь я должен отвлечься и сказать, почему другая великая международная сила, католическая церковь, не смогла — и никогда не сможет — атаковать промышленный капитализм в целом и напрямую, хотя, как я уже сказал, она действует косвенно как растворитель этого зла и уничтожит его везде, где общество остается католическим. Католическая церковь, не только в своей абстрактной доктрине, но и действуя как выражение нашей европейской цивилизации, глубоко привержена концепции частной собственности. Это делает семью ячейкой государства и предполагает, что свобода семьи наиболее безопасна там, где она является собственницей. Как и все европейцы, оно инстинктивно или явно понимает, что собственность является коррелятом свободы или, во всяком случае, того единственного вида свободы, который мы, европейцы, хотим иметь: что она является гарантией духовного здоровья (признаком которого является юмор), широты и разнообразия в действиях, гибкости государства, постоянства институтов. Собственность, распределенная настолько широко, насколько это возможно, но священная как принцип, является неизбежным социальным сопровождением католицизма.

Помимо этого, отрицание того, что частная собственность аморальна, также является определенной чертой католической доктрины. Ни один католик не может сказать, что частная собственность аморальна, не отрезав себя от Общения с Церковью, так же как он не может сказать, что власть в государстве аморальна. Он не может быть коммунистом с точки зрения абстрактной морали так же, как не может быть анархистом.

В настоящее время промышленный капитализм - это болезнь собственности. Это чудовищное положение дел, при котором очень немногие люди извлекают свою огромную выгоду из соответствующего факта, которым большинство людей, которых они эксплуатируют, не владеют.

Но остается верным, что краеугольным камнем капитализма является чувство собственности как у масс, так и у немногих привилегированных. Единственная моральная сила, остающаяся у промышленного капитализма, единственная духовная связь, препятствующая его распаду, — это признание европейским сознанием того, что собственность является правом, даже собственность в болезненной и преувеличенной форме.

Все операции Промышленного капитализма основаны на неприкосновенности собственности и святости контракта, которые развиваются из святости собственности. И всякий раз, когда

общество теряет это чувство, промышленный капитализм впадает в хаос. Церковь не может отрицать этот единственный моральный принцип. Его действия всегда будут направлены на разрушение огромных накоплений, продвигаемых капитализмом. Это всегда будет косвенно способствовать установлению хорошо разделенной собственности - идеала, определенного голосом великого современного папы римского Льва XIII, который недвусмысленно заявляет об этом в своем *Новом завете*. Но Церковь никогда не сможет пойти коротким путем и уничтожить Промышленный капитализм с корнем и ветвями сразу, противопоставив ему доктрину коммунизма или (как многие люди называют разбавленный коммунизм) "Социализма". Он никогда не сможет сделать этого теоретически, и еще меньше он когда-либо сделает этого на практике. Католическое общество всегда будет стремиться быть обществом собственников: со всеми элементами сотрудничества, с Гильдией, с массой корпоративной собственности, прикрепленной к государству или связанной с городом, с колледжем, с корпорацией. Ибо без такой корпоративной собственности в государстве собственность никогда не будет хорошо обоснована.

У еврея нет ни этого политического инстинкта в его национальной традиции, ни религиозной доктрины, поддерживающей и выражающей такой инстинкт. То же самое в нем, что делает его спекулянтом и кочевником, ослепляет его и делает фактически презирующим европейское чувство собственности. Следовательно, когда мы достигнем, благодаря промышленному капитализму или любой другой социальной болезни, состояния дел, при котором практическое отрицание собственности возможно, потому что масса людей утратила желание обладать ею, и когда отказ от собственности предлагает немедленное решение невыносимого зла, тогда еврей может сразу же проявиться как лидер.

В таком движении нужно найти международного лидера, потому что болезнь интернациональна, и еще больше потому, что предлагаемое лечение этой болезни с помощью коммунизма *должно* быть международным, если мы хотим добиться успеха. Коммунистическое общество может стоять особняком от общего общества собственников в других странах, но если оно хочет преуспеть в конкуренции с ними, оно должно обратить их в свою веру.

Еврей принимал международные действия как должное. Он придерживался узкого и ложного экономического взгляда на собственность — что это всего лишь институт, который можно изменять бесконечно и, при необходимости, упразднить. У него была очевидная возможность стать лидером, предоставленная ему, когда потребовались международные действия против собственности. Опять же, наше национальное чувство, патриотизм, который непонятен еврею, за исключением ложной аналогии с его собственным специфическим кочевым и племенным патриотизмом, является сдерживающим фактором для коммунизма и, действительно, для революции любого рода. Мыслительный процесс патриотически настроенного гражданина — в значительной степени бессознательный, но от этого не менее эффективный — примерно таков:

"Я могу функционировать только как гражданин своей страны, и, более того, эта нация сделала меня тем, кто я есть. В некотором смысле она мой создатель и поэтому имеет власть надо мной. Я должен даже пожертвовать своей жизнью, защищая его, если это необходимо, потому что без его существования меня и таких, как я, не могло бы быть. Мое счастье, моя свобода индивидуальных действий, мое самовыражение - все это связано с существованием гражданской единицы, частью которой я являюсь. Если что-то, что кажется мне абстрактным благом или что, по-видимому, принесет мне материальное благо, представляет опасность для

этой гражданской единицы, я должен отказаться от этого блага, рассматривая продолжение существования и силу моего народа как большее благо, ради которого следует пожертвовать меньшим".

Это, я говорю грубо, выражение патриотического инстинкта в европейском человеке. Это то, что он чувствовал ко многим и многим великим государствам в прошлом и ко всем политиям, к которым он когда-либо принадлежал; это то, что он чувствует сегодня к своей стране.

Еврей, конечно, испытывает те же чувства к своему Израилю, но поскольку эта нация не является сборищем людей, населяющих одно место и живущих по традициям, укоренившимся в его почве, поскольку она не имеет сильной, видимой внешней формы, его патриотизм обязательно имеет другой оттенок. Это имеет разный смысл, и наш патриотизм кажется ему ничтожным.

Подразумеваемые ошибки, присутствующие в современных формулах промышленной революции, в таких фразах, как "Какая разница рабочему, эксплуатируется ли он немецким или английским хозяином?" или, опять же, "Почему отдельный Том Смит должен быть принесен в жертву абстракции под названием Англия?" или опять же, "Национализм — величайшее препятствие на пути полного развития человечества" - все такого рода вещи, которые мы чувствуем инстинктивно и можем, если необходимо, доказать разумом, что в нашем случае они являются бессмыслицей, звучат для еврейских ушей как очень здравый смысл. Ибо в его случае эти вещи вообще не содержат ошибок; они применимы к *нему* живо и точно. Почему еврей должен быть принесен в жертву Англии? Каким образом Англия, или Франция, или Ирландия, или любая другая нация необходимы *ему*? Опять же, разве в его глазах не очевидно, что эти термины "Франция, Ирландия, Англия, Россия" - всего лишь абстракции? *Реальная* вещь в его глазах, когда он думает о нас, - это человек и его определенные потребности, особенно его физические и материальные потребности; потому что в этом не может быть никаких сомнений; в этом все согласовано; это видно и осязаемо. "Англия", "Франция", "Польша" - это причуды.

Это правда, что если бы вы с такой же силой изложили еврею его особый случай и сказали: "Ни один еврей не должен подвергаться никакому риску ради Израиля", "ни один еврей не должен испытывать никаких неудобств, пытаясь помочь товарищу-еврею в беде", "идея Израиля — это расплывчатая абстракция - все, что имеет значение, это отдельный еврей и особенно его физические потребности"; если бы вы сказали что-то подобное, вы оскорбили бы самые глубокие инстинкты еврейского патриотизма и фактически вступили бы в конфликт с открытыми и скрытыми действиями евреев по всему миру. Но еврей ответил бы, что, поскольку его государство является международным, аргумент, применимый к нашему национальному государству, к нему неприменим; что его чувства, хотя и аналогичные нашим, были иного рода, и что, во всяком случае, он не может пожертвовать прекрасной идеей коммунизма, подобной ему, ради наших провинциальных и местных привычек, которые мы, европейцы, называем "любовью к нашей стране".

В бизнесе есть нечто большее. Даже те истины, которые, как мы знаем, являются истинами, мало влияют на нас, если только они не входят в практику нашей жизни. Несомненно, найдется немало евреев, которые сразу же признали бы истинность любого националистического заявления, сделанного европейцем. Когда француз, или англичанин, или русский говорит ему: "Мой первый долг перед моим народом; я должен поддерживать его силу, а также существование, и я должен жертвовать своими интересами ради их интересов, когда это

необходимо", - многие евреи ответили бы: "Вы совершенно правы. Теория вполне здравая. Человек может функционировать только как часть определенного общества" и так далее; но одно дело признавать истину, а другое дело испытывать ее, так сказать, на собственном опыте, и эти истины, даже там, где он их признает, являются истинами, безразличными для еврея.

Поэтому, когда, как в конкретном случае с Россией, национальное чувство вставало на пути абстрактного идеала, еврею казалось самой естественной вещью в мире, что национальное препятствие должно быть устранено, чтобы его идеал коммунизма мог восторжествовать.

За этими великими переменами в русских городах и захватом еврейскими комитетами того, что осталось от российского правительства, стояла сила в высшей степени позитивная. Это было чувство социальной справедливости, негодование против неоправданного зла.

Это чувство социальной справедливости, это возмущение неоправданным современным злом мы все испытываем. Среди более богатых классов Западной Европы могут быть люди, которые настолько невежественны в прошлом или настолько глупы, что искренне верят, что промышленный капитализм неизбежен и даже, возможно, хорош. Но такие мужчины, должно быть, очень редки. Они не только должны быть редкими, но и не могут иметь большого социального опыта. Человеку достаточно всего один день пожить жизнью бедняка в больших промышленных городах, чтобы увидеть чудовищность зла, которое необходимо исправить. Конечно, есть не несколько, а многие тысячи людей, которые пытаются найти аргументы в пользу промышленного капитализма, либо потому, что они извлекают выгоду для себя через систему и становятся от этого богаче, либо потому, что они являются наемными слугами тех, кто извлекает выгоду, — и к такого рода писателям относятся в капиталистической прессе. Но всеми этими наемными адвокатами или адвокатами, имеющими прямой имущественный интерес в продолжении распространения современной болезни, можно пренебречь, поскольку они не действуют добросовестно. На самом деле они не утверждают, что вещь хороша сама по себе, они лишь пытаются найти аргументы, как это делают юристы, в пользу чего-то, что они должны защищать и что в глубине души они признают злом; или ко злу, к которому они равнодушны до тех пор, пока оно доставляет им непропорционально большую долю материального наслаждения.

Мы должны добавить к ним искреннего человека, который признает господство промышленного капитализма, потому что он искренне верит, что, как бы плохо это ни было, это *сейчас* стало неизбежным и что вмешательство в это привело бы все государство к анархии. "Такая, какая она есть, - говорил он, - структура нашего общества теперь зависит от этого. Мы можем смягчить его пороки, мы можем попытаться очень постепенно преобразовать его худшие черты. Но по своей сути это должно остаться таким, как есть, иначе наше последнее состояние будет хуже первого".

К этому типу относятся те, кто утверждает, что любой социальный эксперимент, противоречащий промышленному капитализму, если зайти достаточно далеко, приведет к голоду и хаосу и даже к физическому злу, гораздо худшему, чем физическое зло, от которого приходится страдать массам людей в больших городах, созданных капитализмом.

За исключением этих категорий, говорю я, массы людей сегодня убеждены, что промышленный капитализм - это зло, зло самого грубого рода; зло, неизвестное большей части человеческой истории и неизвестное сегодня большей части человеческого рода; зло, которого крестьянские

общества или общества с хорошо разделенной собственностью по всей Европе счастливы избежать; и зло, от которого мы, попавшие в его ловушку, пытаемся убежать изо всех сил.

В этой модифицирующей фразе "насколько это возможно" заключается суть, поскольку подавляющая масса европейцев считает, что любая атака на промышленный капитализм, которая лишает нацию ее высшего места или которая препятствует выполнению высшей задачи сохранения нации сильной и богатой, запрещена; они также инстинктивно чувствуют, что любая атака, которая отрицает общее право частной собственности и ценность этого института для здорового ведения наших дел, также запрещена. Огромная масса нашей расы, столкнувшись с проблемой промышленного капитализма, чувствует, что она должна быть решена каким-то образом, который не уничтожит ни собственность, ни нацию, благодаря которым может функционировать только индивид.

Но то, что верно для огромной массы нашей расы, не верно для евреев. Поэтому они смогли, в случае с русской революцией, идти прямо к своей цели, и этой целью было (помимо очевидной цели мести, властолюбия и прочего) уничтожение экономического неравенства.

Эти евреи, разрушившие то, что мы знали как Россию, несомненно, обладали политическим идеалом: идеалом коммунизма. Без сомнения, многие люди среди них (все в конечном счете) предпочли бы благо Израиля благу любого русского. Несомненно, жажда мести бывшим угнетателям была сильна, как и стремление уничтожить общее и национальное чувство, чуждое им и даже отталкивающее; но за всем этим остается позитивный мотив - идеал коммунизма. Из всех присутствующих сил только евреи были способны искренне придерживаться этого идеала и были свободны от всех препятствий на пути к его достижению — препятствий патриотизма, препятствий религии, препятствий чувства собственности.

Эти соображения, я полагаю, и объясняют еврейский характер переворота на Востоке с его уничтожением русской нации, его огромными экспериментами в социальной экономике, неизбежным обнищанием государства в целом, его восторженной поддержкой меньшинства, принимающего его доктрину.

Те очень немногие мужчины и женщины, которые были свидетелями еврейского эксперимента в России (исключая тех, кто занимался пропагандой с той или иной стороны), рисуют нам картину, во многом соответствующую тому, чего нам следовало ожидать от ситуации.

Кажется, что огромная масса нации с величайшей силой утвердила инстинкт частной собственности, и что около девяти десятых россиян обосновались на земле, на которую они всегда претендовали и на которой их чувство собственности обострено как никогда. В городах противоестественная система — противоестественная, потому что она противостоит всем нашим инстинктам европейцев — работает все более и более вяло по мере того, как первоначальная система террора ослабевает. Ибо ясно, что коммунизму нужен деспот, а активное правление деспота неизбежно непродолжительно: это система, неспособная к переходу и, следовательно, к продолжительности.

Вполне объяснимое, но прискорбное осуществление евреями мести было направлено против того, что мы эвфемистически называем правящими классами, которые были массово истреблены и остатки которых подвергаются постоянным преследованиям.

Производительность промышленных масс естественным образом упала до очень низкого уровня, потому что при коммунизме они могут работать только благодаря чему-то вроде военной дисциплины, а работа, выполняемая в этих условиях, имеет гораздо более низкий производственный уровень, чем свободный труд.

Но реальный интерес к еврейской революции в России, к которой теперь навсегда прикреплено название большевистской (что является не чем иным, как русским переводом "всесокрушающий"), заключается в этих двух моментах: во-первых, продолжающейся пропаганде коммунизма по всему миру (организация и направление этой пропаганды находятся в руках еврейских агентов); во-вторых, и это гораздо важнее, эффект еврейской революции в порождении враждебности к евреям во всем мире.

Я говорю, что этот второй факт гораздо важнее, потому что он более реален и более долговечен. Вы никогда не сделаете коммуниста из высокоцивилизованного, цепкого, умного и с чувством юмора западного европейца. Вы не больше сделаете из него коммуниста, чем заставите его ходить на четвереньках или навсегда отказаться от употребления хорошего алкоголя. Вы можете заставить чудаков из среднего класса принять коммунизм просто как символ веры, и, конечно, вы можете легко заставить раздраженных людей, подавленных капитализмом, принять *любую* теорию, *любую* систему, которая обещает им облегчение. Но вы не добьетесь, чтобы коммунизм сработал в людях, которые могут похвастаться старой европейской кровью, в потомках тех, кто создавал наше прошлое и его памятники. Они, безусловно, сохраняют свои традиции и свой характер. Хотя с этой опасностью необходимо бороться, и с ней успешно борются повсюду, для Запада это не такая уж серьезная опасность.

Другой эффект еврейской революции в России — опасность, которой она подвергла самих евреев, — *является* постоянным и *имеет* первостепенную величину. Я не знаю другого способа ответить на это, кроме как объяснить, почему эта революция почти обязательно была еврейской революцией, подчеркнуть искренность евреев, которые ее возглавили, оправдать их, насколько это возможно, и, во всяком случае, оградить их несчастных соотечественников за границей от последствий того, что, безусловно, было очень плохой тактикой с точки зрения будущего этого народа.

Я думаю, мы должны не питать новой и особой враждебности к еврею из-за того, что он натворил в России, а, напротив, извинять его, особенно потому, что он еврей. Мы должны, как мне кажется, сказать: "У него были причины для действий и оправдания для действий, которых не было бы у людей нашей расы, и хотя мы должны предотвратить распространение этих действий, мы не должны позволять тому, что казалось еврею вполне естественным при данных обстоятельствах, исказить нашу попытку решения еврейской проблемы. Мы должны работать над ее решением так беспристрастно и так трезво, как если бы провокации большевизма никогда не было".

Это звучит чересчур, и я боюсь, что это будет высмеяно большинством тех, у кого (как они нам говорят) открылись глаза в результате большевистского взрыва и кто теперь является убежденными врагами еврейского народа. Но хотя это звучит фантастически, я убежден, что это правильный подход. Терять свое суждение о постоянной проблеме из-за паники или жары, забывать об элементах такой проблемы только потому, что она внезапно предстала перед нами

в острой форме, - это отрицание разума. С таким же успехом человек, имеющий дело с проблемой перебродившего ликера и пытающийся заставить людей употреблять его рационально, мог бы уступить своему здравому смыслу из-за случая белой горячки и вслед за этим прибегнуть к какому-нибудь плану запрета. Тот самый критерий, который отличает хорошую государственную мудрость от плохой, - это способность сохранять хладнокровие при подобных провокациях; придерживаться среднего курса и стремиться к тому решению, которое наш разум считает справедливым при *нормальных* обстоятельствах. Мы, которые увидели серьезность еврейской проблемы задолго до того, как ее признали все, и которые изучали ее в более спокойных условиях в течение многих лет, имеем право быть услышанными сейчас: сейчас, когда волна накатывает на этих людей и что страх перед анархией угрожает вскружить людям головы.

Нас долго обвиняли в нападении на евреев, нас уже обвиняют в их защите. Это доказательство того, что наше отношение хорошо обосновано и не зависит от моды.

Большевистская революция не продлится долго. Ее еврейский характер был неизбежен. В этом был свойственный евреям энтузиазм по поводу своего рода бестелесной справедливости, и, в любом случае, нельзя допустить, чтобы это отвлекло нас от вывода, который вытекает из гораздо более широких линий истории и всех общих соображений разума.

Наш вывод, как я уже сказал, заключается в признании и защите еврейской нации как чего-то совершенно отличного от нас самих и все же обязательно населяющего наше общество. Такое полное признание делает нас вооруженными против присущей евреям тенденции (которой мы не можем избежать) забывать о наших национальных чувствах и неправильно понимать наше чувство собственности. Это сделало бы невозможными заговоры и месть, которые разрушили Россию, и я верю, что если бы прежнее российское правительство обращалось с евреями так, как, по моим словам, с ними следует обращаться, оно было бы у власти сегодня.

ПОЛОЖЕНИЕ В МИРЕ В ЦЕЛОМ

ГЛАВА IX

ПОЛОЖЕНИЕ В МИРЕ В ЦЕЛОМ

Опасность, которую представляет еврейская нация в современном мире, можно резюмировать в этой фразе:-

"Евреи получают контроль, и они не будут контролировать нас".

Это самая простая формула, и под ней немедленно подписалась бы вся масса тех, кто не принадлежит к еврейской общине, кто вообще интересуется этим вопросом. Будучи

простейшей формой истины, она нуждается в детальной модификации, когда применяется к очень сложной ситуации.

Это изменение исходит из трех источников:—

Во-первых, степень еврейского контроля и степень негодования против этого контроля очень сильно различаются от одной общины к другой.

Во-вторых, гражданская традиция каждой общины в ее подходе к еврейскому вопросу также отличается от любой другой, хотя эти различные традиции делятся на определенные, довольно четко очерченные группы.

В-третьих, позиция меняется в зависимости от присутствия, в той или иной степени, в разных общинах определенных международных сил, даже более могущественных, чем сами евреи. Четырьмя основными международными силами являются:—

(1) Католическая церковь;

(2) Ислам;

(3) Силы международного капитализма; и

(4) Международная реакция промышленного пролетариата на это.

В первой строке этого исследования мы должны сделать важную предпосылку. Факт, из которого мы исходим, а именно, тревожное чувство, что евреи получают контроль, и решимость не мириться с этим контролем, будут отвергнуты самими евреями. Это отрицается искренне — я провел с ними слишком много дискуссий и услышал слишком много их возражений, чтобы сомневаться в этом; и если бы отрицание было обоснованным, не только конкретный обзор, который я предлагаю в этой главе, но и вся аргументация этой книги потерпели бы неудачу. Ибо если сегодня существует еврейский вопрос и если он присутствует в той острой форме, в которой, как мы все знаем, он присутствует, то это связано не только с контрастом и трениями между евреями и их хозяевами, но особенно с этим чувством господства.

Но еврейская вера в этом вопросе несостоятельна, какой бы искренней она ни была. Подавляющему большинству евреев это, конечно, покажется здравым смыслом. Какое отношение имеет несчастный еврей из трущоб наших великих городов к контролю над современным миром? Как в его глазах эта фраза вообще может иметь какое-либо значение? Если вы перейдете от него к сравнительно немногочисленному еврейскому среднему классу, вы услышите отрицание почти столь же энергичное. Ученый-еврей скажет вам, что он озабочен своими исследованиями и смеется над идеей вмешательства в дела своих соседей; историк—еврей, что он озабочен своими документами, что нет ничего более далекого от его мыслей, чем вмешательство в дела людей, не связанных с его профессией; мелкий лавочник—еврей скажет вам, что он активно конкурирует со своими соседями-неевреями и далеко не всегда преуспевает в этом соревновании; юрист-еврей скажет вам, что он озабочен системой права, в которую ему довелось погрузиться, - Кодексом Наполеона, английским общим правом или чем-то еще, - и что любая идея о его лично желании контролировать подавляющее нееврейское большинство, среди которого он живет, - это самогон: и так оно и есть.

Великий еврейский банкир, хотя он и осознает свою власть, сказал бы вам, что в своем повседневном бизнесе он сталкивается с силами, которым он подвластен, и у него есть конкуренты, которые в лучшем случае нейтральны, а чаще враждебны Израилю; и даже человек, который сегодня более могущественен - если это возможно — чем еврейский банкир, я имею в виду еврейского монополиста, и особенно еврейского монополиста в металлургии, хотя он был бы крайне раздосадован раскрытием масштабов его контроля, будет чувствовать, что это связано с его превосходящими способностями и никоим образом не предназначено для господства. .

Все эти индивидуальные ответы верны; но если вы составите из них составной и общий ответ, если вы представите его как ответ всего Израиля всему внешнему миру, кричащий: "У меня нет желания превосходства; я никогда не действую таким образом, чтобы мое господство могло ощущаться или увеличиваться; мотив не присутствует, даже подсознательно, среди моего народа" — тогда этот общий ответ будет ложным.

На самом деле еврей сегодня обладает *коллективной* властью в белом мире, совершенно чрезмерной. Это не только чрезмерная власть, это неизбежно *корпоративная* власть и, следовательно, полуорганизованная власть. Она не только чрезмерна и в основном организована, до начала недавней реакции она была быстро растущей силой — и большинство людей считают, что она продолжает увеличиваться. Об этом будет свидетельствовать весь мир за пределами еврейской общины.

Критерием, по которому мы можем судить о том, раздражает ли какая-либо форма власти тех, на кого она воздействует, является не свидетельство тех, кто эту власть осуществляет, а свидетельство тех, над кем она осуществляется. В мире никогда не было тирании, даже одной из тех личных тираний (которые были гораздо более высокоорганизованными и гораздо более прямыми, чем эта власть евреев), никогда в истории не было деспотизма, который не сказал бы вам, что он был случайным, или необходимым, или, во всяком случае, не имел никакого мотива угнетения. И история универсально отвечает: "Чтобы судить об *этом*, вы должны спросить тех, кто испытывал давление, а не тех, кто его осуществлял".

Теперь те, кто чувствует давление в вопросе, который мы сейчас рассматриваем, единодушны. Они отличаются по степени своего негодования от тех, для кого это настолько невыносимо, что они уже активно восстают против этого, и от тех, кто ощущает это просто как отдаленный, хотя и приближающийся дискомфорт. Но в той или иной степени это чувствует каждый. Это универсальное ощущение, пронизывающее нервы современного мира, и оно растет слишком быстро, чтобы его можно было игнорировать.

Я уже цитировал эффект, произведенный на те сотни образованных людей, взятых на временную государственную службу в конце войны, когда они обнаружили, что международный еврей удерживает запертые ворота одной монополии за другой. Его контроль над финансами не нуждается в обсуждении. Если отдельный банкир или финансист не осознает этого, то большинство из тех, кто пострадал, прекрасно осознают это. Мужчины преувеличивают, придавая ему вид сознательной индивидуальности, но они, конечно, не преувеличивают, когда указывают на его последствия. Еврей должен помнить, с чем ему может быть трудно смириться и что, безусловно, верно, так это то, что не только его господство вызывает очень сильное негодование, но и то, что его присутствие на какой бы то ни было руководящей должности отвратительно для расы, среди которой он вращается. Все чувствуют это по отношению к любой

форме инопланетного контроля, гораздо больше они чувствуют это по отношению к той форме, которая, как они инстинктивно знают, является самой чуждой из всех. Каждый заметил, что этот контроль осуществлялся в форме замалчивания того, что было известно в ущерб Израилю; в форме рекламы того, что было выгодно Израилю, когда его рекламировали; в форме предоставления и удержания кредита; в форме нападок в прессе на страны, с которыми у Израиля были разногласия, и защиты в прессе тех (сейчас они почти исчезли), на которых Израиль в непосредственном прошлом полагался в плане защиты. И все обнаружили — что на самом деле не несправедливо, что неизбежно, но что, тем не менее, является источником раздражения — солидарность еврейской расы там, где были затронуты интересы любого ее представителя.^[1]

Но если бы это ощущалось повсюду так же остро и осознанно, как это ощущается сегодня в особых группах - как это ощущается, например, в одной конкретной части английского общественного мнения, уже представленной в прессе, ощущается в более широкой части французского общественного мнения и в еще более широкой части польского общественного мнения, — тогда дело было бы простым. Тогда мы могли бы сказать, что возникла проблема самого ясного рода, и запретить небольшому инопланетному меньшинству решать судьбы тех, среди кого оно живет, и тех, кем оно не является. Ответ был бы очевиден, и единственная трудность заключалась бы в том, как можно ослабить еврейский контроль без вопиющей несправедливости по отношению к невинным людям.

Но дело не в том, что это так ощущается. Как я уже сказал, она видоизменяется в зависимости от различной степени интенсивности, с которой она признается, и от других международных сил, которые вступают в игру.

Если мы рассмотрим различные политические традиции и различные международные силы, если мы исследуем национальные группы мира, мы обнаружим нечто подобное: на огромном пространстве России сложилось крайне парадоксальное положение. В течение многих лет еврей повсюду подвергался открытым нападениям и ненависти в тех частях Российской империи, где ему было позволено жить в большом количестве. Они находились нигде в пределах собственно России, кроме как на западных окраинах этой империи, на территории того, что когда-то было старым Польским королевством, и в значительной степени на территории того, что сейчас является восстановленной Республикой Польша. Но традиционный русский антагонизм к евреям изменился за несколько недель хаоса на нечто не противоположное, а новое и непохожее. Русский позволил евреям совершить грандиозную революцию, он принял добычу этой революции, которую еврей обеспечил ему; он полностью подчинился в городах, частично в сельской местности тирании, осуществляемой евреями с тех пор, как произошел полный поворот его национальной истории, которому уже четыре года.

Внешняя политическая мощь того, что когда-то было Российской империей, исчезла. Евреи уничтожили ее. Но на огромную массу русского человечества это любопытное изменение по-прежнему оказывает сильное влияние. Там, где народный инстинкт работает беспрепятственно, сохраняется старый и жестокий страстный антагонизм между русским и евреем. Вы видите это на примере Украины, жители которой, вопреки всем теориям, принадлежат к русской расе и традициям, а центральный город которой является священным регионом России как члена христианского мира. Там, во всех еврейских комитетах, полностью контролирующих крупные

города, неоднократно происходили восстания. Но, по крайней мере, в большей части Европейской России и на большей части того, что когда-то было Азиатской империей, евреи удерживают то, что осталось от Исполнительной власти.

Насколько мы можем судить по дошедшим до нас весьма несовершенным отчетам (ибо нигде оружие секретности не используется более безжалостно), у массы русских, то есть у крестьянства, двоякое мнение. К действиям еврейского деспотизма в городе они равнодушны, но его ранним попыткам против себя они были категорически против. Они пострадали от его рук и считали его тираном. Но еврей, похоже, прекратил это вмешательство, и русская земля стала крестьянской собственностью. С другой стороны, это была революция, руководимая теми же еврейскими комитетами, которые обеспечили крестьянину владение его землей. Русский крестьянин всегда считал землю своей. Насколько я понимаю, он рассматривал эту странную, педантичную меру, "Освобождение крепостных", всего лишь как другое название ограбления его земли; и когда организация русского общества рухнула в напряжении войны, он захватил огромные поместья и забрал то, что считал своим.

К странной еврейской концепции коммунизма, за миллион миль удаленной от наших европейских расовых инстинктов и наших высоких цивилизованных традиций, русский крестьянин не мог испытывать ничего, кроме недоуменного презрения. Тем не менее он сознавал, что еврейская революция позволила ему если не захватить землю (он сделал это сам), то, по крайней мере, удержать ее; а революция неотличима от еврейского контроля над городами.

Опять же, в городах (наша информация крайне несовершенна, и я могу собрать воедино только то, что рассказали мне очевидцы), хотя еврея, конечно, ненавидят индивидуально, все же его контроль стоит за определенными вещами, которые массы людей все еще поддерживают. Он организовал возмущение бедных против богатых. Он устроил перед их глазами приятное зрелище социальной мести. Он довольно последовательно проводил в жизнь свою коммунистическую программу, по крайней мере, один аспект которой достаточно практичен; ибо человек, работающий своими руками, обнаруживает, что он так же хорошо или даже лучше питается за счет скудных общих запасов, чем те, кто когда-то был его хозяевами.

В целом, я думаю, будет справедливо сказать, что еврейский контроль над христианами, хотя и в некотором смысле сильнее на территории бывшей Российской империи, чем где-либо еще, также вызывает там наименьшее возмущение. Я не говорю, что это не вызвало бы возмущения, если бы это снова спровоцировало действия против крестьян, но мы не можем забывать, что крестьяне горели желанием бороться за новый российский режим, потому что они отождествляли его со своей новой собственностью на землю. Ситуация достаточно абсурдна. Сотни тысяч мужчин готовы сражаться за коммунистических хозяев, потому что, поступая так, они верят, что смогут обеспечить себе абсолютную форму собственности! Но именно такой и была "красная" армия.

В этом поясе наций с размытыми границами, который раньше составлял Границы Востока и который теперь находится между тем, что когда-то было Российской империей и Германией, положение, по-видимому, таково.

В этих странах повсюду очень большая доля евреев. Самые крупные на сегодняшний день находятся в Литве и Галиции, где из целых городов от трети до половины, а иногда и до двух

третьей населения составляют евреи. Очень велика также доля в пределах признанных границ современной Польши; очень велика в Румынии и значительна в Венгрии.

Во всех этих странах еврейская проблема представляет собой нечто совершенно иное, чем дальше на Запад. Евреи в этих странах, по общему признанию, являются отдельной нацией. Даже когда я пишу, я слышу жалобу, звучащую странно для наших западных ушей, со стороны польских евреев, которые апеллируют к Западу против того, что они называют репрессивной практикой причисления их к полякам! В Румынии на протяжении двух поколений неизменным принципом государства, то скрытым, то явным, но всегда применявшимся в социальной практике, было то, что еврей вообще не является румыном и не может им быть. Конечно, он не может быть им на самом деле, так же как не может быть англичанином, французом или ирландцем. (Представьте себе, еврей - ирландец!) Но я имею в виду, даже не вымысел или условность. В Польше большая часть этих людей говорит на другом языке, и у всех них другие социальные обычаи и жизнь, отличная от окружающего мира. В Венгрии, где численное давление евреев меньше, есть, конечно, самые живые воспоминания о попытке революции под руководством Козна в 1918 году, массовых убийствах венгров, установлении эфемерного большевизма и необходимости его подавления. В Богемии давление гораздо меньше, а также в Балканских государствах к югу от Дуная и Дравы. Оно присутствует только в виде численного давления в группе государств, расположенных между Югом и севером Балтийского и Черного морей, а также между русским народом и немецким народом на Востоке и Западе.

Когда мы переходим к Западной Европе, в которую должна быть включена, хотя вряд ли она является ее подлинной частью, Германия за Эльбой; когда мы переходим к скандинавским странам, Франции, Великобритании, Италии, Испании, Швейцарии и Нидерландам, проблема меняется. Численный состав евреев катастрофически сокращается. Довольно большой в одном или двух голландских городах, он почти незначителен в Скандинавии, и хотя у нас был в крупных английских городах и в некоторой степени в городах северной Франции (особенно в Париже) значительный недавний приток евреев, все же общее число этих людей на Западе остается намного, намного меньшим, чем огромные массы на Востоке Европы. То же самое в еще большей степени относится к Италии и, несмотря на то, что в прошлом в нее было влито много еврейской крови, к Испании.

Но хотя численная доля евреев в этих западных странах намного меньше, и хотя, следовательно, опасность еврейского господства сильно отличается по *форме* от той, что существует дальше на Восток, она четко обозначена. Это осуществляется в первую очередь через финансы; затем через скептически настроенные университеты, анонимную прессу и коррумпированные парламенты, и, наконец, в более общей форме, через наличие институтов, которые в значительной степени способствуют возвышению евреев в конкуренции со своими хозяевами; каждый выступает за международные знания; каждый выступает за анонимность; каждый по—прежнему поддерживает старую либеральную чушь, которая называла себя "терпимостью" и на самом деле была безразличием к самому фундаментальному из всех социальных мотивов — религии, - за исключением, конечно, тех случаев, когда делается исключение, позволяющее нападать на католическую церковь.

Под влиянием такого рода, одновременно искреннего и лицемерного, одновременно великодушного и подлого, еврей приобрел во всех крупных сообществах, и особенно во Франции, Италии, Германии и Англии, власть, несоизмеримую с его численностью, и я могу

добавить, надеюсь, не оскорбляя ни одного еврейского читателя, несоизмеримую с его способностями; безусловно, несоизмеримую с любым его правом вмешиваться в наши дела. Это был еврей, который разработал законы о разводе во Франции, еврей, который поддерживал антиклерикализм повсюду в этой стране, а также в Италии; еврей, который призвал силы западных стран защитить своих соотечественников на Востоке, и еврей, чей дух в значительной степени пропитал университеты и прессу.

Ирландия - исключение. В Ирландии еврей (за пределами маленького промышленного уголка на северо-востоке) - никто. И здесь следует отметить, что миграции еврея, которые дают ему популярность здесь на некоторое время, а затем и в других местах, в местах, где ранее его не знали; которые дают ему влияние здесь на некоторое время, и за которыми следует спад этого влияния, по-видимому, не подчиняются никакому закону, который мы можем проследить, и, конечно, не являются продуктом какого-либо сознательного действия. Это одно из самых странных явлений в истории, это странное, скачкообразное движение еврейской расы. Связано ли оно с торговлей? Несомненно, это один из элементов; именно этим объясняется эксплуатация евреями Англии после завоевания, Испании в позднем Средневековье, долины Рейна; но тогда почему бы не привлечь внимание к другим торговым центрам? Венеция не была одним из них, хотя евреев там хорошо терпели; не был таким и Париж после раннего средневековья, и хотя некоторые голландские города были такими центрами притяжения, бельгийские - нет.

Было ли это убежище? Это, конечно, объясняет большой приток евреев в средневековую Польшу, но тогда почему не в Англию восемнадцатого века? Почему только в самом конце девятнадцатого века? Англия, которая дала евреям более полное гражданское положение, чем он мог найти где-либо еще в мире, не подвергалась их вторжению. Откуда эти совсем недавние притоки в Соединенные Штаты, которые вот уже полтора столетия были совершенно открыты по своей Конституции и по всем своим гражданским традициям были идеальным убежищем для евреев? До совсем недавнего времени еврея там почти не знали, и по сей день он известен лишь в нескольких крупных городах.

Нет. Казалось бы, не существует закона или, по крайней мере, его нельзя обнаружить для этого таинственного движения, приливов и отливов Израиля, но это отступление. Вернемся к ситуации в стране.

Если мы оставим Старый Свет и обратимся к Соединенным Штатам, то обнаружим новое положение дел, все еще находящееся в процессе развития и весьма озадачивающее иностранного наблюдателя. Я не претендую на то, чтобы проанализировать это полностью в нескольких строках или даже точно, поскольку я завишу от наблюдений других, а Соединенные Штаты настолько сильно отличаются от нас, что нам трудно следить за их современной историей; но, похоже, что-то в этом роде там происходит.

* * * * *

В Соединенных Штатах евреи присутствовали до последних нескольких лет в количестве, даже меньшем по отношению к населению, чем их численность во Франции, Англии и Италии, намного меньшем, чем их численность на территории бывшей Германской империи. В сельскохозяйственной части Америки, которая до сих пор, я полагаю, составляет половину

населения, еврей был почти неизвестен. Вы встречаете его то здесь, то там, в качестве юриста или лавочника, но тот мир был знаком с ним не больше, чем наши английские провинциалы знакомы с ним сегодня. С ростом крупных промышленных городов, конечно, появился еврей, но он по-прежнему не был "особенностью ландшафта". Среди более богатых слоев населения Востока существовало определенное социальное предубеждение против него, и — это очень важно — *о нем всегда говорили правду*. В Америке не было никаких условностей — еврей всегда признавался евреем, и никогда не было никакой из тех глупостей, которые мы здесь несли, притворяясь, что он кто-то другой.

Из того феномена, которым полна история Европы, который сегодня так заметен в восточных графствах и который начинает нарастать на Западе, в начале и середине девятнадцатого века и даже до конца его в Соединенных Штатах ничего нельзя проследить.

Затем произошла перемена. Это перемена, которая произошла при жизни людей намного моложе меня. Как мне сказали, это перемена, наиболее заметная с тех пор, как я в последний раз посещал Соединенные Штаты более двадцати лет назад. Началась регулярная и организованная еврейская эмиграция, особенно из Прибалтики. Оно затопило Нью-Йорк, где сейчас составляет, вероятно, треть населения; оно создало гетто в большинстве крупных промышленных городов Севера, и все явления, которые мы связываем в Европе с этими движениями, начали проявляться. Наблюдался рост финансовой монополии и монополий в отдельных отраслях. Раздавались призывы к терпимости в форме "нейтрализации" религиозного преподавания в школах; еврейский революционер и еврейский критик появлялись в каждой традиции христианской жизни. Евреи также, как они обычно делают, перешли к сути дела, и нападкам подверглась исполнительная власть. Последний и, по-видимому, самый непопулярный из президентов, мистер Уилсон, похоже, был полностью в их руках. Разумеется, появилась анонимность в прессе. Очень ярким примером этого является журнал под названием *The New Republic*, который, хотя в нем работает лишь небольшая часть еврейских писателей, и хотя его столица (я полагаю) не еврейская, тем не менее, по сути, является органом еврейской интеллигенции, всегда присоединяется к бойкоту любых новостей, неблагоприятных для европейских евреев, всегда присоединяется к призывам ко всему, что благоприятно для них, и в целом придерживается еврейской стороны, как *Humanité* в Париже или, скажем, *The New York Times*. *Государственный деятель* Англии.

Но новое присутствие в Соединенных Штатах этого явления, с которым на западе Европы мы уже давно знакомы, вызывает более прямую и совершенно иную реакцию, чем у нас. Эта реакция против еврейских властей не была (используя биржевую метафору) "липкой". Не было никаких колебаний; не было никаких неловких пауз молчания. Еврейский вопрос обсуждался с того момента, как он впервые почувствовался, и сегодня он обсуждается больше всех других. Что касается политических тем, то я обнаружил, что это первое упоминание в разговорах американцев, посетивших Европу после войны и с которыми я обсуждал дела их страны. Как и всегда, такая реакция варьируется от самого дикого антисемитизма до решительной и открытой защиты еврейской позиции не только самими евреями, но и очень небольшим меньшинством их поклонников за пределами еврейской общины, особенно среди богатых. Характерной чертой всего происходящего в Соединенных Штатах является то, что оно только начинается. Он способен стать одним из тех внезапных всплесков, с которыми мы были знакомы по прошлой истории Республики, и действительно, еще слишком рано судить, даже в самых общих чертах, какие формы он может принять. Достаточно сказать, что за реакцией против евреев в этой

стране стоит растущая интенсивность чувств, с которыми мы, пока еще в Западной Европе, несмотря на все успехи, достигнутые нами в этом вопросе, незнакомы. Если требуется проверка, сравните молчание о евреях в 96-м, во время великой атаки Брайана на золотой стандарт, с работой мистера Форда и всем, что он отстаивает сегодня!

Остальной мир принадлежит либо исламу, либо язычникам. В языческом мире евреям пока мало места. Конечно, он имеет сильную власть в Индии, но только через британское правление, а не через коренное население; а в Китае, за исключением квазиевропейского торговца, он вообще не имеет никакой власти; как и над сильной и организованной нацией Японии.

Таковы, очень приблизительно, масштабы проблемы; таковы различия в ее качестве в различных национальных группах сегодня. Из них два наиболее интересных положения проблемы на сегодняшний день, поскольку они меняются с наибольшей быстротой, наблюдаются во Франции, Англии и Соединенных Штатах.

Я уже говорил, что вторым изменяющим условием было различие гражданских традиций разных народов. И здесь вы снова сталкиваетесь с различием между Востоком и Западом. Но внутри него существует дифференциация, в конечном счете обусловленная религией, от Севера к Югу. В России никогда не было традиции хранить молчание о евреях или уважать еврея вообще. До недавней революции он был врагом нации, и на этом все закончилось. Точно так же в Польше, Румынии и более расплывчатом населении их границ, и даже в старой Венгрии о евреях открыто говорили как о принадлежности к отдельной национальности и, в целом, враждебной.

Но по мере продвижения на запад появлялся другой дух, другая традиция. Относиться к еврею как к гражданину было "в порядке вещей". В Германии этот обычай был слабее, чем в Нидерландах, Франции или Англии; он был распространен повсюду к западу от Эльбы.

Эта традиция проистекала из двух источников: торговой и протестантской Англии семнадцатого века и скептической Франции восемнадцатого. Еврей (в соответствии с этим духом) заслуживал особой защиты и особого уважения. Его нужно защищать и уважать, даже несмотря на его страсть к секретности; так что в конце концов простое упоминание о его существовании в культурных и руководящих классах запада стало чем-то вроде странности.

Из этого духа проистекала либеральная беллетристика, или условность, о которой я говорил во второй главе этой книги. Это было закреплено, этому была придана постоянная форма благодаря энтузиазму и суровой доктрине французских республиканцев, которая возникла в тот момент, когда Израиль рассматривался как религия, а его национальное качество было забыто. Поскольку считалось, что все религии умирают, поскольку, кроме того, возник энтузиазм против почти любой религии, которая осуществляла гражданскую власть (особенно католической церкви), этой еврейской религии, ранее считавшейся враждебной государству или, во всяком случае, отдельной от него, естественно, была предоставлена особая привилегия. Возникла та странная система, гибель которой мы сейчас наблюдаем после ее недолгой жизни, длившейся немногим более столетия, в соответствии с которой еврею было позволено носить маску

национальности, отличающейся от его собственной, и действовать повсюду так, как если бы он был гражданином не Израиля, а нации, в которой он случайно оказался.

Против такого отношения, наконец, возник мощный призыв национализма. В Англии, как мы увидим в следующей главе, этот довод был менее убедительным, чем где бы то ни было, потому что интересы международных еврейских финансов и британской торговли долгое время были почти идентичны. В Италии, где еврей, естественно, был тесно связан с националистическим движением из-за его антагонизма к папству, национальное чувство мало противоречило аномалии еврея. Но во Франции, особенно после поражения 1870 года, контраст становился все сильнее и сильнее, точно так же, как он усиливается сегодня в Германии после поражения 1918 года.

Это было то столкновение между "городом" Израиля и другими "городами", в которых мы, европейцы, работаем, о котором упоминалось на предыдущей странице. Без сомнения, "Городу" Израилю было бы очень удобно, если бы все остальные "города" исчезли и оставили открытое поле для еврейских операций. Но они не собираются исчезать; и хотя наша преданность им может показаться еврею необъяснимой, он должен принять ее как постоянную силу, ибо патриотизм европейца не ослабевает.

В Соединенных Штатах эта либеральная традиция или условность, это представление о том, что к еврею следует относиться как к полноправному гражданину, было даже намного сильнее, чем на Западе Европы. Это было в самой душе Конституции и, что более важно, в самой душе народа. Ибо такой дух питался не только в доктрине, но и на практике появлением в огромных количествах иммигрантов из самых разных стран, все из которых были поглощены американским духом. Если когда-либо и существовала область, в которой распространялась ложная концепция о том, что еврей может быть евреем и в то же время полноправным гражданином другой нации, то этой областью были Соединенные Штаты Америки. Тем не менее, именно там проблема сейчас достигает своей наиболее острой формы; и причина в том, что бок о бок с этой сильной гражданской традицией существует полная свобода слова и очень активное общественное мнение. Реальность стала превалировать над теорией, и еврей был признан чем-то особенным. Он больше никогда не отойдет на второй план.

Остается рассмотреть международные силы, которые изменяют эту общую истину о том, что ссора с евреем - это ссора с его растущим контролем над нашими делами.

Этими международными силами являются Религия - ислам и Католическая церковь — сила современного капитализма и Реакция против этой силы Промышленного пролетариата, реакция, обобщенная в термине социализм. Все четверо являются международными.

Положение еврея в исламе можно определить просто. В исламе с ним обращаются менее методично и, следовательно, с меньшим продолжительным притеснением, чем в христианском мире, но всегда и перманентно как с чем-то низменным и неполноценным, за исключением нескольких редких моментов, когда он пользуется благосклонностью определенных правителей или необходим какому-то особому обществу, или вызывает восхищение в момент интеллектуального блеска.

Обычно еврей в исламе - изгой. Я очень хорошо знаю, что в игру играют, притворяясь, что ислам в некотором роде добрее к нему, чем мы. Это всего лишь игра: игра одной партии против другой - ислама против христианского мира — Израилем, который не принадлежит ни к той, ни к

другой. В исламе его превосходящее положение в христианском мире также прославлено. История слишком сильна для подобных выдумок. Вся история ислама, весь социальный дух ислама, которому сегодня есть бесчисленное множество свидетелей, выносят один и тот же вердикт относительно общего отношения к евреям в этом обществе.

Так было в независимом исламе. Но ислам, политически контролируемый сегодня западными христианскими державами, - это другое дело. При таком нестабильном положении дел (никто не может сказать, как долго это продлится; конфликт между исламом и христианством кажется вечным, а взлеты и падения этого прилива сменяют друг друга бесконечно) проблема приобретает совершенно иную форму. Франция и Англия фигурируют в исламе как искусственные сторонники евреев.

До самого недавнего времени именно французы несли наибольшую ненависть по этому поводу в глазах мусульман. При французах евреям в Северной Африке часто отводилось особое, превосходящее положение, что было оскорблением для каждого мусульманина и до сих пор остается для него оскорблением. Это самое слабое место французского режима. В Алжире еврей из гетто может голосовать. Араб может и не голосовать. Даже в Марокко, где все сделано более разумно, чем в Алжире, ощущается трудность. Как можно относиться к еврею в Марокко иначе, чем к нему относятся во Франции? Он является общим для двух стран. Если вы обращаетесь с ним так, как если бы он был французом и, следовательно, членом правящей державы, то как быть с гордостью этих владык Атласа и Феса?

В гораздо более обширной сфере мусульманского контроля, осуществляемой Великобританией, которая, прямо или косвенно, в десять раз превосходит Францию, до недавнего времени таких трений было меньше; но роли поменялись, и сегодня именно Британия является для мусульман опорой для евреев. Это началось с поддержки еврейских финансов в Египте; это продолжилось расширением контроля евреев над индийской торговлей; это продолжилось контролем евреев над индийской валютой. Это закончилось гротескным назначением на пост вице-короля Индии и экстраординарным экспериментом в Палестине.

Сегодня, в момент, когда я пишу, по этому поводу нет никаких сомнений: от Рабата на Атлантическом побережье до Бенгальского залива западные державы рассматриваются как агенты еврейского вторжения, которое неприемлемо для ислама. И если еще несколько лет назад главная вина лежала на французах, то сегодня она лежит на британском правительстве.

* * * * *

Роль католической церкви в дебатах между евреями и христианским миром является наиболее обсуждаемой и наименее понятной из всех вопросов, связанных с общей проблемой. Но это поддается простому определению. Где бы католическая церковь ни была могущественна, и в той мере, в какой она могущественна, традиционные принципы цивилизации, душой и хранителем которой она является, всегда будут соблюдаться. Одним из этих принципов является четкое различие между евреями и нами самими. Рационалист сказал бы, что это различие было расовым и что оно нашло религиозное выражение только благодаря своей расовой реальности. Его оппонент сказал бы, что причина ссоры была в основном религиозной; что именно различие в религиозных традициях сформировало контраст между евреями и христианским миром. Первые могут привести в качестве доказательства резкий

первоначальный контраст между Римской империей и иудеей, вторые - истину о том, что религия, философия являются формирующей силой в каждом человеческом обществе.

Но какую бы теорию вы ни приняли, факт остается фактом. Католическая церковь является хранительницей вековой европейской традиции, и эта традиция никогда не пойдет на компромисс с вымыслом о том, что еврей может быть не евреем. Везде, где католическая церковь обладает властью, и пропорционально ее силе, еврейская проблема будет признана в полной мере.

С другой стороны, католическая мораль никогда не допускала, и никогда не будет и не может быть, войны против евреев. Эта мораль проста. Эта доктрина определялась снова и снова и применялась на протяжении всей истории. Если меньшинство в его среде начнет непрямые военные действия против большинства, они могут быть подавлены и наказаны. Что еще более важно, неискреннее и притворное обращение, используемое как прикрытие, может быть подавлено и наказано. Но хотя сообщество имеет право определять свою собственную жизнь и (если оно считает это возможным) даже устранить (по справедливости, а не с помощью жестокости, насилия или несправедливости в любой форме) чужеродное, враждебное меньшинство, все же это меньшинство имеет свое собственное право жить, если не там, то в другом месте. Оно имеет право — раз оно укоренилось и стало традиционным — на свои собственные убеждения, на свою собственную традицию. Если вы позволяете ему жить среди вас, вы должны позволить ему жить своей собственной жизнью, за исключением тех случаев, когда эта жизнь угрожает вашей. Католическая церковь всегда будет поддерживать реальность, включая реальность этого резкого различия между евреем и его хозяевами.

Противник католической церкви будет склонен, при прочих равных условиях, поддерживать еврея, потому что при таком различии еврей может почувствовать себя не в своей тарелке. Вся протестантская традиция Севера более 300 лет была благосклонна к евреям, отчасти из-за своей зависимости от еврейских Писаний, своей поглощенности вдохновленными еврейскими народными преданиями, но в большей степени потому, что союз с евреями был союзом против католической церкви. Сильные следы этого духа все еще остаются. С этим боролась явная необходимость в каждой стране, католической или протестантской, либеральной или антилиберальной, защищать общество от того, что каждая из них начала воспринимать как разрушительное и чуждое господство.

Остаются две новые силы — современный капитализм и протестующая против него его жертва, Современный промышленный пролетариат.

Несколько лет назад любой сказал бы, что оппозиция еврею была оппозицией только капитализму; еврей был представителем капитализма, а еврейские финансы были особым аспектом еврейской власти, за который эту власть ненавидели все. Но мы видели, как все изменилось. Сегодня самая мощная сила, выступающая против евреев, находится на другой стороне. В основном это вызвано не страхом перед капиталистическими силами, а страхом перед революционными силами.

Я беру на себя смелость сказать, что когда чувство против еврея дойдет до действия, еврей обязательно, и в целях самозащиты, прибегнет к руководству пролетариата против промышленного капитализма. Он будет — он должен, руководствуясь простым инстинктом, совершенно независимо от расчета — использовать линию раскола, которая разделяет

враждебное ему общество. Он будет опираться на линию раскола, проложенную обширной современной враждой между немногочисленными собственниками в современном индустриальном мире и их жертвами, миллионами эксплуатируемых.

Таким образом, возможность еврея, если он будет доведен до крайности, собрать армию для своей защиты, кажется достаточно прекрасной возможностью. Казалось бы, ему легко перевести всю враждебность против себя во враждебность против богатых — защищая, конечно (как он сделал в России), еврейских богачей. Но мы должны помнить о трех грозных условиях, которые ограничивают эту возможность.

Первое условие таково: миллионы промышленников все еще составляют довольно незначительное меньшинство и, вероятно, в будущем составят еще меньшее меньшинство цивилизованного белого мира. Война нанесла им тяжелый удар. Тот факт, что промышленный пролетариат является городским населением и, следовательно, все менее и менее производителен, является еще одной причиной слабости; ухудшение их здоровья - еще одной. Другой факт заключается в том, что промышленный капитализм зависит от поддержания работы машины и что его крепостные все меньше и меньше желают поддерживать работу машины.

Во-вторых, территория (и это важно), занимаемая промышленным капитализмом, - это всего лишь очень маленький участок поверхности цивилизованного мира.

В-третьих, восстание промышленного пролетариата, если евреи спровоцируют его, будет недолгим. Либо она будет побеждена, либо, уничтожив своих хозяев, под еврейским руководством уничтожит свои собственные производственные мощности, как в России.

Когда ярость иссякнет, через очень короткое время еврейская проблема возникнет снова.

Пролетарская битва может бушевать яростно, но она будет далека от всеобщей, и, я думаю, ее будет недостаточно, чтобы отвлечь человечество от другой перекрестной проблемы евреев и неевреев, на которую все более и более неуклонно направлено его внимание.

СНОСКА:

[1] За исключением, конечно, члена сообщества, объявленного вне закона. Случай с доктором Леви, изгнанным из этой страны его соотечественниками в правительстве за то, что он неблагоприятно отзывался о московских евреях, будет свеж в памяти каждого.

ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ В АНГЛИИ

ГЛАВА X

НЫНЕШНИЕ ОТНОШЕНИЯ Между АНГЛИЙСКИМ ГОСУДАРСТВОМ И ЕВРЕЯМИ

Все различные народы Европы на протяжении своей долгой истории проходили через последовательные фазы становления евреем, которые я назвал трагическим циклом. Каждый из них, в свою очередь, приветствовал, терпел, преследовал, пытался изгнать — часто фактически изгонял - снова приветствовал и так далее. Двумя главными примерами крайностей в действии, как я также указывал в предыдущей части этой книги, являются Испания и Англия. Испанцы, и в частности испанцы Королевства Кастилия, прошли через каждую фазу этого цикла в его наиболее полной форме. Англия прошла через еще большие крайности, ибо Англия была единственной страной, которая полностью избавилась от евреев на сотни лет, и Англия - единственная страна, которая, пусть и на короткий период, вступила с ними в нечто вроде союза.

Хотя нас интересует нынешняя позиция британского государства, то есть позиция официальной британской политики по отношению к евреям, может быть, будет полезно немного рассказать о прошлых отношениях.

Еврейский элемент на этом острове, каким бы он ни был во время римской оккупации, не имел большого значения в Темные века. Ситуация изменилась в конце одиннадцатого века. Еврей является приверженцем каждого нового экономического движения среди нас, и именно поэтому его можно встретить на волне нормандского завоевания. На протяжении всего экономического развития, с которого оно началось, еврей отводилась второстепенная роль. Всем известно средневековое правило статуса евреев. Оно было установлено здесь, как и везде в христианском мире. Еврей принадлежал королю, то есть находился под особой защитой государства. Если он и подвергался нападкам со стороны населения, то это нападение было нападением на особу короля и подлежало немедленному подавлению. Индивидуальный нападавший был наказан с особой суровостью, потому что опасность массового движения всегда велика там, где население свободно действовать массами, как это было на протяжении всего средневековья, и необходимость предотвращения распространения индивидуальных нападений была соответственно велика. Время от времени народные настроения выходили из-под контроля, и монарху приходилось иметь дело с численностью, которую он не мог контролировать; но, как правило, еврей, особенно богатый еврей, пользовался привилегированным положением как в Северной Франции, так и по всей Англии. Еврей раннего средневековья в Англии обычно был состоятельным человеком, и часто чрезвычайно богатым. Тогда, как и сейчас, небольшое количество евреев были самыми богатыми людьми своего времени.

В его руках была большая часть финансов и эта огромная привилегия (которую он потерял), заключающаяся в том, что ему одному было позволено заниматься ростовщичеством. Здесь мы должны на мгновение остановиться, чтобы дать определение ростовщичеству.

Ростовщичество тогда (как и сейчас) означало получение процентов по непроизводительным займам. Это практика, которую осуждали все моралисты и все философы и которую особенно осуждает Церковь. Если вы даете деньги займы человеку для продуктивной цели: если, например, он хочет купить корабль и торговать на деньги, которые вы ссужаете, или купить ферму и выращивать продукты, то, конечно, вы совершенно свободны выделить часть прибыли. Но если вы даете деньги займы на цели, не являющиеся непосредственно производительными, как, например, мужчине, находящемуся в крайней нужде, или вместо благотворительности, или на строительство такого здания, как церковь, которое не принесет арендной платы, или если любым другим способом вы даете деньги займы тому, кто (насколько вам известно) не будет тратить их в каком-либо репродуктивном учреждении, тогда требовать процентов аморально.

Теперь в средневековом христианском мире было сделано исключение в пользу еврея. Ему разрешалось ссужать деньги под проценты, даже в самых тяжелых случаях необходимости, и на такие непродуктивные услуги, как религия или война. Единственным условием было то, что деньги, сэкономленные от этой прибыльной практики, возвращались Короне (теоретически) после смерти лицензиата. На практике, без сомнения, очень большая часть оставалась у накопителя, который при жизни наслаждался доходом, нажитым ростовщичеством, который мог передать его своим наследникам еще при жизни и мог использовать возможности для тайных инвестиций или передать его на хранение другим лицам по всему международному еврейству. Но оставленные им ликвидные суммы, продукт его ростовщичества, вернулись короне после его смерти. Это было большим преимуществом для короны, не только в защите еврея от исконной враждебности его хозяев—пришельцев (и особенно населения), но и в предоставлении ему этой великой привилегии - монополии.

Процентная ставка была огромной. Она варьировалась от почти 50% до более чем 80%. Когда евреи ссужали деньги под залог, король принимал участие в обеспечении сохранности залога, и их привилегии простирались настолько далеко, что на них не распространялось действие общего права, и дело между англичанином и его еврейским кредитором могло рассматриваться только смешанным жюри присяжных, в котором собственные соотечественники еврея присутствовали в равном количестве с англичанами.

На протяжении всего анжуйского периода еврейское финансовое господство продолжалось вплоть до конца двенадцатого века и даже до начала тринадцатого. Но с первой половины XIII века, по какой-то причине, о которой я никогда не встречал достаточного исторического анализа и о которой, возможно, все причины были утеряны, еврейское могущество начало очень быстро приходить в упадок, что касалось Англии.

И здесь можно отметить, что несчастья евреев в любой стране никогда не начинаются, пока не пошатнется их финансовое положение. Пока они являются финансовыми хозяевами правительства, они защищены; но горе им, когда они начинают терять свою финансовую власть! Тогда больше нет никаких причин поддерживать их ни со стороны правящих классов в целом, ни со стороны исполнительной власти в частности. Народные страсти дают волю, и за этим следует катастрофа.

Во всяком случае, в XIII веке в Англии наблюдался быстрый упадок финансовой мощи евреев и в то же время быстрый рост официальной враждебности по отношению к ним. С течением столетия они становились все беднее. В то же время их деятельность становилась все более и

более ограниченной. Они ссужали деньги в основном под залог земли, и все же в интересах общества им в конце концов запретили обращать на нее взыскание. Последний шаг был сделан, когда их специальная лицензия на ростовщичество была отозвана Эдуардом I в начале его правления; и, наконец, в 1290 году, после ужесточения мер, все они были изгнаны из страны под страхом смертной казни.

Несчастливых людей, и без того обесценившихся из-за падения состояния двух поколений, поспешили вывезти из страны, забрав с собой, по разрешению, свои деньги и движимое имущество. Действительно, в портах их защищали королевские офицеры, которые даже оплачивали проезд неимущим среди них; но в море они были разграблены, а некоторые даже убиты. Убийцы были наказаны, но память о преследовании осталась в сознании евреев, и Англия стала естественным объектом их ненависти. Еврейская община, изгнанная англичанами, была на удивление небольшой, не 17 000 человек, и это подтверждает историческую истину о том, что в средние века, да и вообще до вполне современных времен, еврейская община на Севере Франции и в Англии была сообществом людей в основном состоятельных. Так оставалось до вполне современных времен.

Последовали три с половиной столетия и более, в течение которых Англия была единственным примером в Европе государства, которое не потерпело бы евреев ни на каких условиях. Несомненно, в течение всего этого времени на острове оставалось или, во всяком случае, посещало немало тех, кого сами евреи называли "криптоевреями", то есть евреями, которые внешне отрицают свою национальность и исповедуют нашу религию с целью личной наживы. Они, когда им удавалось успешно победить закон, оставались в пределах британских морей. Но их эффект был незначительным; и английский народ на протяжении всего своего великого военного наступления во Франции, на протяжении всего периода, когда формировались его язык и культура, на протяжении всего великого национального эпизода, Тюдоров и Реформации, составлял единственное великое исключение из всей Европы, поскольку еврей оставался для них неизвестным и был строго исключен из их Содружества.

Они вернулись, как всем известно, при Кромвеле. Их численность, а еще больше их богатство, возросло в конце семнадцатого века, и одновременно с этим, отчасти в результате этого (но здесь мы не должны преувеличивать), в английском государстве появился ряд новых финансовых особенностей, каждая из которых свидетельствует о возросшем могуществе евреев. Учреждение банка, Государственного долга, биржевых спекуляций и колебаний курса акций.

Но истинными причинами того союза между англичанами и евреями, который наблюдается в конце семнадцатого века, который активизировался в течение восемнадцатого и стал столь заметным в девятнадцатом веке, было космополитическое положение Англии как ведущего коммерческого государства. Именно это привело к чему-то вроде отождествления интересов Израиля и интересов Великобритании, отождествления, которое длилось так долго, что сейчас, когда начинают проявляться расхождения, старшему поколению все еще кажется странным и новым, что какие-либо действия евреев не выгодны Англии. Они не могут понять, что может означать новое безразличие к еврейским интересам, не говоря уже о новой враждебности к ним.

Было, конечно, много других причин, способствовавших тому особому положению, которым еврей стал пользоваться в современной Англии, положению, которое он еще не утратил из-за

внешних обстоятельств, хотя оно так сильно пошатнуто морально. Дело было в том, что Англия была протестантской державой Запада.

Этот религиозный мотив сыграл большую роль. Между католической церковью и синагогой существовала вражда с первого века. В той мере, в какой было возможно принять чью-либо сторону в этом споре, для протестантской власти было естественно принять сторону против католической традиции и, следовательно, в пользу евреев. Опять же, англичане были не только протестантами, их средний класс был погружен в чтение Ветхого Завета. Евреи казались им героями эпоса и святынями религии. Вы и по сей день обнаружите сильные пережитки этого отношения в провинциальной Англии. Следует добавить определенное национальное отвращение к насилию, которое усилилось, когда услышали о преследованиях евреев за границей. Следует также добавить, что современные англичане испытывают гордость за то, что их страна является убежищем для угнетенных.

Между тем до недавнего времени в стране не было сколько-нибудь значительной группы бедных евреев, которые могли бы вызвать враждебность населения. Это было важным негативным фактором в приведении евреев в пределы Английского государства. Но при полном рассмотрении всех этих факторов остается верным, что главной причиной случайного положения евреев в Англии был космополитический характер английской торговли и по существу коммерческий характер английского государства. Когда английский экспорт и английское судоходство начали распространяться по всему миру, английская финансовая система охватила и его. После Ватерлоо Лондон стал денежным рынком и расчетной палатой мира. Интересы еврея как финансового дилера и интересы этого крупного коммерческого государства все больше и больше сближались. Можно сказать, что к последней трети девятнадцатого века они стали практически идентичными.

Каждое новое экономическое предприятие британского государства апеллировало к еврейскому гению коммерции и особенно переговоров в их самой абстрактной форме — финансах. И наоборот, каждое еврейское предприятие, каждая новая концепция еврея в его космополитической деятельности (до тех пор, пока она не стала революционной) привлекали английского торговца и банкира.

Эти две вещи сочетались друг с другом и точно соответствовали друг другу, и все вспомогательные виды деятельности также соответствовали друг другу. Еврейские информационные агентства девятнадцатого века поддерживали Англию во всей ее политике, как политической, так и коммерческой; они выступали против политики ее соперников и особенно против политики ее врагов. Еврейские знания о Востоке были на службе Англии. Его международное проникновение в европейские правительства также было к ее услугам — как и его секретная информация. С консолидацией Индийской империи после Мятежа евреи снова стали союзниками из-за своей традиционной ненависти к русскому народу, которая в наше время побудила их совершить столь ужасную месть своим бывшим угнетателям. Еврея можно было бы назвать почти британским агентом на Европейском континенте, и в еще большей степени на Ближнем и Дальнем Востоке, где экономическая мощь Англии росла даже быстрее, чем ее политическая власть.

И еврей указал на английское государство как на то, в котором можно было найти все, что его нация требовала от *гоев*. Здесь он наслаждался ситуацией, подобной которой не мог надеяться получить ни в одной другой стране мира. Весь антагонизм по отношению к нему утих. Он был

допущен во все учреждения штата, видный представитель его нации стал главным должностным лицом английской исполнительной власти, и под влиянием более тонкого и проникающего фактора начали массово заключаться браки между теми, кто когда-то был территориальными аристократическими семьями этой страны, и еврейскими коммерческими капиталами.

После двух поколений этого, с началом двадцатого века, те из великих английских семей, в которых не было еврейской крови, стали исключением. Почти во всех из них эта родословная была более или менее заметна, у некоторых из них она была настолько сильной, что, хотя имя все еще оставалось английским, а традиции - чисто английскими, уходящими в далекое прошлое, телосложение и характер стали полностью еврейскими, и членов семьи принимали за евреев всякий раз, когда они путешествовали по странам, где дворянство еще не страдало от этой примеси.

Особенно еврейские институты, такие как масонство (которое евреи основали как своего рода мост между собой и своими хозяевами в семнадцатом веке), были особенно сильны в Британии, и там возникла политическая традиция, активная и, в конечном счете, оказавшая огромное значение, согласно которой британское государство было молчаливо принято иностранными правительствами в качестве официального защитника евреев в других странах. Ожидалось, что именно Британия будет вмешиваться, в меру своих возможностей, всякий раз, когда на Востоке христианского мира происходили преследования евреев: поддерживать еврейскую финансовую энергию по всему миру и получать взамен выгоду от этой связи.

У нас будет крайне несовершенная картина причин, которые постепенно заставили евреев рассматривать эту страну как центр своих действий, если мы опустим один существенный момент.

Англия была в безопасности.

В течение всего периода, который ознаменовался возвышением евреев на этом острове и их окончательным союзом с его политической и коммерческой системой, английское общество наслаждалось глубоким миром. За исключением мелких инцидентов 15-го и 45-го годов (первый не имел последствий к югу от границы, второй был эфемерным и ограничивался Севером), никаких боевых действий на английской земле между восстанием Монмута при Якове II и бомбардировкой Лондона немцами с воздуха во время последней войны не происходило. Была обеспечена (за исключением нескольких совершенно незначительных местных беспорядков) полная безопасность собственности, особенно крупной. С середины восемнадцатого века не было конфискаций, а коммерческих состояний - с середины семнадцатого: ни вторжений, ни гражданских войн, а следовательно, и добычи: никакой личной опасности от насилия.

Такие условия сформировали среду, идеальную для постоянного установления и укоренения еврейской власти, а также для организации еврейской базы.

Политическая ситуация отразилась, как это всегда бывает, в литературе. Еврей начал появляться в английской художественной литературе как возвышенный персонаж, совершенно специально выделенный в своих интересах из общей массы человечества. Он уже является героем сэра Вальтера Скотта, но полное развитие получил гораздо позже. У вас все еще мог

быть злодей-еврей, такой же поздний, как *Оливер Твист*, но с такими разными писателями, как Чарльз Рид и Джордж Элиот, мы достигли того времени, когда еврей безупречен. Худшее, на что отваживается любой писатель в конце процесса, - это промолчать. Лучшее - изо всех сил льстить еврейскому типу. Эта странная интерлюдия была отчасти вызвана разрывом между литературой и народными чувствами в середине и второй половине девятнадцатого века; по крайней мере, этот развод был разрешен. Но активной причиной этого было отражение политической позиции евреев в сознании образованного класса, выраженное в их литературном творчестве.

В то же время параллельное движение возникло и на исторической стороне литературы. Возникло соглашение о том, что в столкновении между евреями и англичанами средневековья евреи были неизменно правы, а англичане неизменно неправы. Там, где борьба шла между евреями и неевреями за границей, историк переходил все границы. Европеец, враждебный еврею, был бессмысленным чудовищем, а еврей, враждебный европейцу, был святой жертвой.

Вся история Европы и этой страны, в той мере, в какой на нее повлиял этот очень значительный фактор, была искажена из-за замалчивания, ложных акцентов и совершенно исключительной лжи.

Обычный читатель истории не знал, ни какую роль сыграл еврейский вопрос, ни какие претензии могла предъявить его собственная раса в этом конфликте. И поскольку историки живут, копируя друг друга, легенда утвердилась в каждой школе и колледже.

В конце процесса евреи, пропорционально их численности, обладали властью в этой стране, превосходящей все, что было замечено в любой другой части мира. Польша в конце средневековья, когда эта страна была наиболее близка к Великобритании по укрывательству и поддержке еврейского народа, является единственной параллелью, да и то отдаленной.

Каждое английское правительство имело (и имеет) свою квоту на евреев. Они поступили на дипломатическую службу и в Палату лордов; они кишели в Палате общин, в университетах, во всех правительственных учреждениях, кроме Министерства иностранных дел (и даже туда недавно вошли представители еврейской нации); они обладали огромным влиянием в прессе: они были всемогущи в Сити. Ни один обычай, несимпатичный их расе, от дуэлей до народного шума, не сохранился. Они могли похвастаться тем, что Англия была не только страной, где на практике, не говоря уже о законе, не проводилось никакого различия между евреем и коренным жителем, но и что Англия была единственной страной, где еврея всегда хорошо принимали, где его природные недостатки учитывались меньше всего и где его природные способности имели наибольший размах.

Такое положение дел не могло продолжаться долго. Это было противоестественно. Это не соответствовало скрытой, но глубокой народной традиции или народным аппетитам; это соответствовало только настроению одного европейского сообщества в его более богатых классах. Расхождение между космополитическими финансовыми интересами евреев и особыми национальными интересами Британии было неизбежно. Крупномасштабная война, хотя и не поставила под угрозу саму страну, была предупреждением о переменах. Она появилась во время южноафриканской кампании перед концом столетия. Положение евреев изменилось. Начало подниматься некоторое недовольство его властью. Это уже роптало и начинало проявляться с ростом коммерческой и морской конкуренции в новой Германской

империи, которая, в свою очередь, стала управляться евреями во всех своих коммерческих делах. Я говорю, что реакция была неизбежна, и она была постоянной. Когда это еще происходило, в разгар Великой войны, до того, как информация достигла официального мира, один из английских политиков, который лучше всего подходил для того, чтобы говорить от имени евреев, который был наиболее близок с ними благодаря разнообразным узам дружбы и гостеприимства, мистер Артур Бальфур, был выбран для того, чтобы сделать знаменитое заявление в пользу сионизма. Это произошло в течение месяца после великого кризиса войны. Его целью было разделить общее влияние евреев во всем мире, которое до сих пор в целом было настроено против союзников, потому что, как и любой другой нейтрал, евреи по мере того, как кампании затягивались, все больше и больше убеждались, что Центральные империи уверены в победе.

Хотя это и было мотивом, результатом стало то, что британское государство еще теснее привязалось к судьбе Израиля, поскольку здесь Англия обязалась поддерживать, защищать, действовать как особый защитник особых интересов евреев, как раз там, где эти интересы больше всего бросали вызов всему христианскому миру и исламу, как раз там, где было бы наиболее трудно подтвердить еврейские притязания.

Декларация в пользу сионизма, торжественное обещание сил британского государства оказывать исключительную поддержку евреям в деле, направленном исключительно на их благо, а никоим образом не на благо Англии, хотя и была принята после того, как был достигнут и пройден пик еврейского могущества, была последней стадией этого длительного процесса объединения британской торговой политики и ее правящих классов, с одной стороны, и евреев - с другой.

Как я уже говорил, этот союз был морально пошатнут. Огромный приток бедных евреев поколебал его. Простое действие времени, неизбежный бунт человеческой совести против неестественного притворства и очевидной фикции, должен был произойти, но запоздал. Но хотя союз уже был поколеблен, английское государство официально оставалось тесно связанным с еврейством, и его последнее действие, требование создания еврейского государства в Палестине, было, как это часто случалось в истории развития человечества, одновременно термином и поворотным пунктом процесса, который достиг своего завершения; ибо на протяжении всей истории будет отмечено, что любая сила наиболее выразительна, ее проявление мощи наиболее грубо и выразительно в опасный промежуток времени, *после того*, как ее реальная мощь начала снижаться, и *до* ее первого открытого поражения.

Но проблемы, возникшие в результате этого эксперимента в Палестине, заслуживают отдельного рассмотрения. К этому я сейчас и перейду.

СИОНИЗМ

ГЛАВА XI

СИОНИЗМ

Вопрос о сионизме обсуждался со всех возможных сторон, кроме одной, и это единственный фактор, имеющий отношение к тезису этой книги.

Это обсуждалось как чисто еврейский вопрос; были споры о его справедливости или несправедливости среди самих евреев, о его преимуществе или невыгоде для их расы; споры между различными заинтересованными нееврейскими силами относительно того, каким преимуществом или невыгодой это было бы для них; споры о правах и неправотах коренного населения, среди которого евреи могли бы найти дом; споры о том, должен ли этот дом быть в Палестине или где-то еще — и так далее.

Все эти обсуждения уводят от главного вопроса. Некоторые из них, конечно, имеют очевидное значение для еврейской общины, но в той мере, в какой это касается основной проблемы, которую мы обсуждаем в этой книге, они неприменимы. Единственный вопрос, который является спорным с точки зрения нашего тезиса, заключается в следующем:—

Приведет ли сионистский эксперимент к усилению или ослаблению напряжения, вызванного присутствием еврея в нееврейском мире.

Это, и только это, является нашей заботой, и с этой точки зрения мы можем исследовать теорию сионизма, которая теперь превратилась в попытку применения на практике.

Сначала давайте рассмотрим его необходимые общие следствия: следствия, которые влечет за собой сионизм, независимо от того, где и как проводился эксперимент.

Сионистская теория заключается в том, что Израилю было бы выгодно, если бы из его многих миллионов (около двенадцати миллионов, считая тех, кто относится к частично еврейской периферии, которые в достаточной степени являются евреями, чтобы составлять единое целое с расой) ядро — скажем, десятая часть — имело фиксированный территориальный "город", собственную страну, место жительства. Эта страна, где бы она ни была выбрана, должна быть, насколько это возможно, чисто еврейским государством: "настолько еврейским, - сказал один из его представителей, - насколько Англия английская".

Теперь предположим, что выбранным местом была (сегодня мы можем сказать "была") пустая или почти неразвитая страна, и предположим, что евреи обнаружили, что их собственный народ может понести расходы на то, чтобы добраться до этого места с достаточным капиталом и колонизировать его в большом количестве. Предположим, что таким образом образовалось небольшое государство с населением от миллиона до полутора миллионов человек, которое было бы полностью еврейским по своему характеру и независимым в самом полном смысле этого слова. Сразу возникает вопрос: *были бы евреи во всем мире:—*

(a) разрешено ли считать себя гражданами этого государства?

(b) считаются в любом случае гражданами этого государства, хотели они того или нет, и зарегистрированы в качестве таковых, с согласия зарегистрированного лица или без него?

Если нет, то каков был бы статус еврея за пределами этой территориальной единицы, которую он выбрал как нечто большее, чем символ своего национального единства, — ее фактическое местонахождение и учреждение?

Это вопрос, с которым, насколько я наблюдал за дискуссией, все не решаются столкнуться; и все же это вопрос, с которым рано или поздно придется столкнуться как с главной политической сутью всего дела.

Заметьте, что не может быть и речи о создании государства, в котором будет проживать весь или даже большая часть еврейского народа. Никто не отверг бы такую идею более решительно, чем главные пионеры сионизма. Огромная масса евреев, конечно, высмеяла бы ее как невыполнимую и отвергла бы как крайне нежелательную. Они живут и желают жить, руководствуясь своими нынешними интересами в странах, среди которых они рассеяны. Они живут и желают жить полукочевой жизнью, международной жизнью, которая стала их неотъемлемой частью в силу всех традиций и которую теперь можно было бы назвать у них почти инстинктивной. Кроме того, большая часть из них желает сделать карьеру, которая сопутствует такой жизни, особенно карьеру переговорщика и посредника. Они не только чувствуют преимущество такого положения, они также чувствуют потребность и аппетит к такому состоянию.

Какую бы форму ни принимал сионизм до того, как он появился в своей нынешней экспериментальной форме, что бы ни говорилось о теории в прошлом, *этот момент* всегда был прописным:

Евреи как нация остались бы такими, какими они были, перемещаясь среди всех народов. Новый Сион должен был стать не более чем постоянным местом сбора, устоявшейся, но небольшой территориальной нацией, которая должна была лишь провозглашать их единство. Из этого с необходимостью следует, что огромная масса евреев за пределами территориального поселения должна была бы, после образования такого поселения, получить определение своего политического характера. Каким должно быть это определение?

Я думаю, что сам евреи ответили бы: "Это должно быть именно то, что есть сегодня, или, скорее, то, что было у западных народов в течение прошлого поколения". То есть еврей должен рассматриваться как полноправный гражданин страны, в которой он находится в данный момент. Ничто не должно лишать его какого бы то ни было положения в этой стране. К нему должны относиться точно так же, как и ко всем другим гражданам, и, наоборот, он не должен получать никаких привилегий. Например, в странах, где существует воинская повинность, он должен быть призывником, как и любой другой; когда нация, в которой он случайно оказался, вступает в войну, он должен быть вынужден рисковать своей жизнью ради этого, как любой другой гражданин. Если ему случится за год или два до войны обосноваться в стране противника, то он в равной степени будет вынужден сражаться на стороне врага против своей бывшей страны. Согласно юридической фикции, он должен во всех отношениях рассматриваться как идентичный общине, в которой он на данный момент проживает, *но в то же время он должен иметь какие-то особые отношения с еврейским государством*.

Он и только он должен иметь (безусловно, на практике и, конечно же, в юридических решениях) право на въезд в этот город, на должность в нем. Его мнение должно учитываться при

поведении этого государства, где бы он лично ни находился в мире. Он должен рассматривать себя — действительно, это неизбежно из определения нового государства — как лично связанного с ним, если не члена этого государства. Он не может отделить себя от ее состояния или быть безразличным к ее успеху или неудаче. По сути, он должен быть ей *лоялен*. Он обязан быть ей преданным морально. Оно обязательно окажется во многом в том же положении, в каком находятся люди ирландского происхождения в Колониях, в Англии и в Соединенных Штатах, по отношению к выжившим и ныне увеличивающимся остаткам их расы, которые цеплялись за свою родную землю. Но в конкретном случае с евреем эта преданность не уменьшится со временем. Она останется всегда живой. Раса, по мере того как ее отдельные компоненты переходят из одной страны в другую, будет составлять одно тело, поколение за поколением, с неизменным государственным устройством, установленным в Новом Сионе. Это, безусловно, идеал, поскольку я слышу, как евреи, которые его поддерживают, со всех сторон выражают его в разговорах и письменно.

Что ж, если идеал будет оставлен в таком состоянии (и будет признано, что на практике он находится в таком состоянии), это приведет к серьезному ущербу для еврейского народа и станет для него источником более постоянного зла, чем любая другая политика, которую он мог бы предпринять. Это подчеркнет тот самый момент двойной лояльности, который они должны стремиться смягчить, если хотят решить еврейскую проблему.

Существование сионистского государства облегчит обособленный характер еврея. Еврейская нация больше не сможет полагаться в своей защите на безразличие или невежество, все еще широко распространенные среди ее хозяев. В то время как до того, как был предпринят эксперимент, многие из этих хозяев могли забыть разницу между ним и ними, у многих не было такого опыта, и многие заметили это, не повлияв на их отношение к еврею; после того, как эксперимент был проведен на практике, обязательно должны произойти изменения.

Приведу конкретный пример: никто не мог в гневе сказать еврею: "Ты нарушаешь наш покой; ты чужеродный элемент в нашем сообществе; ты должен покинуть его". Ибо, если он имел в виду это, он в то же время приговаривал свою жертву ко всеобщему изгнанию. Но как только существует созданное национальное государство, как только в мире появляется значительное число — скажем, полтора миллиона евреев, — которые не являются гражданами какой-либо другой нации, но являются гражданами еврейской нации с известным населенным пунктом, организованного государства, *тогда* предложение об изгнании меняет свое значение. Противник евреев теперь может сказать: "Возвращайтесь в свою страну", и вы можете быть совершенно уверены, что он скажет именно это, если не будет отброшено какое-либо другое решение, кроме юридической фикции полного гражданства в одной стране и моральной преданности другой.,,

Присутствие нового Сиона сделает для еврейского народа то же, что рамка для картины. Это не будет для них универсальным; это не охватит всю сферу еврейской деятельности. Это будет лишь часть целого. Но это неизбежно подчеркнет обособленность, индивидуальный и чуждый характер целого. Это сосредоточит внимание на всех тех вещах, которые девятнадцатый век — в том, что я назвал "Либеральным решением" — тщательно отодвинул на задний план и постарался забыть. Это будет препятствовать честному решению, которое признавало бы совершенно особый характер еврея и в то же время отказывалось подвергать его какому-либо унижению или страданию из-за этого.

Есть нечто большее, чем это. Различные нации, взятые в целом — румыны в целом, поляки в целом, французы, итальянцы, англичане в целом — в любой момент времени занимают очень различное отношение к Израилю, и в каждой отношении меняется от поколения к поколению; всегда, в любой момент истории, включая наше собственное время, существует определенное количество национальных единиц, которые открыто враждебны еврею, сожалеют о его присутствии среди них, ограничивают его деятельность и полны решимости, прежде всего, отделить его, по возможности, с помощью четкого юридического определения, во всяком случае, с помощью закона. универсальная социальная практика, отличающаяся от остальной части сообщества.

Теперь существование нового Сиона, последствия которого я только что определил, никак не может помешать этим враждебным народам использовать оружие, оказавшееся в их руках. Даже сейчас странам, где еврейские финансы контролируют политиков (а это все еще самые могущественные страны), достаточно трудно сдерживать антиеврейские чувства в меньших нациях. Это делается только с помощью тщательно продуманных правил, которым подчиняются несовершенно и которые воспринимаются в этих небольших странах как навязанные иностранным вмешательством в их внутренние права. Защита французским, английским и американским правительствами того, что называется эвфемизмом "национальные меньшинства" — что означает, конечно, повсеместно евреев — это опасное дело, которое даже в нынешнем виде может осуществляться крайне несовершенно. Но единственным основанием для решения этой задачи, единственным аргументом, к которому апеллируют ее сторонники, является тот факт, что "национальное меньшинство", то есть евреи, находящиеся во враждебном сообществе, могут ссылаться на всеобщее изгнание.

Если вы выгоните их, чтобы подавить, они смогут уехать только в другую страну. У них нет никого из своих, куда можно было бы поехать. Или, опять же, если ваше обращение с евреями более жесткое, чем у вашего соседа, вы фактически направляете еврейскую эмиграцию за границы вашего соседа, и ваш сосед имеет право возражать. Но как только будет создано независимое еврейское представительство, этот аргумент рухнет на землю. *Тогда* сказать этим народам, что новое еврейское государство не может вместить всю еврейскую расу, - это не ответ. Он ответит, что речь идет не обо всей еврейской расе, а только о своей собственной части этой расы.

Далее, конечно, всегда будет в интересах тех, кто желает избавиться от еврейского элемента в своей среде, утверждать, что Еврейское государство могло бы быть более населенным и что в нем достаточно места для большего числа граждан. Опять же, те, кто враждебно относится к евреям в их среде, могут сказать: "Очень хорошо. Поскольку в вашем новом государстве нет места для всей массы наших евреев, мы не будем иметь дело со всей массой; позвольте нам предложить, чтобы такие-то люди покинули наше Государство, где они не нужны, и отправились к своим ". И они отбирали евреев, изгнание которых больше всего ослабило бы еврейскую общину в их среде.

При нынешнем положении дел, когда кабинеты министров Рима, Вашингтона, Лондона и Парижа все еще находятся под сильным влиянием еврейских финансов, за ними на данный момент стоят военные силы, достаточные для того, чтобы в какой-то мере навязывать свои порядки сопротивляющимся нациям Восточной Европы и в какой-то мере создавать искусственную защиту для тамошних евреев. Даже если бы эта защита продлилась еще одно поколение (что маловероятно), присутствия сионизма, истолкованного в том смысле, который я

только что процитировал, было бы достаточно, чтобы подорвать его работу. При любом изменении ситуации, в случае любого конфликта между этими западными державами или любого изменения одной или несколькими из них своего отношения к евреям, сионизм, истолкованный таким образом, привел бы к гибели евреев в Центре и На Востоке Европы. Опасность имеет такое большое практическое значение, что она должна быть самым первым вопросом для обсуждения. Только наша приобретенная привычка ко лжи и секретности в отношении еврейской проблемы отодвинула ее на задний план. По природе вещей это должно выйти на первый план, и было бы гораздо лучше наметить пути какого-то решения, прежде чем оно станет настойчивым.

Какими должны быть эти строки?

Их общий характер достаточно ясен.

Выгодно или нет иметь чисто еврейское государство (я имею в виду, выгодно ли это Израилю или нет), можно смело оставить для обсуждения самим евреям. Но одно можно сказать наверняка: если они примут решение в пользу его продолжения, то они должны принять решение также и в пользу какой-либо формы признания чисто еврейской национальности евреев за этого государства.,,

Только так ситуация станет открытой и, следовательно, безобидной. Если они попытаются в новых условиях поддерживать старую фикцию о том, что еврей одновременно является евреем и все же не еврей, что он может быть одновременно евреем и англичанином, или евреем и русским, или евреем и итальянцем, они будут пытаться поддерживать ее в условиях, совершенно отличных от условий прошлого, и в условиях, когда ложь разобьется на практике.

Предположим, вы должны были бы сделать такое признание частично добровольным и предоставить еврею, где бы он ни находился, заявлять или не заявлять о своем еврейском гражданстве; считаться, если он того пожелает, гражданином еврейской нации в Сионе или гражданином народа, среди которого ему довелось жить в данный момент. Вы можете сказать, что при этой чисто добровольной системе (которая, я полагаю, была бы более справедливой) очень немногие выбрали бы Сион. Подавляющее большинство хотело бы продолжать жить по старой фикции. Это, безусловно, верно для Запада; но было бы это верно для Востока? Было бы это верно для Востока или Запада в момент преследования? Я думаю, что нет. Даже если это верно для Востока сегодня, это, конечно, не было бы верно ни для одной группы евреев, страдающих там в будущем от какой-либо степени растления.

Но помимо этого: предположим, что лишь небольшое меньшинство воспользовалось этой добровольной формой признания, предположим, что лишь небольшое меньшинство заявило о еврейском гражданстве, как оно определено в терминах сионистского государства, все равно будет существовать контраст между теми, кто таким образом публично провозгласил себя гражданами Сиона, и теми, кто медлил. Другими словами, за исключением общепризнанного сохранения старой фикции (разрушение которой сионизм больше, чем любая другая сила, должен ускорить), вы должны иметь, благодаря сионизму, усиленную тенденцию относиться к евреям во всем мире как к отдельному народу, будь то без Нового сионистского государства или внутри него. И они отдельный народ, они не могут быть другими. Вся моя просьба заключается в том, чтобы эту истину признали и действовали в соответствии с ней; ибо, если от нее уклоняться или отрицать, она отомстит. Реальность всегда мстит нереальному притворству.

В связи с сионизмом остается еще одно соображение, которое также имеет значение, хотя и совсем другого рода. Должно ли новое еврейское государство полагаться на свою собственную военную мощь и полицию — хотя, возможно, гарантированную (чего бы это ни стоило) международным соглашением — или это будет защищенное государство, оккупированное, защищаемое и охраняемое силой и боевыми качествами какого-то другого типа людей, не евреев - англичан, французов или кого-то еще?

Как мы знаем, конкретное предпринятое решение, конкретный сионизм, эксперимент с которым сейчас проводится в Палестине, выступает за *второе* решение. Защита евреев от туземцев должна осуществляться гарнизоном англичан. Это решение оправдывает себя в самых неблагоприятных условиях, какими они только могут быть. Нынешний эксперимент, как мы отмечали в конце предыдущей главы, представляет собой не независимое еврейское государство, национальное, гарантированное, опирающееся на свою собственную силу; но *защищенное* государство; и это государство защищено одной нацией: Великобританией. Внутренний мир нового Сиона, его защита от крайне враждебных сил, экспроприация местных землевладельцев, поддержание мира между местными элементами, крайне враждебными ему, не зависят от еврейских солдат и еврейского мужества. Это зависит от британских солдат, британской организации и британских жертв. Те, кто продвигал сионистский эксперимент, намеренно выбрали самый неподходящий момент для такой глупости.

Учитывая, что кто бы ни был Защитником, он должен быть дружелюбным Защитником, худшего решения нельзя было придумать. Независимость маленькой нации всегда морально гарантируется хотя бы балансом более крупных наций. Нарушение нейтралитета Бельгии не является правилом; напротив, это было одиозное исключение. И это было бы таким же исключением, если бы нейтралитет не был официально гарантирован собственной рукой Пруссии. У небольших наций, которыми полон современный мир, будет, мы можем быть совершенно уверены, долгая жизнь. Более крупные нации завидуют их безопасности и счастью, но приветствуют их. Им не будет позволено исчезнуть. То же самое, я думаю, было бы верно и в отношении еврейского национального центра, если бы он был основан, населен полностью или в основном людьми еврейской расы, религии и культуры, представляя миру тот же аспект, что, например, Дания сегодня. Но полагаться при ее установлении на превосходящую силу, на военные и финансовые жертвы другого, совершенно непохожего народа - это вызов и провокация. Это построение пирамиды вверх от ее вершины. Это эксперимент в условиях самого неустойчивого из неустойчивых равновесий.

Этот вопрос, конечно, обсуждается повсюду с точки зрения Великобритании, и нигде так горячо, как среди тех, кто должен выполнять полицейскую функцию и вооруженную защиту. Но нас здесь интересуют не те пагубные последствия, которые такая ситуация должна иметь для Великобритании — последствия настолько пагубные, что эксперимент как чисто британский протекторат обречен на провал — нас скорее беспокоит эффект, который это может оказать на самих евреев. Ни одна великая нация не пожертвует своей внешней политикой, не допустит острой слабости просто для того, чтобы угодить евреям. Рано или поздно такая нация обязательно скажет: "*Мы* не можем пожертвовать нашими интересами ради ваших. Берегите себя". И вот тут-то и возникает опасность для евреев, связанная с этой системой протектората.

Если бы были какие-либо основания предполагать естественный союз между британской армией и евреями; если бы мы могли представить, что британские офицеры и рядовые получают

естественное удовольствие, вытесняя арабов и освобождая дорогу евреям, это было бы другое дело. Если бы в природе вещей было что-то, что делало этот союз постоянным и стабильным, если бы евреи были полностью принятой частью Британского Содружества, как, например, шотландцы или валлийцы, возможно было бы какое-то постоянное соглашение. Но у них нет ничего подобного. Позиция совершенно неестественная. Это не может продолжаться долго. И если это не может продолжаться с британским соединением, как это должно продолжаться с любым другим? Как должен быть осуществлен переход от британского протектората к другому протекторату? Или как, учитывая, какая жестокая ненависть уже вызвана одним началом эксперимента, избежать конфликта, который делает необходимым протекторат?

Пока что неприязнь к этой позиции, которая имеет очень далеко идущие последствия и уже очень глубоко укоренилась в Англии, является пассивной неприязнью. До сих пор не был убит ни один английский солдат; пока что не было особой необходимости подавлять арабов и сеять враждебность, хотя даже та малая необходимость, которая была, была ненавистна соответствующим войскам. Но вещи не могут оставаться в таком состоянии. Конфликт неизбежен. Когда возникает конфликт, чувство, которое до сих пор было пассивным, становится активным. Люди не потерпят потери сыновей и братьев в ссоре, которая их не касается, которая никоим образом не может укрепить британское государство; которая, если уж на то пошло, должна ослабить его; которая ощущается ненадежной и эфемерной и которая будет предпринята против тех, к кому естественно относятся британские симпатии, и в пользу тех, с кем средний солдат и гражданин — в отличие от профессионального политика — не имеет никаких связей и симпатии.

Этот вопрос можно предельно ясно изложить так:

Если сионистский эксперимент необходим или целесообразен, то пусть он будет проведен таким образом, чтобы он зависел только от еврейской полиции и еврейской армии. Пусть она не полагается на иностранный протекторат, который долго не продержится, который является слабостью направляющей силы и который создает ложное положение.

Если будет дан ответ, что евреи не способны создать такую армию или такую полицию, что они неизбежно потерпят поражение и будут угнетены враждебным и более воинственным большинством, среди которого они окажутся, то пусть они проведут эксперимент в другом месте. Но несомненно, что нынешняя форма нового протектората является самой опасной формой, которую можно было бы для него избрать, с точки зрения самих евреев. Я с уверенностью обращаюсь к ближайшему будущему с просьбой подтвердить это решение.

От одного наиболее острого аспекта вопроса, который мы все имеем в виду, я намеренно воздерживаюсь — я имею в виду влияние эксперимента по установлению еврейского контроля над Святыми местами на чувства христиан и мусульман во всем мире. Я воздерживаюсь из-за вызванных им эмоций, которые являются сильными и всеобщими и относятся к тому типу, который я намеренно решил, как проинформировал читателя в моем Предисловии, не включать в это эссе. Действительно, в этом самом опасном из всех результатов сионизма дело еще не дошло до открытой ссоры. Мы должны надеяться на решение, пока не стало слишком поздно, но это решение не будет достигнуто, если мы выберем для обсуждения вопросы, по которым не может быть согласия и по которым сейчас возбуждены самые страстные чувства.

Тем не менее, хотя я воздерживаюсь от обсуждения этого момента, я бы попросил еврейских читателей этой моей книги иметь это в виду. Если они поверят, что религиозные эмоции в современном мире умерли или даже ослабли, они могут оказаться ужасно разочарованными.

Я также воздержусь от комментариев здесь — я уже достаточно убедительно высказывался об этом в другом месте — по поводу странного выбора евреями своего первого правителя арабов и христиан в Палестине. Я лишь скажу, что желание защитить менее достойных представителей своей расы естественно и даже достойно похвалы. Человек может даже снискать определенную славу тем, что способен защитить их от посторонних. Но придавать им слишком большое значение — ошибка, и действительно прискорбно, что из всего еврейского мира — из толп евреев, выдающихся в администрации и политологии, известных своими честными поступками и безупречной карьерой - еврейские советники мистера Бальфура (кем бы они ни были) должны были обвинить автора контракта с Маркони и представителя знаменитой декларации в Палате общин о том, что ни один политик не прикасался к акциям Marconi.

* * * * *

НАШ ДОЛГ

ГЛАВА XII

НАШ ДОЛГ

Решение, которое я предлагаю, которое, как я полагаю, можно было бы сделать стабильным, и которое, как я также считаю, является единственно стабильным, требует больших, более необходимых усилий с нашей стороны, чем с стороны наших гостей.

Именно обычный человек должен выполнять свой долг в этом вопросе, и именно на него ляжет ответственность, если мы снова возьмемся за ту ужасную череду непринужденности, преследований, реакции, которая отмечала столько веков.

Мы - подавляющее большинство, мы - организм, внутри которого движется это небольшое меньшинство. Мы являемся или могли бы стать, если бы захотели, создателями наших собственных законов, и мы, безусловно, создатели наших собственных политических настроений.

Я знаю, что принято перекладывать всю ответственность на другую сторону, постоянно изобретать инструменты для их руководства, которые вскоре становятся инструментами для их угнетения, и вообще представлять проблему, в которой роль европейца исключительно негативна и всю работу должен выполнять чужой еврей.

Такое отношение не только ложно, но и крайне недостойно. Когда люди обвиняют кого-то более слабого, чем они сами, во вмешательстве в них и даже в приобретении власти над ними, они

осуждают самих себя. В основном это наша вина, что равновесие так редко достигалось за все эти дебаты шестидесяти поколений. Ибо каким бы чужеродным, каким бы раздражающим ни было инородное тело, именно у нас в руках растворитель этого раздражителя и средство для снятия напряжения, которое он вызывает.

Здесь позвольте мне напомнить, рискуя повториться (ибо повторение необходимо для ясности в подобных рассуждениях), логический процесс, с которого я начал это эссе. Я говорю, что подавляющее большинство, неподвижная раса, через которую в изменчивой и кочевой форме проходит Израиль, перемещаясь из века в век, не вольна выполнять свою ответственность ни одним из тех попыток решения, которые я осудил. Я полагаю, ни у кого не хватит цинизма сказать, что простое преследование, не говоря уже о его ужасной крайности, является или должно быть решением. Никто не может предсказать то же самое и в отношении изгнания. Ни один человек не может выполнять нашу ответственность, притворяясь, что любое принятое решение должно служить только нашему благу, и может пренебрегать благом тех, кто живет среди нас.

Достаточно часто приходится слышать утверждение о том, что хозяева дома должны самостоятельно решать, что им делать под их крышей: что незваный гость, чуждый элемент, не имеет статуса и права жаловаться на любые меры, которые могут быть приняты для защиты семьи. Изложенное таким образом звучит правдоподобно. По сути, это ложь. Это сравнимо с аргументом, применяемым к частной собственности, — поскольку частная собственность является правом и поскольку человек "может делать со своей собственностью все, что ему заблагорассудится", следовательно, он может использовать ее во вред другим. Более того, аналогия ложна; ибо, когда человек говорит о "хозяине дома", имеющем право в своей семье определять собственный образ жизни и обращаться со своими гостями, он имеет в виду очень маленькую единицу в большом сообществе; его семью во всей нации: маленькое тело, которое, если оно разрядится или каким-либо другим способом справится с чем-то чуждым для себя, не причинит большого вреда этому инородному телу, поскольку для него есть весь мир, к которому он может обратиться снаружи. Но в отношениях между евреем и христианским миром или евреем и исламом параллель несостоятельна. Именно потому, что нет "внешнего", к которому изгнанник мог бы обратиться, на нас налагается обязанность.

Действительно, когда небольшое и чуждое меньшинство предполагает диктовать политику остальным, рассматривать только свои собственные преимущества и подчинять этим преимуществам жизнь всех, это утверждение нелепо и должно быть отвергнуто. Но, с другой стороны, мы должны помнить, что меньшинство вообще может жить, только преувеличивая свои притязания. Только яростное отстаивание своего права на выживание гарантирует его выживание. Мы можем добиться справедливости в этом вопросе, поставив себя на место тех, по отношению к кому мы предполагаем действовать.

Поставьте себя на место еврея и спросите, как бы вы отнеслись к этой доктрине "делать то, что нравится самому" и быть "хозяином своего дома".

Текстом может служить публичный пример, который совершенно справедливо вызвал ажиотаж за несколько месяцев до публикации этой книги. Образованный и выдающийся еврей, доктор Оскар Леви, человек, который был ценным активом для любого сообщества, был выдворен из страны при обстоятельствах, которые многие из моих читателей помнят. Он совершенно справедливо утверждал, что как еврей, такое изгнание оставило его без крова; что родная

страна, гражданином которой он номинально был (под развенчанной фикцией о том, что евреи могут быть немцами, или австрийцами, или кем-то еще, и перестать быть самими собой), не примет его; что его интересы, его средства к существованию привязали его к этой стране; он никогда не скрывал своей истинной национальности, не менял имени и не использовал никаких из тех уловок, которые, даже когда их простительно, опасны и вызывают презрение у столь многих его соотечественников. Не было никакой мыслимой причины, по которой к этому человеку следовало применять такую строгость, кроме того, что он был евреем.

Поставьте себя на его место и посмотрите, как это выглядит. Нет страны, в которую вы могли бы вернуться: нет общества, которое приняло бы вас как своего члена. Вам не разрешается оставаться в атмосфере, с которой вы стали знакомы, в окружении, которое стало таковым в вашей дальнейшей жизни, и ваше созвучие с которым вам менять уже слишком поздно. Может ли быть более вопиющая жестокость или более вопиющая несправедливость? Суть всей проблемы заключается в том, что где-то должен быть укрыт еврей, и поэтому кому-то из нас должен быть задан вопрос: "Вы приютите его, и если да, то на каких условиях?" Если каждый человек ответит: "Нет, я не буду", тогда все коллективно станут угнетателями. Сказать: "Эти люди не из наших, и поэтому они могут составить заговор против нас" или "Их интересы расходятся с нашими и, следовательно, могут конфликтовать с нашими" - это не ответ. Все это предоставлено. Это просто констатация проблемы, а не ее решение. Что мы говорим в повседневной жизни о людях, которые просто высказывают свои обиды, твердят о них и не прилагают никаких усилий, чтобы исправить их? Что мы думаем о людях, которые постоянно жалуются на что-то от природы более слабое, чем они сами, не прилагают никаких усилий, чтобы понять его необходимость, и пытаются только избавиться от неприятности, не принимая во внимание взаимный долг и взаимоотношения? То же самое мы должны думать о тех, кто так поступает по отношению к еврейской общине среди нас, которая, несмотря на все свое господство и преувеличенную современную мощь, в конечном счете находится в нашей власти, намного слабее нас по численности и положению. Не вдаваясь в дальнейшие подробности того, что должно быть очевидным политическим и моральным принципом, давайте рассмотрим нашу роль в решении этой задачи.

Я полагаю, что это состоит в двух совершенно разных решениях: двух очень разных, но взаимосвязанных линиях поведения, которым мы должны посвятить себя. Первый, до недавнего времени самый трудный, - это решимость говорить о еврейском народе так же открыто, так же непрерывно, с таким же интересом, с таким же тщательным изучением, как мы говорим о любом другом инородном теле, с которым мы соприкасаемся.

Вторая обязанность, которую, возможно, будет труднее выполнять в будущем, будет заключаться в том, чтобы избегать, при индивидуальном общественном признании тех, с кем нам приходится жить, всякого напрасного гнева и любой простой реакции. Я имею в виду простую реакцию, слепую реакцию. Инстинктивное противодействие тому, что давит на нас, нерасчетливый и животный ответный удар, последствия которого ни для нас самих, ни для других не взвешиваются при нанесении; напрасная жалоба, напрасный гнев, напрасная жестокость.

Если эти две обязанности не будут выполняться вместе, если решимость практиковать обе не будет иметь одинакового веса, предлагаемое мной решение потерпит неудачу. Обсуждать проблему, связанную с присутствием еврейского народа, говорить о нем так, как говорили бы о

любом другом, открыто и откровенно, интересоваться его историей и его нынешними деяниями: все это только усугубляет проблему, если мы используем это открытое общение с целью причинить ему вред, или если в ходе этого мы позволяем себе (просто из раздражения или контраста, из чувства, которое все должны испытывать к чуждым вещам) реагировать против него, не задумываясь о непосредственных и окончательных последствиях не только для них самих, но и для нас.

И наоборот, решимость учитывать их интересы и избегать любых возможных поводов для конфликта, придерживаться с ними справедливой меры совершенно бесполезна, если мы фальсифицируем все отношения с помощью секретности и ложных условностей.

В тот момент, когда это происходит, вместе с этим приходит тайное недовольство собой и всей ситуацией. Позиция фальсифицирована, семя вражды сильно стимулировано, опасность взаимного презрения стала неизбежной.

Теперь давайте посмотрим на эти две ветви того, что мы должны сделать в этом вопросе, и посмотрим, какие трудности стоят на пути.

На пути откровенного признания, изучения и открытого интереса к еврейскому меньшинству среди нас стоят три очень серьезных препятствия. Во-первых, унаследованные условности приличного общества; во-вторых, и это гораздо сильнее, страх; и в-третьих, весьма уважаемое желание избежать оскорбления.

Первая из них, боязнь условностей, имеет много корней — необходимость гармонии в неторопливой жизни, то есть желание избежать трений даже в ущерб правде, простой импульс спокойной привычки, страх непонимания, которое может исходить с одной стороны, вызывая насмешки другой, что может оскорбить человека, которого мы неправильно поняли, или сделать нас смешными в его глазах и глазах нашей аудитории.

Конечно, существует также причина, более могущественная, чем любая другая, сила, стоящая за всеми условностями, сила, которая заставляет человека снимать шляпу в церкви, которая запрещает ему ходить по улице без обуви в самый засушливый день, то есть давление общей практики. Но следует понимать, что в такой форме — я имею в виду, в отличие от любого чувства страха или милосердия — это условность, и только условность. Как ни трудно нарушать условности, если *эта* условность не будет нарушена раз и навсегда, еврейская проблема остается для нас нерешенной и приобретает все большую остроту и опасность.

Вы можете встретиться с ирландцем и обсудить с ним условия жизни в его стране. Вы можете спросить итальянца, когда он в последний раз был в Италии, или поздравить француза с овладением вашим языком, или сказать ему, что ему трудно понять ваши собственные обычаи: но в рамках Либеральной фантастики, которой я посвятил так много места в предыдущей части этой книги, сложилось соглашение, что совершать любые из этих вполне естественных поступков по отношению к еврею чудовищно. Ваша аудитория будет шокирована, если вы зададите какому-нибудь ученому еврею за общим столом вопрос о его национальной литературе или истории. Это солецизм — вообще упоминать о его национальности, за исключением, возможно, времени от времени глупых похвал - в девяти случаях из десяти похвала не по существу и нежелательна для ее получателя. И даже к похвале нужно подходить очень осторожно. Вы не можете спросить еврея в Лондоне, как бы сильно вы ни стремились получить информацию, были ли у него двоюродные братья в Литве или Галиции, которые

рассказывали ему об условиях в этих бедствующих странах. Вы можете не спрашивать его, когда его семья приехала в Англию, и, если он недавно приехал, что он думает об этой стране. На все это *наложено табу*.

Более того: вы должны, от вас ожидают (или ожидали до недавнего времени), что вы самым экстравагантным образом подчеркнете полную идентичность вашего гостя-еврея с людьми, среди которых он живет. Я не обижаюсь, если какой-нибудь случайный знакомый, заметив мое французское имя, заговаривает со мной о Франции и интересуется моим опытом службы в этой стране в качестве давнего призывника. Мистер Редмонд не чувствовал себя оскорбленным, когда те, кого он встречал в Лондоне, обсуждали с ним ирландские дела, от самых острых политических трудностей до самого общего упоминания театра Эбби. Редактор итальянского журнала, посетивший Англию, не будет шокирован, если вы спросите его, когда он покинул Флоренцию, и окружающие вас люди не придут в ужас от невоспитанности вашего вопроса. Но в вопросе о евреях действует эта конвенция, отсекающая вас от любого такого прямого и незатейливого способа общения с ближним. Я говорю, что эта конвенция должна быть нарушена, если мы вообще хотим добиться каких-либо результатов и установить постоянный мир.

Это, конечно, не было полностью иррациональным по происхождению. Ни один обычай таковым не является. Это можно было оправдать по нескольким причинам.

Во-первых, было известно, что многие люди питали настолько сильную враждебность к евреям, что подчеркивание еврейского характера любого присутствующего могло пробудить эту враждебность.

Затем произошел необычно быстрый переход как еврейских движений, так и еврейской судьбы. В предложенном мной случае, когда вы спрашиваете лондонского еврея, есть ли у него родственники в Галиции или Литве, вы можете наткнуться на родственников намного беднее его в лондонском Ист-Энде; или, опять же, может показаться, что вы подчеркиваете кочевой характер расы и тем самым также подчеркиваете контраст между ней и нашей собственной.

Но самым сильным оправданием конвенции была обоснованная идея о том, что ее проведение доставляет удовольствие самим евреям. Мужчины избегали прямого упоминания еврейской национальности, поскольку считалось, что такое прямое упоминание было почти оскорблением. Это было то, что еврей, в присутствии которого вы оказались, хотел оставить на заднем плане; и хотя мы могли не понимать, почему он этого хотел, все же мы уважали его желание, как уважаем любого, с кем хотим сохранить гармоничные отношения. Большинство мужчин, например, безразличны, скажем, к вопросу курения. Большинство мужчин чувствуют себя совершенно непринужденно, когда их спрашивают, курят они или нет, и если курят, то предпочитают ли они ту или иную марку табака. Но время от времени попадается человек, который из-за какого-то несчастного случая в процессе обучения (как, например, мужчина, чья мать воспитала его в убеждении, что курение - смертный грех) не любит, когда об этом упоминают.

Я сам знаю случай с человеком высочайшей культуры и значительного социального положения, которому вы не имеете права ничего говорить о свиньях ни в связи с сельским хозяйством, ни в связи с продуктами питания, поскольку он придерживается мусульманских взглядов. В этих исключительных случаях, когда мы знаем об особом желании нашего гостя, мы уступаем ему

ради гармонии и правильного образа жизни. Так же обстоит дело и с предыдущим соглашением о запрете упоминания еврейской национальности или еврейских интересов в любой форме. Были ли евреи мудры или нет, соблюдая эту конвенцию, как они, несомненно, поступали, не относится к этой части моей аргументации. Я говорю о нашем долге, а не об их. Но я говорю, что до тех пор, пока конвенция не будет смягчена и, наконец, расторгнута, ничего нельзя сделать. Обе стороны должны знать, что это приносит только вред. Это делает неестественными и абсурдными все наши отношения; это усиливает то подозрение в секретности, на котором я настаивал как на главном раздражителе в этих отношениях, и это создает чувство исключительности, странности, что является самой худшей услугой, которую можно было бы оказать самим евреям.

Некоторое время назад съезд зашел так далеко, что даже упоминание, нейтральное — нет, хвалебное упоминание о чем-либо еврейском в общей компании немедленно приводило к неловкости. Мужчины оглядывались через плечо, женщины бросали взгляды направо и налево. Началась своего рода охота, чтобы выяснить, может ли кто-нибудь из присутствующих быть оскорблен каким-либо отдаленным образом этим чудовищным поступком. Если человек сказал: "Каким поэтом был Гейне и насколько насквозь еврейской является его ирония!" - и сказал это в комнате, полной людей, прилагательное "еврей" подействовало как пистолетный выстрел — что может быть абсурднее! И все же так оно и было.

Но я выступаю не против абсурдности этой конвенции, а против ее опасности. Это препятствие для правильного решения того, что с каждым днем становится все более и более настойчивой и острой трудностью.

Очевидно, что избавление от такой конвенции не должно быть осуществлено насильственными методами и не должно быть немедленным. Но наш долг - ускорить его упадок и, в разумных пределах, использовать все возможности для обращения с еврейской национальностью точно так же, как с любой другой. Я имею в виду именно так, как с любой другой в разговоре или письменно. Мы все знаем безумный тип, который любит нарушать условности просто потому, что это условности, и нам, безусловно, придется быть настороже с такими людьми в ближайшем будущем, поскольку именно эти условности начинают нарушаться. Но без поощрения подобной эксцентричности остается достаточно места для возрастающей легкости в признании того, что, в конце концов, мы знаем как реальность, реальность, которая требует открытого обсуждения на благо всех нас. Опасность состоит в том, что даже это чисто условное препятствие из-за слишком длительного сопротивления сдерживает силы, которые стремятся его разрушить, и, следовательно, когда оно будет разрушено, мы не допустим другой крайности распушенности, с ее возможностью оскорбления и нанесения ущерба. Именно это произошло в случае с другими, гораздо более разумными викторианскими конвенциями, и мы не должны допустить, чтобы это произошло в случае с конвентом, который так долго запрещал нам признавать, что еврей был евреем, или проявлять какой-либо открытый интерес, когда он присутствовал, к вещам, которые он сам считает наиболее интересными из всех.

И если кто-нибудь ответит, что конвенция необходима, чтобы в случае ее упадка не последовала открытая враждебность, я могу только сказать, что это означает отчаяние в каком-либо справедливом решении вообще. Но весь мой тезис в этой книге заключается в том, что пока не стоит отчаиваться в таком решении.

Есть еще одна вещь, которую следует сказать по поводу старого *табу*. Как бы долго оно ни сохранялось в малочисленном образованном классе, среди населения оно ушло навсегда, и в предстоящие трудные времена нам придется в основном иметь дело с народным инстинктом.

Население этой страны говорит о еврейских делах с откровенностью, которая поразила бы гостиные, и так говорили о них на протяжении прошлого поколения — с тех пор, как в наши города начал хлынуть новый огромный приток бедных евреев. Она не только открыто говорит таким образом с евреями и о евреях на своем собственном уровне, но и полностью осознает присутствие и власть евреев в правительстве. Те, кто думает, что продление действия конвенции может отсрочить необходимость решения, были бы разочарованы, если бы провели несколько дней к востоку от Олдгейта и пообщались там со своими согражданами.

С этим препятствием условностей связано самое настоящее препятствие благотворительности.

Сейчас мы имеем дело не с позитивной благотворительностью, а с негативной, и с такой формой благотворительности, которая необычно похожа на расслабленность.

Человек, который искренне считает, что любой намек на еврейские расы в современном искусстве, истории или литературе в присутствии еврея оскорбителен, и поэтому его следует избегать, по доброте душевной, *и который также придерживается той же добродетели, когда дело касается любого другого иностранца*, действительно редок. Такие люди есть, ибо можно найти людей исключительной доброты в сочетании с исключительной глупостью. Но оправдание благотворительности в том виде, в каком оно обычно выдвигается, не совсем простодушно. Там, где это кажется наивным, наш сегодняшний ответ должен заключаться в том, что даже при риске случайных неприятностей необходимо рисковать опасностью правонарушения; ибо, если мы не рискуем этим, возрастает опасность гораздо более серьезного преступления против правосудия. По какой бы причине ни запрещалось открытое обсуждение, даже по причине благотворительности, мы только откладываем злополучный день, и благотворительность, используемую таким образом, можно сравнить с благотворительностью, которая отказывается предпринимать действия в решении любой другой критической проблемы возрастающей серьезности. Благотворительность, которая не решается контролировать запасы расточителя, или вести оборонительную войну за правое дело, или защищать угнетенного человека, рискуя поссориться с его угнетателем, - это благотворительность, направленная не по назначению.

Но, как я уже сказал, у гораздо большей части людей, ссылающихся на этот мотив, оправдание, если бы они только проверили свою собственную совесть, оказалось бы ложным. И проверка его ложности станет очевидной, когда конвенция ослабнет. Когда больше не будет принято избегать любого упоминания евреев, многие ли будут хранить молчание просто из любви к своим братьям? Кто-то мог бы пойти дальше и сказать, что, когда съезд завершится, любая потребность в такого рода благотворительности исчезнет вместе с ним. Конечно, есть исключение в случае человека, чья неприязнь к евреям настолько сильна, что он боится самого себя, если даст хоть малейший повод своему языку. Эта мания исключительна, но там, где она обнаружена, ее жертве, безусловно, лучше хранить молчание. Если человек не может упомянуть еврейский алфавит без насмешки или экономику Рикардо, не выдав своего неприязненного отношения к происхождению Рикардо, то, конечно, ему лучше придержать язык, когда рядом евреи. Точно так же французу, который бредит англичанами, гораздо лучше не обсуждать

британскую конституцию или гений Ньютона в любом обществе, где может присутствовать англичанин.

Остается главное препятствие — страх.

Нет сомнений, что сильнейшей силой, все еще сдерживающей выражение враждебности к еврею, является страх.

В некотором смысле, конечно, существует "страх" нарушения условностей — но это страх только в переносном смысле. Я имею в виду не это, а вполне реальный страх последствий: ощущение, что выражение враждебности к еврейской власти может навлечь определенные беды на человека, виновного в этом, и панику, опасаясь, что это зло обрушится на него. Насколько сильно это чувство, может засвидетельствовать любой, кто исследовал, как и я, это самое насущное из современных политических недугов; и, несомненно, большая часть моих читателей-неевреев вспомнит соответствующие примеры.

Это страх перед двумя последствиями, социальными и экономическими, и даже перед обоими вместе взятыми. Люди боятся, как бы враждебность к еврейскому господству не привела их во власть какой-нибудь неизвестной, но подозреваемой всемирной силы — некоторые назвали бы это заговором, — которая может уничтожить человека, который будет настолько опрометчив, что бросит ей вызов. Некоторые, возможно, доходят до того — что читают слово "уничтожить" в его буквальном значении и опасаются за свою жизнь. Такая иллюзия смехотворна. Но гораздо больше людей подвержены влиянию разумной концепции, что против них, если они спровоцируют это, будет предпринято разумное совместное действие, которому они не смогут противостоять, потому что на их стороне нет организации: потому что оно международное; потому что за ним стоит огромная интенсивность чувств; потому что через финансы оно контролирует политические машины всех наций, потому что оно всемогуще в прессе - и так далее.

Я говорю, что они боятся социальных последствий. Они также (и это более четко и осмысленно) боятся экономических последствий. Они признают (они также преувеличивают) власть евреев над финансами. Они понимают, что, если они заговорят, их потащат вниз, их предприятия разорятся, их кредит будет аннулирован. И это самый мощный инструмент, который можно пустить в ход. Когда сверхъестественные мотивы исчезают, самым сильным мотивом, остающимся после аппетита, становится алчность; а алчность более универсальна, чем аппетит, и более постоянна. Здесь действует не только алчность, но и уважаемое стремление к безопасности. Сегодня есть бесчисленное множество людей, которые публично высказали бы о евреях то, что они постоянно высказывают в частном порядке, но которые скрывают свои чувства из страха, что их зарплата может быть потеряна или их скромные предприятия разорятся, их инвестиции сократятся, а их положение подорвано. Над ними стоит меньшее число людей, столь же убежденных в том, что их большое состояние оказалось бы в опасности, если бы они так поступили.

Характеристика всего этого чувства двоякая. Во-первых, как, казалось бы, и должно быть в случае с условностями, хотя и в гораздо большей степени, они сдерживают и чрезвычайно

усиливают скрытую силу гнева против еврейской власти, как реальной, так и воображаемой. Это похоже на скопление напора воды при заграждении речной долины или на создание сопротивления электрическому току. Подавление негодования, хотя это подавление является действием людей, которые сами испытывают негодование, а не непосредственно своих оппонентов, является сильным раздражителем и объясняет высокое давление, с которым происходит атака, когда она ослабляется.

Я говорю только о враждебности и нападении, поскольку именно в этих наименее рациональных примерах заключается сила вещи. Но это применимо и к простому обсуждению. Сегодня вряд ли найдется кто-нибудь, кто не желал бы обсудить в качестве неотложной политической проблемы нынешнее положение, нынешнюю власть, нынешние ограничения, нынешние претензии Израиля. Но на одного человека, который открыто обсуждает эти вещи, приходится десять человек, которые в той или иной степени запрещают себе столь очевидную свободу слова в страхе перед возможными последствиями. В этом, как и во всякой панике, есть элемент нелепости. Оно основано на самых абсурдных иллюзиях; оно страдает от гротескных фантазий. У некоторых этот страх перед еврейской властью очень явно переходит грань, отделяющую устойчивый разум от неустойчивого и даже здравомыслящих от безумных. Но это, тем не менее, серьезный элемент нашей проблемы. Это препятствие, гораздо большее, чем условности, носит характер жесткости. Оно действует определенное время, затем ломается и высвобождает поток.

Вот почему первые проявления враждебности в наше время были такими преувеличенными и несоразмерными. Вот почему многие из них были явно сумасшедшими. Сам этот характер преувеличения, сама эта дикость в пропорции заставили тех, против кого была предпринята атака, относиться к ней с большим презрением, чем следовало бы.

Предтечи нынешнего движения — я имею в виду движение, враждебное Израилю, — не были рассчитаны на то, чтобы вызвать уважение своего противника или даже увлечь за собой людей на свою сторону. Им не хватало того "здорового" смысла, который является первым качеством лидерства. Ибо сила лидерства подразумевает общую душу с теми, кем руководят. Энтузиаст может руководить постоянно, но экстравагантный мужчина — никогда надолго.

Я утверждаю, что эти первые атаки были по этой причине отвергнуты: они были неоправданно отвергнуты теми, кому они угрожали.

За всеми преувеличениями и дикостью скрывалась огромная масса совершенно иных мнений; мнений людей, нормальных в своем понимании ценностей и меры, не склонных "видеть вещи" в полном контакте с реальностью; людей, которые знают, что до сих пор они молчали только из-за страха, которые презирают себя за это и которые более готовы действовать. Ибо чувство страха не только унижает, но и возмущает, по крайней мере, нашу расу. Европейец, который признается себе, что обуздал инстинкт не из-за религии или общего чувства справедливости, а из-за трусости, всегда сердит на себя и ждет момента, когда он сможет отомстить своему прошлому и очистить себя от поношения в собственных глазах.

В этом заключается опасность для Израиля такого положения дел. Но это меня здесь не касается. Меня интересует только его влияние на нас самих. До тех пор, пока мы деградируем, до тех пор, пока мы унижаем себя собственной трусостью, до тех пор, пока мы уклоняемся от

любого разумного обсуждения, не говоря уже о любом выражении враждебности, потому что мы боимся последствий от рук наших оппонентов, до тех пор, пока нарастают два зла: во-первых, откладывание правильного решения; во-вторых, превращение разумной политики в простую ненависть со всеми последствиями, которые вытекают из таких злых эмоций.

Чем дольше мы сохраняем то, что осталось от этого барьера на пути свободы слова (к счастью, он уже рушится), тем дольше мы приводим к двум фатальным результатам: откладыванию правосудия и разжиганию вражды. Разрушение этого барьера, избавление нас самих от страха в этом вопросе, как это всегда бывает при осуществлении этого недостойного мужчины дела, требует индивидуальных усилий. Как гласит пословица, "Кто-то должен позвать кошку", что является еще одним способом сказать, что если каждый человек будет прислуживать своему соседу, дела будут идти только хуже и хуже.

Каждый на своем месте, пока не стало слишком поздно, должен подойти к еврейской проблеме и открыто обсудить ее; предварить это обсуждение искренним интересом и общим высказыванием по всем тем вопросам меньшинства, которые непосредственно касаются его отношений с большинством; обращаться с еврейской нацией точно так же, как обращались бы с любой другой.

Раньше у тех, кто целую жизнь назад призывал к открытой критике Священного Писания, было изречение, что "к Библии следует подходить так же, как к любой другой книге".^[2] Результат не является хорошим предзнаменованием для моего нынешнего аргумента, и я скорее опасаясь параллели; но поскольку фраза хорошо известна, я буду использовать ее в качестве модели. Я говорю, что пришло время избавиться от отношения к еврейской нации как к чему-то закрытому, таинственному и секретному. Давайте относиться к ней "как к любой другой нации". Неудивительно, что люди, движимые лишь слепой ненавистью, испытывают некоторые колебания по поводу последствий этой ненависти. Но я убежден, что если мы, со своей стороны, избавимся от этого абсурдного современного страха, возьмем еврея в его правильных пропорциях, избавим наш разум от преувеличений в его отношении — особенно от представления о неких нечеловеческих способностях, способных осуществить заговор дьявольской изобретательности и размаха, — нас встретят с другой стороны.

Евреи - не единственная международная сила и не единственная международная сила, страх перед которой нарушил человеческие суждения. Они не единственные международные силы, обладающие определенной степенью организованности и сплоченности. Если вы хотите выразить свою активную неприязнь к шотландцам или ирландцам, вы должны быть готовы к определенной враждебности шотландцев или ирландцев. Вы столкнетесь с чем-то вроде организации и соответственно пострадаете; но если вы лелеете концепцию огромной подземной силы, шотландской или ирландской, наблюдающей за вами со злобной силой и способной вас уничтожить, вы, я думаю, вне реального мира.

Если вы захотите выразить свою активную неприязнь к католической церкви, вы столкнетесь с повсеместной оппозицией. Но если вы делаете из этого вывод, что вступили в схватку с монстром, то вы оторваны от реальности.

Так же, несомненно, обстоит дело и с этим страхом перед еврейской властью, который запятнал умы стольких людей, отложил правильное обсуждение проблемы и повсюду сеял неприязнь. Если мы просто будем действовать так, как если бы этот страх был презренным, как и любой

другой, и перейдем к совершенно открытому обсуждению всего этого дела, даже к открытому выражению враждебности там, где враждебность заслужена, нам будет только лучше. В любом случае, наш долг как перед самими собой, так и перед государством - избавиться от страха в бизнесе, поскольку до тех пор, пока мы не избавимся от него, мы не сможем продвинуться к решению проблемы.

СНОСКА:

[2] Прошу разрешения рассказать анекдот. Студент-старшекурсник однажды сказал доктору Джоуэтту, магистру Баллиола: "Я беру в руки Евангелия и отношусь к ним как к обычной книге". Учитель ответил: "Разве ты не нашел их очень необычной книгой?" Я думаю, это докажет очарование Израиля.

ИХ ДОЛГ

ГЛАВА XIII

ИХ ДОЛГ

Там, где найдены положительные причины зла, очевидно, что лечение этого зла заключается в устранении причин, насколько это возможно.

В конкретном случае трений между еврейской общиной и их хозяевами причинами этих трений являются глупая и опасная привычка к секретности и раздражающее выражение превосходства. Причины, которые еврей может устранить, если захочет. Дело в его собственных руках: мы ничего не можем сделать, он может сделать все.

Но помимо этой негативной обязанности, которая возложена на евреев, если они хотят добиться мирного решения проблем, угрожающих их будущему, на них также возложено позитивное действие. Они должны поощрять, они должны даже предлагать институты, которые лучше отделят их от чужого общества и вернут им достоинство нации. В последней главе этой книги я буду утверждать, что политика, ведущая к решению, должна основываться не на прямых законах нашего собственного воображения, не на реакциях, которые почти наверняка окажутся репрессивными и которых почти наверняка удастся избежать, а на общем духе признания отдельной национальности евреев. Но хотя это верно для каждого христианского западного государства, в котором они оказываются, это не верно для их собственной нации. Они, со своей стороны, вполне могут выступить с предложениями, на которые у них есть способность, потому что они будут знать, как сформулировать их (чего не можем сделать мы) в соответствии с их собственным достоинством и их собственной традицией. Начало таких вещей уже присутствует в еврейских школах, еврейских опекунах и значительной отдельной организации, которую евреи открыто создали для своей общины в этой стране. Эти начинания еще только предстоит расширить.

Те, кто открыто враждебен евреям, скажут, что любые предложения, поступающие с их стороны, будут скрывать ловушку. "Этот народ, - говорят они, - всегда будет предлагать вещи, которые будут казаться достаточно невинными и, по-видимому, не более чем четко определяют их положение на будущее; но мы окажемся в плену обязательств, а евреи станут нашими хозяевами больше, чем когда-либо. Они останутся такими, какие они есть сегодня, - говорят эти возражающие, - и хотя они претендуют на все привилегии отдельного сообщества, они также будут настаивать на полноправном гражданстве, которое несовместимо с таким отношением. Мы обнаружим, что, какие бы институты мы ни попросили их создать, эти институты будут работать не только в их пользу, но и в значительной степени против нас".

Я сомневаюсь в этом. Специальные еврейские учреждения, которые уже действуют, не оказывают такого эффекта. Напротив, они уже снимают напряжение. Одним из таких институтов, например, является еврейская пресса: газеты, специально посвященные еврейским интересам и выступающие в качестве выразителей еврейских идей. Они не всегда так вежливы, как могли бы быть. Временами мне самому приходилось подавать жалобу на то, как они относились к искренним усилиям по разрешению наших трудностей и честной попытке найти выход. Иногда они оставляют своих врагов в покое слишком настойчивыми или, как сказали бы эти враги, слишком высокомерными заявлениями, и время от времени они пишут, как будто у нас, подавляющего большинства, нет никаких прав и единственное, о чем стоит подумать, - это продвижение их собственного народа.

Но, в конце концов, было бы абсурдно ожидать чего-либо другого. Небольшое меньшинство, энергично борющееся со своими собственными силами, должно преувеличивать свои притязания; организм, защищающийся от очень сильного давления извне, не может не казаться агрессивным, и я всегда буду утверждать, что присутствие открыто еврейского учреждения, выступающего от имени еврейских интересов, независимо от того, насколько настойчиво, - это превосходная вещь. Это представляет собой здоровый контраст с попыткой converse представить еврейские аргументы под прикрытием нейтралитета и анонимно распространять еврейские идеи через тех, кто очень далек от того, чтобы быть нейтральными агентами.

Если меня спросят, какие институты я имею в виду, я могу только повторить, что первое предложение должны внести сами евреи, но я предлагаю расширение системы, которая уже присутствует в зачаточном состоянии, согласно которой споры между евреями должны рассматриваться еврейским судом. Не только его продление, но и подтверждение по просьбе самих евреев могло бы быть хорошей вещью. Было бы также неплохо, если бы — через некоторое время, когда ситуация созреет для перемен, — споры между евреями и неевреями можно было рассматривать в судах, где особый характер таких споров, отличительная разница между ними и спорами между согражданами страны, в которой они живут, рассматривались бы судами смешанного характера. Предпринять это сегодня было бы, конечно, совершенно новым отходом от процедуры, действительно революционным; и в течение длительного времени у этого нет никаких перспектив; но с ростом числа среди нас и растущего влияния евреев это, я думаю, когда это, наконец, произойдет, будет выгодно обеим сторонам. Было бы фатально, если бы им это навязали. Это не было бы принято. Это не сработало бы. Но если бы это было предложено еврейской общиной спонтанно, начато и развито ими самими, это увенчалось бы успехом. И это значительно улучшило бы уже испытанное облегчение в функционировании других институтов, о которых я упоминал.

Больше в этой главе сказать нечего. Помимо обязанности вести переговоры открыто и этой конкретной политики укрепления отдельных институтов, у нас нет никаких претензий к прессе.

Вся основная часть взаимного долга лежит на *нас*. Поэтому я уделил этому столько места, сколько, по-видимому, оно заслуживает, и ограничился не более чем этими несколькими строками - соответствующими предложениями для тех, кто, в конце концов, не несет ответственности перед нами за свои действия и может справедливо возмущаться обнародованием *наших* взглядов на внутренние детали их инопланетной организации.

РАЗЛИЧНЫЕ ТЕОРИИ

ГЛАВА XIV

РАЗЛИЧНЫЕ ТЕОРИИ

Прежде чем подойти к моему заключению, возможно, было бы неплохо рассмотреть некоторые вспомогательные теории, которых я до сих пор не касался в своем обсуждении, поскольку они стоят отдельно от приведенной в нем аргументации.

Существует целая группа исторических и других теорий о положении евреев, которые либо подразумевают, что проблемы нет, либо, если она есть, ее невозможно решить, или даже что если проблема и есть, то она такого рода, которая не нуждается в решении, потому что это решение не имело бы никакой практической ценности.

На первое место выходят те теории о международном положении евреев, которые откровенно нерациональны и которые варьируются от тех, которые можно с некоторой долей разума защищать из истории прошлого, до тех, которые полностью воображаемы. Ни одно из них, даже если какое-то из них должно быть правдой, не может найти здесь особого места, потому что ни одно не поддается обсуждению.

Таким образом, существует концепция проклятия; концепция, согласно которой Израиль должен до своего обращения подвергаться постоянному паломничеству и постоянной вражде. Это утверждение связано с другим популярным пророчеством о том, что в последние дни Израиль примирится со Вселенской Церковью. Те, у кого эти идеи затаились в глубине души (их больше, чем хотелось бы признать современному мышлению), в глубине души отчаиваются в любом решении и не будут пытаться настаивать на нем ни с какой надеждой на успех. Они говорят: "Это предначертано судьбой и должно продолжаться". Но даже они, я думаю, должны признать, что точно так же, как философия допускает парадокс решимости и свободной воли, так и политические усилия должны допускать парадокс предвиденных неудач и нашего долга, несмотря на них, стремиться к политическому благу.

Независимо от того, правда это или нет, что примирение невозможно и что в конечном итоге ссора должна затянуться, безусловно, глубоко аморально смотреть на это зрелище без попытки смягчить его последствия.

Опять же, существует теория (которую я упоминаю мимоходом и оставляю ее приверженцам), что британцы и евреи каким-то таинственным образом связаны Провидением, так что любое решение, которое не приносит Израилю полного удовлетворения (неважно, какой ценой для бедного Иафета), является государственной изменой. Эти люди мистически считают Британию служанкой еврейства, и есть часть из них, которые также считают своих соотечественников десятью потерянными племенами. У меня в библиотеке есть несколько образцов их литературы.

Существует противоположная и, на мой взгляд, отвратительная теория (но я должен упомянуть о ней, потому что она существует), согласно которой антагонизм, который до сих пор постоянно обнаруживался, будь то скрытый или активный, между этим народом и окружающим миром, заключается в использовании одного как необходимого и божественного угнетателя другого. Тем, кто придерживается такой теории, я могу только ответить, что в эту игру могут играть двое, и это, безусловно, освобождает тех, кого они хотели бы угнетать, от каких бы то ни было обязательств искать решение на своей стороне. Если человек думает, что он может бессмысленно причинить вред Израилю, не страдая от упреков собственной совести, он ошибается; и я признаю, что если бы я был свободен (поскольку я не посвящаю себя дискуссиям и аргументации) ограничиться простым утверждением, я был бы склонен сказать, что те, кто отправляется в путь с этой замечательной целью, поймают Татарины.

Существует противоположная теория, согласно которой особая Божественная защита все еще осуществляется не только для сохранения евреев, но и для суда над их врагами. Эта теория, я думаю, лежит в основе многих еврейских действий в истории и большей части еврейской политики сегодня. Нерациональный, религиозный по происхождению, он, как мне кажется, является для очень многих представителей расы, которая так много страдала, утешением и поддержкой.

Теперь все эти нерациональные теории (я использую это слово без какого-либо дурного оттенка: нерациональное — то, что часто неточно называют мистическим — отношение к любой проблеме вполне может быть более практичным, чем рациональный подход к ней) Я оставляю одну сторону как неподходящую для рационального обсуждения.

Я слышал, как обе стороны в этих дебатах снова утверждали, что присутствие инопланетной силы, мигрирующей, интенсивной, полной традиций, опыта и сплоченности, было необходимо для роста и активности нашей собственной цивилизации.

Они не довольствуются обнаружением отдельных примеров еврейского превосходства в окружающей их массе или расширением славы отдельного еврейского гения. Их скорее беспокоит общее предположение о том, что *какой-то* такой поток необходим для полноценного функционирования высокой и разнообразной культуры. Они говорят нам, что если бы не еврей, европейская цивилизация впала бы в оцепенение, вошла бы в застывшую колею, неспособная к переменам и творческому прогрессу. Еврей, согласно этой теории, рассматривается как своего рода активирующий принцип, который, будь то раздражитель в худшем случае или вдохновитель в лучшем, возбуждает всю нашу европейскую жизнь и необходим для ее непрерывного функционирования. Они также склонны видеть еврея у истоков каждого великого

движения в европейской мысли. Они видят, как он косвенно способствует масштабному превращению Римской империи из языческой, на самом деле не в иудейскую, а в христианскую, то есть (в их глазах) в восточную империю. Они видят еврея в корне великой революционной философии, которая берет начало в одиннадцатом веке и достигает своей кульминации в великой схоластике тринадцатого. Они настаивают на имени Аверроэса (Ибн Рошда), философа двенадцатого века, кади Кордовы: представителя Аристотеля, толкователя, которого евреи сохранили: на великом Моисее бен Маймоне, нашем Маймониде. Они также ставят Николаса де Лира у истоков Реформации: *"Ли́ра не ли́рассет, Люте́р не солта́ссет"*. Но я могу напомнить им, что еврейский характер этого человека по меньшей мере сомнителен, что он принадлежал к религиозным орденам христианского мира.

Они также, безусловно, и не без оснований, приписывают еврейскому влиянию великую экономическую революцию семнадцатого века, за которой последовало столь значительное увеличение богатства и численности населения, хотя вряд ли это привело к человеческому счастью.

Теперь по поводу всего этого, безусловно, есть что сказать как аспект исторической правды. Можно спорить о том, насколько широко это может быть распространено на всю историческую область, как это делают ее сторонники, но я бы попросил своих читателей подумать, какие изменения мы увидели бы в развитии Европы, если бы с помощью какого-то магического инструмента еврейское влияние было устранено на какую-то одну дату. Это увлекательная теория, в некотором смысле применимая и захватывающая. Во всяком случае, это не бессмыслица.

Особенно верно то, что что—то в непрерывном осуществлении анализа еврейским интеллектом постоянно побуждает европейский интеллект к действию - великие диспуты раннего Средневековья были, по большей части, либо прямыми диспутами с евреями, либо диспутами, спровоцированными интеллектуальной позицией еврея; и еврей, в знаменитом имени Спиноза, стоит у истоков той чисто естественной, той лукрецианской интерпретации мира, которая продолжалась через Декарта до своего великого расширения в наши дни. Вы обнаруживаете этот элемент в экономике так же, как и в философии, в политологии так же, как и в экономике; и, говоря об экономике, не следует забывать, что величайшее имя, лежащее в основе современной экономической науки, — это имя еврея Рикардо, в то время как наиболее выдающимся именем в развитии ее наиболее выдающегося прямого применения также является еврейское имя - имя Карла Маркса.

Не лишено значения, что любое из этих имен, наряду со своим еврейским происхождением, напоминает об отчужденности от общей еврейской общины. Я думаю, будет справедливо сказать, что это сообщество отказалось от Спинозы; Рикардо и, я полагаю, Карл Маркс были чужды национальной религии, и последний женился не на своем народе и оказывал свое огромное влияние вне крови, от которой происходила его семья. Ибо, хотя это правда, что *руководство, персонал коммунизма* - евреи, все же его убежденные приверженцы в массе своей состоят в нашей крови.

И в этой связи мне вспоминается еще одна теория или факт, связанный с историей Израиля, который заключается в том, что интеллектуальная независимость еврея была столь же заметна

на протяжении веков, как и его солидарность. Я знаю, что многие в этой стране считают подобные исключения причудами и почти осуждают их как предателей; и все же они являются немалым достоянием репутации своего народа, и их имена, как бы сильно они ни отвергались их соотечественниками, проливают свет на все общество, из которого они вышли. К ним относятся (следует помнить) не только "философы-скептики", не только материалисты, но и те исключительные исключения, которые предоставили энергию, упорство и блеск еврейского интеллекта на службу Католической церкви. Я беру на себя смелость сказать, что ни в ком из Верующих не было большей преданности, чем в тех, кто, подобно Ратисбону (а он был лишь одним из многих), поставил такие качества на службу тому, что, как они обнаружили, было единственно божественным. Циник мог бы добавить Святого Павла, но, если уж на то пошло, все происхождение Церкви было связано с интенсивными индивидуальными усилиями таких людей.

В этой связи также каждый мудрый человек признает, что нет большей ошибки, чем преувеличивать осознанность действий евреев, независимо от того, исходит ли ошибка от тех, кто восхищается ею, или от тех, кто ее ненавидит. Послушав, что говорят их современные оппоненты, можно представить, что еврейский народ образовал небольшой клуб, в котором каждый член знал друг друга, в то время как каждый работал в унисон дисциплинированному организму. С этим отклонением я не раз сталкивался на предыдущих страницах. Истина заключается в том, что ни одна нация на земле не представляет столько удивительных исключений из своих общих действий, как эта нация, и что ни одна нация на земле, когда она движется в одном общем направлении, как это часто бывает, не руководствуется общим мотивом, менее осознанным. Мы, стоящие вне еврейского сообщества, можем отметить его сплоченность и, я надеюсь, сделаем это к его чести; но его собственные члены скорее жалуются на отсутствие сплоченности. Я слышал, как они жаловались — не знаю, как часто, — на то, что более состоятельные евреи покидали свое общество ради чужеродного тела, глумились над обществом Израиля в целом и оставались равнодушными к общему призыву расы. Именно эта бессознательность в действии, эта частая замена мотива инстинктом объясняет то, что заметили все наблюдатели, особенно во времена преследований. Я имею в виду замешательство угнетенных по поводу действий их угнетателей.

Я помню, как однажды слушал самую красноречивую речь, произнесенную в ходе дебатов, в которой один израильтянин с тем долгим припоминанием, которое характерно для его народа, страстно декламировал благодарность этого народа Святому Бернарду, спасшему их остатки на Рейне от народного гнева. Я помню также, как другой участник дебатов (ибо я присутствовал на многих таких дебатах по всей стране и слышал со всех сторон, каково отношение евреев к нам) просто заявил в ответ на мое описание финансового положения евреев в этой стране после Завоевания: "Ваш собор, ваши аббатства и даже ваши замки были построены на *наши* деньги". Эта фраза была знаменательна тем, что то, что английское сообщество того времени считало допустимым злоупотреблением, те состояния, которые *они* вообще не считали еврейскими, а лишь деньгами, временно несправедливо отнятыми у народа в целом, рассматривались современным еврейством как частная собственность, законно приобретенная и находящаяся в полном владении.

Я мог бы пожелать в этой связи, чтобы какой-нибудь образованный еврей написал Историю Европы с точки зрения своего народа: я имею в виду краткий учебник, предназначенный для нашего потребления; чтобы показать нам самих себя с точки зрения, сильно отличающейся от

нашей собственной. Возможно, такая книга существует. Я уверен, что это было бы полезнее, чем те косвенные нападки (ибо они и есть нападки) на христианскую традицию, которые претендуют на дух беспристрастности, но, тем не менее, враждебны этой традиции во всех отношениях. Я бы предпочел прочитать историю Европы такой, какой ее увидел практикующий еврейский ученый, чем так называемый беспристрастный и агностический отчет, который гротескно представляет Церковь как нечто внешнее по отношению к телу Европы и даже враждебное ей.

В этой связи мы также должны иметь (то, чего сейчас нам не хватает), и это является отражением еврейских действий над христианским миром и исламом вместе взятыми. Мы знаем о терпимости, или, скорее, благосклонности, которую мусульмане Испании проявляли к своим еврейским подданным. Она не была ни всеобщей, ни постоянной. Чего мы недостаточно слышим, что мы должны собрать воедино из случайных намеков, так это связи между мавританскими евреями до и во время Реконкисты и их собратьями на севере.

Прежде чем я закончу эти беглые и спорадические заметки о том, что я назвал "теориями" по нашей проблеме, я должен упомянуть одну, которая, к сожалению, сегодня, кажется, получила широкую поддержку и которая, несомненно, наименее удовлетворительна из всех - даже менее удовлетворительна, чем ныне умирающая выдумка, утверждающая, что еврейской нации среди нас нет, а она состоит лишь из массы индивидуумов, уже поглощенных своим чуждым окружением. Я имею в виду теорию о том, что можно продолжать жить в своего рода кипящей атмосфере частичных репрессий, когда к еврею относятся как к чему-то чуждому и враждебному, но при этом постоянно терпят его присутствие. Это, по-видимому, несовершенный вывод, подразумеваемый, если не заявленный, в сотнях современных брошюр и дискуссий, авторы которых отвергают само название антисемита, хотя они явно симпатизируют действиям, еще менее логичным, чем политика антисемита. Такое равновесие невозможно, даже если бы его установление было столь же нравственным, сколь оно на самом деле аморально. Если не будет найдено откровенное решение, ничего прочного установить не удастся. Все, что мы установим, будет насильственными и последовательными колебаниями. Невозможно постоянно сохранять враждебное отношение к своему соседу, но при этом рассчитывать на то, что эта враждебность будет постоянно подавляться. На склоне такой тенденции вы неизбежно впадаете в те крайности, осуждение, предвидение и предотвращение которых должно быть нашей главной целью.

Вы не можете продолжать, как, судя по их разговорам, желают многие современные люди, при политическом равенстве с одной стороны и живом духе вражды с другой. Вы не сможете добиться мира, давая простое юридическое определение статусу меньшинства, которое также обязательно является вашим соседом, и отказываясь от социальных действий, соответствующих юридическому определению. Если вы пытаетесь сделать это, вы пытаетесь сделать две вещи, одна из которых разрушит другую. Никто не может сомневаться в том, кто победит в конфликте между живым разумным мотивом и простым определением в публичном праве.

Одно отношение к этому вопросу, которое я довольно часто слышал из уст евреев и видел в их трудах, примерно такое: "Наши дела не имеют никакого отношения к людям за пределами нашей нации. Это обсуждение того, что вы называете "еврейской проблемой", является

дерзостью с вашей стороны. Еврейская проблема действительно существует, но это внутренняя проблема, и мы просим вас (с некоторой резкостью) не лезть не в свое дело ".

Если бы такое отношение было разумным, поиск того, что я назвал решением, хотя и мог бы удовлетворить разум, был бы нарушением гражданской морали. Точно так же с моей стороны было бы нарушением гражданской морали выработать решение для ссоры между мистером Джонсом и его тещей, ни с кем из которых я никогда не встречался и с которыми у меня нет никаких отношений, а затем навязывать это решение противоборствующим сторонам. Но недостаток такого подхода заключается в том, что проблема, по сути, затрагивает две стороны, евреев и неевреев. Проблема, которую мы пытаемся решить, - это проблема, выраженная в терминах обеих сторон. Кто-то даже сказал бы, что вряд ли существует какой-либо внутренний вопрос внутри еврейской нации, который не оказывал бы своего воздействия на общество вне ее, и выяснять который не входит в обязанности этого общества извне. Это завело бы дело довольно далеко. Но главная проблема касается обеих сторон, причем как одной, так и другой. Действительно, верно, что последствия ложного решения или полного уклонения от решения были бы более острыми для еврея, чем для нас; но мы пострадали бы оба, и даже с нашей стороны страдания были бы тяжелыми.

Даже если бы не было вопроса о страдании в обычном смысле этого термина, все равно оставался бы вопрос о справедливости. Евреи, которых возмущает постановка проблемы и попытка ее решения, не приносят пользы своему собственному народу и в то же время отказывают нам в праве навести порядок в наших собственных делах, что, конечно, недопустимо: ибо положение евреев в наших великих Государствах и в исламском обществе - это то, что эти государства и это общество должны определять. Они не могут оставить это в воздухе. К какому-то выводу они *должны* прийти, и как можно скорее, и от характера этого вывода зависит их спокойствие.

Две теории, исходящие из совершенно разных состояний ума, противоположные друг другу, но каждая из которых исключает какое-либо решение, проистекают из основной идеи о том, что в отношениях между евреем и его окружением есть что-то неумолимо пагубное. В одной форме это принимает форму утверждения, что несчастный еврей неизменно подвергается жестокому обращению со стороны своих злых хозяев и всегда будет подвергаться такому жестокому обращению. В другом случае это принимает форму утверждения, что злой еврей всегда будет плести заговоры и пытаться навредить своим добрым хозяевам, и всегда будет плести такие заговоры. В любом случае бесполезно пытаться найти решение, поскольку утверждается, что ссора заложена в природе вещей. Люди скажут кому-то: "Зачем пытаться изменить то, что изменить невозможно? Зачем говорить о своем материале как о чем-то отличном от того, что он есть на самом деле? Кошки всегда будут ссориться с собаками, и если вы хотите избежать ссоры, единственное, что можно сделать, - это держать собак и кошек в вашем доме порознь ".

Именно потому, что я не верю, что ни одна из форм этой идеи не является истинной, я искал решение. Я не верю, что ни та, ни другая форма доктрины истинна, потому что доказательства говорят против нее. Эти доказательства находятся в моих руках и могут быть исследованы моими собственными силами без посторонней помощи, как и любым другим человеком в нашем современном обществе. Я не могу припомнить ни одного случая из всех сотен евреев, с которыми я сталкивался, — ни одного из десятков, кого я мог бы причислить к близким людям,

— кто проявлял бы какие-либо признаки этой злобной ненависти. Я слышал много вспышек раздражения, которые, когда мы думаем о прошлом, достаточно естественны; но от какого-то настойчивого и злого желания причинить вред тем, среди кого они живут, от какого-то инстинктивного желания, не связанного с прошлыми страданиями и действующего как своего рода инстинкт, я не видел и следа. Если бы такое было обнаружено у какого-нибудь исключительного еврея из большого числа знакомых, я бы пришел к выводу, что это может быть верно для небольшого меньшинства, но здравого смысла и обычного опыта достаточно, чтобы показать, что это не влияет на массу.

Из причин трений, даже острых, которые я перечислил на предыдущих страницах, есть привычка к секретности, есть взаимное презрение, возникающее у каждого из них из чувства превосходства над другим; есть противоречие между национальным и международным, между тем, что принадлежит нам, и тем, что чуждо. Одним словом, существует множество элементов, предполагающих случайный антагонизм, но доказательств внутреннего антагонизма нет — я имею в виду, нет никаких доказательств того, что евреи по-прежнему желали бы разрушить общество, в котором они чувствовали себя непринужденно.

И, если мы исследуем самих себя, мы в равной степени убедимся, что с нашей стороны нет соответствующего желания причинить зло еврею. Нас также раздражают воспоминания об оскорблении в моменты ссоры, о международных действиях, противоречащих нашим национальным интересам, и о трениях между тем, что является родным, и тем, что является чужеродным; но это совсем не то, что постоянный и необходимый антагонизм. Я очень хорошо знаю, что так называемое "современное мышление" отводит бессознательной части человека большое место и сужает, насколько это возможно, поле разума. Я не могу с этим согласиться. Мне кажется, что человек по своей сути рационален; и его политические отношения могут быть организованы в соответствии с его сознательной моралью и его сознательной логикой.

В любом случае, если они не смогут, то придет конец всякой государственной мудрости и всем полезным политическим действиям даже в деталях.

Далее, существуют два противоположных подхода к этому вопросу, которые, безусловно, влияют: один - на растущую аудиторию с нашей стороны, а другой, возможно, на заинтересованную, хотя и тайную аудиторию с другой; я имею в виду те две противоположные теории, согласно которым, с одной стороны, существует мессианская идея еврея, в конечном счете контролирующего мир, с другой - крайний страх перед этой идеей и вера в то, что она активно реализуется с целью разрушения наших институтов и религии.

Я могу понять, что, имея за плечами традиции своей расы и слыша тон их священных писаний, еврей должен в какой-то степени склоняться к такой концепции, или, по крайней мере, что некоторые евреи должны склоняться к ней. Конечно, перед лицом смехотворно преувеличенной власти евреев в последнее время (сейчас она приходит в упадок, поскольку секретность была ее сутью, и теперь она вынесена на арену открытого обсуждения) было естественно, что люди впали в преувеличенную панику. Они видели евреев, крошечную часть большинства общин, не более двадцатой части любой общины, осуществляющих власть, совершенно непропорциональную их численности или, более того, его способностям; и они видели, что эта власть направлена на цели, которые были еврейскими целями и, следовательно, враждебными или безразличными к остальному человечеству. Но причина, по которой я отвергаю не только преувеличения этой идеи, но и ее фундаментальный подтекст, заключается в том, что мне это

кажется практически невозможным. Это означает способности с еврейской стороны, постоянную волю с еврейской стороны, и то, и другое явно отсутствует. И вам стоит только взглянуть на историю, чтобы увидеть, что задолго до того, как дело дойдет до чего-то похожего на борьбу за превосходство, именно евреи больше всего страдают от подозрений в вынашивании такого замысла, а не мы. Действительно, это один из важных элементов той опасной ситуации, которая сложилась сегодня.

Эта большая и значительно увеличивающаяся группа людей, которые так боятся еврейского господства и энергично реагируют против евреев под влиянием этого страха, с гораздо большей вероятностью закончится несправедливостью по отношению к еврею, чем раболепием перед ним. Именно из этой атмосферы возникли великие несчастья прошлого. Суть любого решения заключается в том, что это настроение должно быть изгнано как с одной, так и с другой стороны.

Есть еще одна теория, о которой я читал не в одном ученом еврейском трактате и которая была повторена (после того, как ее выдвинули сами еврейские авторы) многими нееврейскими обществами и историками, о том, что само выживание евреев, само их существование как отдельной общины было обусловлено условиями, обычными в прошлом, которые теперь исчезли, и что, следовательно, нынешние трудности можно смело оставить на время.

Это, конечно, означает общее утверждение о том, что еврейская раса может быть поглощена, и что поглощение - это решение. Этот вывод я кратко отверг на предыдущих страницах этой книги на том историческом основании, что у него были наиболее благоприятные обстоятельства для успеха, и все же он всегда терпел неудачу. Но в конкретном заявленном случае у него есть свой аргумент, требующий особого рассмотрения: он таков:—

Те, кто защищает эту теорию, говорят нам, что какими бы благоприятными ни были возможности для поглощения в прошлом, они ничто по сравнению с возможностями настоящего и будущего, и что поэтому аргумент из истории несостоятелен. В прошлом (они говорят нам) евреи были исключительными и даже превратили свою исключительность в религию. Они, со своей стороны, как можно меньше смешивались с окружающим миром, а мы, со своей стороны, поддерживали это исключение, в равной степени настаивая на различии между нами и ними. Утверждается, что в те дни у нас была религия, основанная на Воплощении и, следовательно, вызывающая отвращение у евреев; эта религия мертва или отмирает, а вместе с ней исчезла тенденция к исключению извне; в то время как с еврейской стороны также наблюдается значительное ослабление старых религиозных уз, в меньшей степени старой мессианской догмы, и с обеих сторон огромный плавильный котел^[3] это обеспечивает поглощение с интенсивностью и скоростью, совершенно неизвестными в прошлом. Одно дело - поглотить еврея, когда обычному путешественнику потребовался месяц, чтобы добраться из Лондона в Рим, и совсем другое дело, когда на это ушло три дня. Одно дело - поглощать евреев, когда в большинстве случаев существовал барьер для смешения рас, основанный на принципах религии, и совсем другое - поглощать евреев, когда эти самые мощные эмоциональные силы исчезли — и так далее.

Итак, причины, которые заставляют меня отвергнуть эту теорию, двояки.

Во-первых, я думаю, что это преувеличивает контраст между прошлым и настоящим. Во-вторых, я знаю, что в реальном мире, который находится передо мной, и именно в тех условиях, когда

слияние, действие "плавильного котла", должно быть наиболее полным, должна наблюдаться наиболее бурная реакция против поглощения.

Что касается контраста между прошлым и настоящим, я думаю, что он основан на несовершенном понимании того, каким было наше прошлое. Это происходит из-за того "телескопического расширения" истории, на которое я ссылался в другой связи во второй главе.

Долгая история нашей расы между римской оккупацией Иудеи и современной локальной и эфемерной индустриальной фазой больших современных городов не делится на две главы: странное прошлое и понятное настоящее. Это большая величина. Постоянные изменения, которые поражают нас сегодня в физической науке, например, не более примечательны, чем обширные новые разработки в архитектуре и философии, которыми были отмечены двенадцатые и тринадцатые века. Расстройство мышления, которое можно назвать "современным скептицизмом", не имеет ничего общего с таким важным духовным изменением, как та грандиозная революция, которую мы называем обращением Римской империи. Область скептицизма сегодня не больше, чем была во многие особые периоды прошлого. Чувство сильной религиозной эмоции, запрещающей то или иное действие, все еще присутствует среди нас, иногда привязанное к его старым объектам, иногда (как при помешательстве на запретах) к какому-то новому объекту. Безразличие, которое вы обнаружите к особому религиозному барьеру между евреем и неевреем, не свойственно нашему времени. Это приходило и уходило в прошлом; после волны такого безразличия у вас была волна наиболее острой реакции, и я думаю, что вы наблюдаете волну такой реакции сегодня.

Я также не вижу, как скорость простого физического общения влияет на этот вопрос, и даже как объем эмиграции влияет на этот вопрос. Вы можете переправить миллион евреев из Литвы в Нью-Йорк — расстояние в 5000 миль — за меньшее время, чем вы могли бы переправить миллион евреев из долины Рейна в Польшу несколько веков назад; но миллион евреев, похоже, остаются евреями точно так же в современных условиях, как и в прошлом. Действительно, терпимость к евреям, дружеский прием с их стороны и, следовательно, возможности для их абсорбции были бесконечно большими в средневековой Польше, чем в современной Америке. Мне кажется, что вся эта часть аргументации основана на том распространенном взгляде на историю, который приходит из чтения наших маленьких современных учебников: а наши маленькие современные учебники очень вздорные. Это точка зрения, которая исходит из абсурдного акцента на том, что современно. Считается, что современный прогресс физической науки полностью изменил мир как внутренне, так и внешне. Нам стоит только взглянуть на современный мир и сравнить его с любыми *двумя* отдаленными, особыми периодами, которые мы знаем, чтобы обнаружить, что разница между любой парой из этих трех одинаково разительна. Во многих отношениях современный мир гораздо больше похож на мир Антонинов, чем на мир Иннокентия Великого. Во многих отношениях мир Иннокентия Великого гораздо больше похож на Римскую империю, чем на современный мир. Во многих отношениях мир Иннокентия Великого и наш мир имеют больше общего, чем любой из них с языческой Римской империей. Таким образом, общий урок заключается в том, что наше время, со всеми его замечательными особенностями, является лишь одним образцом из огромного числа столь же индивидуальных, и, конечно, в нем нет ничего ни от религиозного скептицизма, разрушающего старые религиозные барьеры, ни от скорости общения, ни от какого-либо другого фундаментального фактора, который специально предполагает поглощение евреев.

Например, евреи смешивались гораздо охотнее, на гораздо более равных началах и с гораздо меньшими трениями между мусульманами в определенные периоды исламской оккупации Испании, чем это происходит даже в Англии сегодня. И все же они не были поглощены там, так же как и в Польше. Они не были поглощены тем старым, терпимым, очень денационализированным языческим римским миром, где у них так часто были полные гражданские права и где они даже манипулировали, как манипулируют сегодня, финансами общины.

Что касается упадка исключительности с их стороны, я не вижу никаких признаков этого. Ибо эта исключительность проистекает не столько из особого соблюдения, которое может ослабевать в один период и ужесточаться в другой, сколько из неизменной национальной традиции, интенсивность которой колеблется, но никогда не опускается настолько низко, чтобы поставить под угрозу продолжение существования народа.

Если мы перейдем от аргументации к наблюдению, ложность теории бросится нам в лицо. Нам остается лишь взять одну точку, где метафора "плавильного котла" наиболее применима (и к которой она изначально применялась), - город Нью-Йорк. Каков был эффект этого огромного притока евреев в Нью-Йорк, этого превращения Нью-Йорка на наших глазах в город, на треть еврейский, и за столь короткий промежуток времени? Как мы все знаем, результатом стало восстание в этой некогда безразличной атмосфере таких настроений против евреев, которые привели бы нас в ужас, если бы мы увидели это в Старом Свете. Раскалено докрасна. Это интенсивная реакция, проявляющаяся с каждым днем все с большей и большей яростью; и дух этой реакции нельзя выразить лучше, чем во фразе, которой мы обязаны, я думаю, мистеру Форду и его знаменитой пропаганде против евреев через его газету "Дирборн Индепендент". "Все это очень хорошо - говорить о плавильном котле, - говорит он, - но пока евреи далеки от того, чтобы плавиться в этом котле, *похоже, что они хотели расплавить сам котел*".

Здесь, в Нью-Йорке, если вообще где-либо, у теории поглощения есть возможность проявить себя. Вы представили на поле боя множество различных рас, включая огромные массы представителей расы, столь радикально отличной от нашей, как негры. У вас есть определенная небольшая доля китайцев, и у вас есть европейские породы неопределенного разнообразия — большинство из них в большом количестве. Вы имеете дело не только с местными учреждениями или даже не только с гражданской теорией, но и с реальной практикой — практикой энтузиазма — с полным равенством и позитивной гордостью за прием любых элементов иммиграции, с уверенностью, что все может быть быстро преобразовано в американскую форму. Большинство этих элементов были поглощены, и поглощены быстро; там, где они не были поглощены, между ними, по крайней мере, был мир. Затем появляется еврей, и сразу возникает совершенно новая ситуация. Ситуация вызова, провокации, признанного исключения, ожесточенных дебатов и даже шума: но никаких признаков поглощения. При наличии всех элементов, которые должны способствовать поглощению, различия и ненависть между евреями и неевреями растут в Нью-Йорке с живучестью тропического растения.

Есть еще одна теория, которую, если бы она не была широко распространена и если бы ее не выдвигало так много самих евреев, я бы оставил в стороне как нечто комичное, нечто непригодное для серьезного обсуждения. Но оно было выдвинуто, и оно должно быть выполнено. Это не что иное, как теория о том, что таких людей, как евреи, не существует, что все это иллюзия.

Вряд ли нужно говорить, что это чудовищное утверждение основано на том, что называется "научным" исследованием этого дела, поскольку слово "научный" стало ассоциироваться со всеми видами неразумия. Было обнаружено, что мужчины, особенно евреи, самым торжественным образом заявляли, что они измеряли черепа, брали пряди волос, заносили в каталог цвета глаз, устанавливали углы лица, анализировали кровь и применяли я не знаю, сколько других трюков, в результате чего не удалось обнаружить еврейский тип! Люди, способные рассуждать таким образом,, похоже, не понимают фундаментального противоречия между номинализмом и реализмом или слышали о старой философской шутке по поводу определения "вещи".

Мы узнаем, что лошадь - это лошадь, яблоко - это яблоко, китаец - это китаец, а еврей - это еврей, с помощью некоего процесса, о котором могут спорить философы, но в добродетели которого не сомневается ни один здравомыслящий человек, и на правильных действиях которого мы основываем всю нашу жизнь. Химик может сказать мне, что химический анализ куска угля дает тот же результат, что и химический анализ алмаза, на что любой человек, способный хоть сколько-нибудь использовать свой разум, ответит, что по очень большому количеству других направлений анализа, таких как цвет, прикосновение, горючесть, твердость и мягкость, экономическая ценность, распространенность (и так далее до бесконечности), это *не* одно и то же. Ни один анализ не является полным, и если бы мы вообще не проводили сознательного анализа, мы все равно могли бы сразу понять, что кусок угля - это не алмаз.

Точно так же обстоит дело и с этими псевдонаучными попытками опровергнуть очевидную истину. Они выдвигают гипотезы, и все они одинаково нелепы, потому что делают выводы на основе недостаточных данных. Существование и дифференциация еврейского народа как этнической расы и как нации политической - такой же факт, как существование угля или алмазов. Они являются нацией политически, потому что действуют как нация, потому что их отдельные члены чувствуют корпоративную функцию и выполняют ее. Мы знаем, что они - отдельная раса, потому что видим, что так оно и есть. Когда вы встречаете еврея, будь вы его враг или друг, вы встречаете еврея. У него есть определенное выражение лица, определенные манеры, определенные физические характеристики, которые вы, возможно, не сможете проанализировать в тот момент, когда видите его, но которые создают у вас впечатление и уверенность в том, что вы имеете дело с чем-то особенным, а именно с еврейской расой. Конечно, верно, что этот тип, как и все общие типы, блекнет по краям, и всегда будут случаи, когда вы можете усомниться в том, имеете ли вы дело с евреем или с неевреем, но есть ярко выраженный центральный тип, вокруг которого строится еврейский расовый тип. Это так же несомненно, как то, что существует монгольский тип, или негроидный тип, и так далее.

Я не принимаю это возражение всерьез. Я отмечаю это только потому, что это уже было сделано и может всплыть в ходе любого обсуждения этого серьезного политического вопроса.

СНОСКА:

[3] Я позаимствовал метафору у мистера Зангвилла, который применил ее, в частности, к Нью-Йорку. Я применяю это ко всему современному индустриальному миру.

ГЛАВА XV

ПРИВЫЧКА ИЛИ ЗАКОН?

Если верно, что трения между евреем и цивилизацией, в которой он живет, усугубляются его привычкой к секретности и нашим лицемерием, выражением им чувства превосходства, которое раздражает нас, а с нашей стороны отсутствием милосердия и разума в общении с ним, то из этого следует, что никакое решение не может быть более чем приблизительным: какое бы соглашение ни было достигнуто с контрастом, оно останется, а вместе с ним и определенное скрытое трение, которое всегда сопровождает контраст.

Но между такого рода кипячением и активным кипением вопроса сегодня (с угрозой его *перерастания*) есть огромная разница в мире. Но даже если решение будет несовершенным, оно может быть достаточно стабильным: у нас, по крайней мере, будет мир, хотя и не дружба. Далее, из элементов проблемы следует, что решение заключается в том, чтобы любая из сторон модифицировала то, что в своих действиях раздражает другую; то есть все, что может быть изменено волей и не смешано с чем-то неистребимым.

Еврей не может не чувствовать своего превосходства, но он может помочь выражению этого превосходства — во всяком случае, он может изменить такое выражение. Он, конечно, может, хотя и ценой больших потерь от традиций и привычки, избавиться от той пагубной псевдо-защиты секретности, которая отравляет все отношения между ним и нами. Мы, со своей стороны, можем отбросить то, что является обратной стороной той скрытности, неискренности, отсутствия откровенности, в которую мы впадаем в наших отношениях с евреями. Это не может не означать серьезного разрыва с нашими традициями, а также с привычками, но преимущество стоит жертв. Мы можем (это должна быть работа каждого отдельного человека, это не может быть работа корпорации) обращаться к евреям с большим уважением и в то же время чаще. Я думаю, мы можем во многом продвинуться вперед из-за недостатка милосердия, которое мы сейчас проявляем, даже если мы отчаиваемся жить в настоящей близости с людьми, столь непохожими по своим глубочайшим качествам на нас самих.

Лично я не уверен, что такая более тесная близость не могла быть установлена; я никогда не сталкивался с какими—либо трудностями в установлении и поддержании близкого знакомства с евреями моего собственного круга - но, возможно, мне повезло. Я знаю, что с большинством моих собратьев это не так, и, возможно, еврей всегда будет оставаться для массы окружающих чем-то странным и неприступным, и, боюсь, отталкивающим. Но нет никаких причин, почему мы должны примешивать к этой нерешительности в наших отношениях элемент безразличия, еще меньше презрения, еще меньше, опять же, жестокости.

Я повторяю формулу решения: это признание и уважение.

Признание здесь - не более чем констатация истины: еврейская нация существует. Евреи - граждане этой нации; и признание означает не только рассказывание этой правды в особых случаях, но и использование ее как постоянной привычки в наших отношениях с обеих сторон.

Это утверждение, при любом справедливом анализе еврейского вопроса, настолько очевидно и так просто, что не нуждается ни в подчеркивании, ни в развитии. Его простой формулировки достаточно. Но с таким определенным решением связан гораздо более активный и сложный вопрос, из-за неопределенности которого потерпела крушение не только эта реформа, но и многие другие. На вопрос нужно ответить правильно, потому что, если мы ответим на него неправильно, вся схема рухнет.

Вопрос заключается в следующем: должна ли социальная привычка, общий метод в письменной и устной речи и во всех отношениях предшествовать в данном случае институциональным действиям, правовым изменениям, конституционным определениям? Или на первом месте должны быть правовые изменения, новые институты, конституционные определения?

Правильное решение имеет огромное значение по той причине, что неправильное решение может разрушить весь эффект доброй воли.

На мой взгляд, неправильным решением было бы то, которое отдавало бы приоритет правовым изменениям, новым определениям, новым институтам и пыталось бы на их основе создать новый дух. Я полагаю, что такое изменение истинного порядка сделало бы невозможным любой стабильный мир.

Конечно, следует признать, что изменения, предложенные самими евреями, развитие их собственных институтов, добровольная сегрегация их сообщества в других областях, отличных от тех, в которых они уже осуществили эту сегрегацию, относятся к другой категории. Эти новые и определенно еврейские учреждения мы всегда должны приветствовать. Но попытка сформулировать общественные нормы, которые призваны защитить общину в целом от чужеродного меньшинства, когда это меньшинство должно жить с кем-то постоянно и в качестве регулярной черты жизни общины, неизменно ведет к угнетению, если такие нормы принимаются в качестве первых шагов в урегулировании, вместо того, чтобы быть оставленными, как и должно быть, до конца. Любое сепаратистское законодательство должно естественным образом возникать в результате длительной практики и полного признания евреев как отдельного народа и сопровождаемого этим признанием уважения. Если аванс будет сделан с нашей стороны, еврей может отказаться от любой такой сделки. Он может упереться и настаивать, как настаивали до него многие представители другого привилегированного класса, что он будет продолжать наслаждаться всем, чем он когда-либо наслаждался, что он будет продолжать требовать двойной лояльности, что он будет настаивать на самом полном признании в качестве еврея и в то же время на том, что является фатальным для такого признания, на самом полном признании в качестве члена нашего собственного сообщества.

Если он сделает *это* (а есть те, кто говорит нам, что он непременно это сделает и откажется от любых реформ), тогда сообщество будет вынуждено принимать законы вопреки ему. Это будет опасно и для него, и для нас; это может даже стать началом серьезных неприятностей для

обоих, но это будет неизбежно. Это появится в массе законодательных актов по всей Европе, которые затронут эту страну вместе со всеми остальными.

Нынешняя ситуация не может продолжаться бесконечно. Она уже неопределенна даже здесь, в Англии; она достигла дальнейших стадий на пути к краху в других местах. Но если еврей вовремя увидит опасность и оценит природу этого изменения, начало которого мы все видели и которое происходит столь быстрыми темпами, тогда могут быть установлены отношения, из которых (позже) должны исходить формальные правила, приемлемые для обеих сторон. И в таком случае было бы, я повторяю, серьезнейшей из ошибок инициировать новые позитивные законы и новый статус до того, как будет подготовлена основа для восстановления честных отношений; а это может быть сделано только путем откровенного признания реальности, путем открытого и постоянного признания повсюду, что Израиль - отдельная нация, он не принадлежит и не может принадлежать нам и не должен смешиваться с нами самими.

Существует большой соблазн повременить, потому что острота проблемы еще не ощущается здесь, среди состоятельных людей, и еще больше потому, что она различается в разных сообществах. Кажется, что опасность все еще далека от нас, хотя она может быть у самых дверей наших соседей. Рутинная наследия недавнего прошлого, ложная уверенность, создаваемая условностями этого прошлого, вполне могут соблазнить тех, кому не нравятся усилия по изменению, уклониться от этих изменений. Но я бы спросил любого умного и вдумчивого еврея, который все еще думает, что может полагаться на ложную позицию девятнадцатого века, есть ли сегодня те же силы, которые поддерживают его сегодня, что и тогда?

Возьмем конкретный пример. В Польше и Румынии старая художественная литература была временно навязана силой. Еврей, который в обеих этих странах считается более чужим, чем мог бы быть любой другой иностранец-европеец, навязывается правительству и обществу каждой страны западными правительствами как полноправный гражданин. Напряжение здесь чрезвычайно усугубляется, потому что оно возникло не из-за природы общества, а из-за действий посторонних; английское, французское, американское правительства (но особенно американское и английское) создали в Восточной Европе это нестабильное, несправедливое и искусственное положение дел. Это не может длиться долго, потому что это нереально.

Соответствующие общины могут не издавать законов, признающих евреев; с другой стороны, дверь открыта для угнетения: и в тот момент, когда ненавистное иностранное вмешательство ослабнет, наступит угнетение.

Что ж, когда под давлением реальных социальных трудностей нереальное урегулирование рухнет из-за принятия новых законов, признающих евреев (но жестко и без соглашения с ними), или из-за реальной враждебности, думает ли еврей в глубине души, что сейчас он получит такую же поддержку со стороны Запада, как и тридцать лет назад? Он прекрасно знает, что не стал бы этого делать.

Тридцать лет назад вы получили бы немедленный ответ на еврейский призыв от всего традиционного либерализма Франции, от подавляющей части ее правящего класса и всей ее академической организации, от того, что тогда было солидной и все еще уважаемой группой старых республиканцев. В Англии такой ответ был бы единодушным и полным энтузиазма. У вас были бы потоки передовых статей, грандиозные общественные собрания, повсюду выступали

бы министры Кабинета министров в защиту священного дела терпимости. Всем известно, что сегодня призыв восточных евреев, хотя он все еще мог бы быть поддержан официально, был бы воспринят общественностью с безразличием. Через десять лет это может быть воспринято с насмешкой.

Или возьмем другой пример. Давайте предположим — это весьма вероятно, — что сионистский эксперимент провалится, что англичане откажутся рисковать жизнями своих солдат в ссоре, которая их не касается, и откажутся поддерживать за счет своих непомерных налогов высокодоходную колонию, которая не дает им никаких преимуществ и их вообще не касается. Что касается срыва этого эксперимента, если он произойдет в ближайшее время, будет ли по-прежнему оказана поддержка его восстановлению, которую вы получили бы даже десять лет назад? Конечно, не будет. Через десять лет вполне вероятно, что вы столкнетесь не с безразличием к такому восстановлению, а с самой активной враждебностью. Во всем мире поток повернул в одном и том же направлении.

К сожалению, результатом этого изменения стало возбуждение ненависти, а не желания урегулирования, и побуждение людей к слепым действиям, а не к аргументированному анализу трудности. Вот почему эта проблема кажется мне неотложной, хотя в западном обществе все еще существуют обширные области, в которых ее актуальность замаскирована и наполовину забыта.

Когда я говорю "срочно", я имею в виду, что это мое эссе, которое и сегодня остается актуальным, и решение, рекомендованное в нем, все еще осуществимо, вполне может при жизни его автора устареть до неузнаваемости. Предлагаемое здесь мирное урегулирование с намеренной расплывчатостью и мягкостью очертаний может показаться через несколько лет таким же устаревшим, таким же нереальным из-за происходящих перемен, как сегодня старые ярлыки о чистоте парламентской жизни и серьезности партийной политики.

К концу жизни этого поколения мое решение может показаться столь же неприменимым к острой ситуации, *тогда* возникшей между евреями и нами, сколь кажутся сегодня старые дебаты о весьма предварительном требовании самоуправления в 80-х годах. Давайте действовать как можно скорее и уладим это дело, пока еще есть время. Ибо в водовороте и стремнинах современного мира, которые становятся не менее стремительными по мере приближения к спокойствию, но более интенсивными по мере приближения к водопаду, каждый крупный спор с каждым годом принимает все более сильную форму, все ближе приближаясь к конфликту; и не что иное, как незапамятный спор, до сих пор не заверченный, между исламом, христианским миром и Бени-Израэлем.

Но со своей стороны я говорю: "Мир Израилю".

Напечатано в Великобритании фирмами Butler & Tanner, Froome and London.